
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2017

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лев КРИШТАПОВИЧ. Евразийский Союз: от удельщины к государственности	3
Михаил ДЕМУРИН. Украинство как проблема	83
Игорь НЕВСКИЙ. Истоки русофобии восточноевропейцев	87
Людмила РЯБИЧЕНКО. Стратегия действий — расчеловечивание	116
Владислав КОВАЛЁВ. Террор рекламы	125

ПРОЗА

Нина БОЙКО. Дом на продажу. Роман	15
Анатолий БАЙБОРОДИН. Ленский карнак. Рассказ	95
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Два рассказа	133

ПОЭЗИЯ

Евгений СЕМИЧЕВ. Воздух Родины. Стихи	75
Анатолий ГОРБУНОВ. Белая сказка. Стихи	109
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Кисти чёрной бузины. Стихи	165
Ольга ШМАКОВА. От края и до края... Стихи	170

РУССКИЙ МИР

Галина ЧУДИНОВА. О духовном состоянии русского народа	176
Юрий БАРБАШОВ. Зачем России Украина	189

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Татьяна АКИМОВА. Любовь к родному пепелищу. Воспоминания в Год экологии	200
--	-----

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. «Роковой человек» Февральской революции	239
Роман ИЛЮЩЕНКО. В тумане лжи и подтасовок	248

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Александр НИКИШИН. Новый уровень войны с Россией	254
Ростислав ИЩЕНКО. Распад Украины неизбежен	262

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

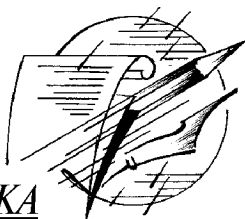
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	265
---	-----

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, профессор, г. Минск

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ОТ УДЕЛЬЩИНЫ К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Общеизвестно, что президенты России и Белоруссии Владимир Путин и Александр Лукашенко квалифицировали разрушение СССР как геополитическую катастрофу XX века. На V Всебелорусском народном собрании белорусский лидер вновь подчеркнул, что «крушение Советского Союза действительно было крупнейшей геополитической катастрофой». Эту же мысль Александр Лукашенко повторил 30 сентября 2016 года, отвечая на вопросы студентов Пекинского университета. В частности, он сказал: «Я однозначно рассматриваю распад Советского Союза как катастрофу, которая имела и имеет негативные последствия во всем мире. Ничего хорошего от распада мы не получили».

И здесь возникает сакраментальный вопрос: может ли геополитическая катастрофа служить основанием независимости России и Белоруссии, других постсоветских республик? Почему катастрофа является независимостью — невозможно понять. Но ведь общественному сознанию постсоветских республик как раз и навязывается этот неграмотный взгляд, будто бы они после крушения Советского Союза ста-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ли независимыми и суверенными государствами. Даже с точки зрения здравого смысла и элементарной логики должно быть понятно, что после геополитической катастрофы на постсоветском пространстве образовались не новые независимые государства, а лишь политические осколки, лишенные действительных признаков государственной независимости и самостоятельности. Глупо смешивать политические выводы постсоветских образований, на которых написана их государственность, с их реальным суверенитетом. Собственно говоря, это признает и Александр Лукашенко, который на V Всебелорусском народном собрании сказал, что после этой геополитической катастрофы «создавались предпосылки, чтобы Белоруссия была под внешним управлением. В те годы народу Белоруссии предстояло отстоять свой суверенитет». Разумеется, это относится не только к Белоруссии, но и ко всем другим постсоветским осколкам, в том числе и самому большому — России.

Если приводить некоторые исторические аналогии, чтобы понять сущность геополитической катастрофы XX века и тех условий, в которых оказались народы якобы новых независимых государств, следует обратиться к эпохе феодальной раздробленности и существовавших в то время удельных княжеств. Формально это были суверенные государства. А фактически — политические осколки некогда единого Древнерусского государства. В чем выражалась несостоятельность формального суверенитета удельных княжеств? В том, что они находились под внешним управлением. Северо-Восточная Русь — под золотоордынским игом, а Юго-Западная Русь (нынешняя Украина и Белоруссия) — под польско-литовским. Отстаивая, защищая свой удельный суверенитет, свой удельный интерес, правители удельных княжеств тем самым отстаивали раздробленность или, выражаясь современным языком, дезинтеграцию своей общерусской земли, то есть сохраняли условия, при которых их удельные княжества продолжали находиться под внешним управлением. Почему Куликовская битва считается поворотным пунктом в истории русского народа? Потому что Дмитрий Донской на Куликовом поле защищал не только свое Московское княжество, но и все другие русские княжества, не только свою московскую землю, но и всю Русскую землю. На Куликовом поле родилось Русское государство. Ровно через сто лет, в 1480 году, великий князь московский Иван III разрывает в присутствии послов татарского хана его грамоту. Этим актом ордынское иго или внешнее управление на русских землях официально объявлено прекращенным.

В чем историческое значение для белорусов и украинцев разделов Речи Посполитой в конце XVIII века? В том, что Белоруссия и Украина окончательно освободились от польско-шляхетского ига или внешнего управления и, воссоединившись со всей Русской землей, восстановили свою цивилизационную суверенность и этническую идентичность, возвратились в свою общерусскую историю. И хотя польская шляхта, используя пропольские симпатии Александра I, стремилась продолжить свое внешнее управление на украинских и белорусских землях, тем не менее 24 октября 1795 года является знаменательным днем в белорусском историческом календаре, когда польско-шляхетское иго на белорусских землях было официально ликвидировано.

Аналогично обстоит дело и на постсоветском пространстве. Как бы руководители так называемых новых независимых государств ни распространялись на тему суверенитета и независимости, объективно их удельные государства находятся под внешним управлением США и Евросоюза. Будь это рекомендации Международного валютного фонда или так называемых неправительственных аналитических центров, или какие-то иные формы западного доминирования на постсоветском пространстве. Возьмем, к примеру, Украину. Так называемую евроинтеграцию Украины объективно исповедует меньшинство украинцев. Ядро их состоит из мелких торговцев, чиновников, литераторов, певцов и певичек, представителей многочисленных экспертных сообществ, для которых перспективы евроинтеграции сопряжены с выгодами власти и больших денег, даже если всё это будет основано на махровом бандеровском фашизме. Очевидно, что украинской евроинтеграции как некоего народного движения не существует, есть только работа преимущественно полуинтеллигенции (от одного берега отплыли, а к другому не приплыли), деятельность эта своекорыстная, эгоистическая, поддерживаемая идеологически, дипломатически, политически, финансово США и Евросоюзом. Это хорошо видно на примере «добровольческих» батальонов «Азов», «Айдар», «Днепр», которые представляют собой не армейские формирования, а самые настоящие военизированные банды, где грабеж, истязания, избиения беззащитных людей возводятся в ранг евроинтеграционной государственной политики. Всё это напоминает времена петлюровщины в годы Гражданской войны и бандеровщины во время Великой Отечественной войны.

Например, 4 марта 1919 года петлюровский атаман Семесенко, стоявший под Проскуровом, отдал приказ своей за-

порожской бригаде перебить еврейское население. И началось избиение. Пьяные разбойники во главе со своими офицерами врываются в мирные дома и вырезывали поголовно целые семьи. С утра до вечера перебили 3 тыс. человек. Только один человек был убит пулей — православный священник, старавшийся остановить извергов. Все остальные были зарезаны.

Так же действовали бандеровцы во время Волынской резни, когда головорезы из «Украинской повстанческой армии» в 1943 году осуществили массовое уничтожение польского гражданского населения. В результате бандеровских зверств погибло до 100 тыс. человек. Польский сенат 8 июля 2016 года, а затем и польский сейм признали Волынскую резню геноцидом и установили 11 июля днем памяти жертв геноцида, совершенного бандеровцами против польского населения. Архивы изобилуют документами, неопровержимо доказывающими связь ОУН и ее УПА с немецкими захватчиками, в частности, с абвером. Заместитель начальника отдела «Абвер-2», полковник Э.Штольц в своих показаниях на Нюрнбергском процессе отмечал, что «для подрывной деятельности нами был завербован видный украинский националист Бандера Степан, которого после капитуляции Польши мы освободили из тюрьмы». На основе ОУН был образован ряд формирований — «Нахтигаль», «Роланд», «СС-Галичина», которые вместе с фашистами вели войну против украинского народа.

26 мая 1991 года современные бандеровцы открыли памятник погибшим воинам украинской дивизии «Галичина» на горе Жбир во Львовской области, где в 1944 году, выставленная немцами против Красной Армии, эта дивизия потеряла свыше 5 тысяч солдат. Инициаторы открытия памятника погибшим бандеровцам лицемерно умолчали о красноречивой детали: была у этой украинской дивизии существенная приставка «СС», носителей которой Международный военный трибунал в Нюрнберге объявил преступниками перед человечеством. Эти «дивизионники» клялись на верность не Украине, а Адольфу Гитлеру. Вот выдержка из присяги: «Верно служить Адольфу Гитлеру как великому фюреру новой Европы». В формированиях СС, личным приказом ее шефа рейхсфюрера Гимmlера было запрещено употребление слова «Украина» и его производных. Вот что собой представляло в действительности бандеровское национально-духовное возрождение Украины в годы Великой Отечественной войны. Как верно указывал крупнейший российский историк Александр Молчанов, «это уже позже появились сказки о «защите украинских национальных

интересов», о «борьбе за свободу украинского народа», а полстолетие назад бандеровцы превращали города и сёла Украины в настоящий ад, истязали матерей и детей, нещадно истребляли физически и заполняли колодцы трупами украинцев и русских, евреев и поляков

Аналогично действуют последыши петлюровцев и бандеровцев в наше время на Юго-Востоке Украины. Во втором докладе «Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение», подготовленном Фондом исследования проблем демократии, говорится, что *«практика пыток и бесчеловечного отношения со стороны Службы безопасности Украины (СБУ), украинских Вооруженных сил, Национальной гвардии и других соединений Министерства внутренних дел Украины, а также незаконных вооруженных формирований, таких как «Правый сектор», не только не прекратилась, но приобретает всё более масштабный и системный характер»*. Фашистский характер таких формирований подтвержден и в Докладе Совета ООН по вопросам прав человека. В нём говорится, что «ультранационалистические группы и другие вооруженные формирования, такие как «Правый сектор», «Свобода» и «Самооборона», должны быть признаны незаконными и их нужно разоружить, расформировать и подвергнуть судебному преследованию или подчинить закону».

В 14-м Докладе ООН, посвященном соблюдению прав человека на Украине, отмечается, что «граждане страны подвергаются пыткам в застенках СБУ.. В стремлении скрыть эти злодеяния, СБУ в конце мая 2016 года не допустила сотрудников миссии ООН в свои секретные тюрьмы, где находятся незаконно задержанные».

Французский журнал «Nations Presse», характеризуя социально-политическую ситуацию на Украине, отмечает, что она напоминает последние дни третьего рейха. В частности, говоря о мобилизации на Украине, он пишет: «Кампания по вербовке проводится правоэкстремистскими группировками «Правый сектор», «Патриот Украины», УНА-УНСО в сотрудничестве с Министерством внутренних дел. Множество лагерей, находящихся недалеко от Львова и Киева, уже принимают сотни этих «добровольцев» для того, чтобы их обучить, «закалить» и сделать убийц в интересах глобалистов».

Итальянское средство массовой информации «Agora Vox», описывая неприглядную политическую действительность Украины, констатирует: «Европа закрывает глаза на всё: на бомбардировку незащищенного населения, ревизионистскую переоценку роли Бандеры и его соратников — кровавых

убийц евреев и поляков по всей Европе во время Второй мировой войны. И хотя ксенофобские и антисемитские сторонники Петлюры и Бандеры вновь получили оружие на украинской земле, даже Германия, до сих пор являющаяся олицетворением коллективной вины за ужасы нацизма, упорно молчит, принимая как лучшего союзника на востоке Европы страну, где даже в 2015 году вы рискуете жизнью только потому, что ваши родители говорят на языке, отличающемся от государственного».

Французский сенатор Натали Гуле в эфире радио «Франс-Интер» заявила, что «в Днепропетровской области Украины расположен лагерь по подготовке террористов «Исламского государства». Представьте себе, лагерь подготовки прямо возле нас, который финансируется всей этой противозаконной торговлей людьми и предметами искусства».

Грегор Гизи, лидер «Левой партии», выступая в Бундестаге 13 марта 2014 года, без обиняков назвал членов нового кабинета министров Украины фашистами: *«Вице-премьер, министр обороны, министр сельского хозяйства, министр по экологическим вопросам и генеральный прокурор — фашисты! Глава Совета национальной безопасности — основатель фашистской партии «Свобода». Нынешний спикер Верховной рады Украины Андрей Парубий вместе с Олегом Тягнибоком — один из учредителей партии «Свобода», которая до 2004 года прямо называлась социал-национальной, то есть нацистской партией. Де-факто парламент Украины возглавляет откровенный нацист».*

Американский журналист Финниан Каннингем признает, что «войска США и НАТО сотрудничают с неонацистской властью в Киеве и продолжают очернение России». Общій вывод объективной журналистики и политики: «По факту, на Украине установился фашистский режим латиноамериканского типа, который серьезно угрожает всем цивилизованным странам. Собственно, бандеровцы, активно участвующие в гражданской войне, и не скрывают, что хотели бы вести войну и на территории России. Запад же посылает на Украину своих военных инструкторов и боевую технику. Получается, что Западу и прежде всего США выгодна именно полуфеодалная фашистская милитаристская Украина».

А теперь, после этих признаний западных журналистов и политиков, поставим вопрос: можно ли говорить о территориальной целостности такого государства, власть в котором фактически принадлежит фашистам и террористам, извергам рода человеческого? И когда руководители США и Евросоюза патетически восклицают о недопустимости нару-

шения территориальной целостности Украины с точки зрения международного права — это то же самое, что соглашаться с недопустимостью нарушения территориальной целостности гитлеровской Германии. При такой логике Адольф Гитлер имел такое же право апеллировать к международным принципам признания территориальной целостности своего рейха, как и Петр Порошенко своей неньки — Украины. Ведь оба они в конечном счете реализовывали так называемую политику евроинтеграции.

В этом плане показателен уровень политического мышления и нравственного поведения современной западной политической элиты, которая так любит произносить слова о европейской и демократической Украине, об укреплении сотрудничества и партнерства с ней. Представьте себе ситуацию: Сталин, Рузвельт, Черчилль в своих политических выступлениях и дипломатической фразеологии на полном серьезе говорят о наших фашистских *партнерах* и необходимости урегулирования развязанной гитлеровцами войны исключительно **путем переговоров**, соблюдая при этом территориальную целостность третьего рейха. На этом фантазмагорическом предположении видно, насколько современная политическая элита Европы лишена как умственного мышления, так и нравственного достоинства. А всё потому, как справедливо заметил немецкий политолог Арно Кленне, «Украина нужна США в качестве поля битвы с Россией».

Поэтому вся эта евроинтеграция нынешней власти на Украине — это лишь камуфляж, которым современные бандеровцы прикрывают факт внешнего управления страной США и Евросоюзом. Опять же всё это было в истории Украины. В 1918 году деятельность правительства Центральной Рады сводилась к тому, как указывали украинские социалисты-революционеры, чтобы быть «лакеем германской реакции». Эти правители, отстаивая свою евроинтеграцию, выразили немецкому барону Мумму готовность «отказаться от своей социальной программы, лишь бы получить согласие Германии на их пребывание у власти». Правда, это им не помогло. Кайзеровские оккупанты дали им пинка под зад и посадили на место правителя свою марионетку — гетмана П.Скоропадского.

В 1919 году немецких оккупантов сменили французские. И всё повторилось. В декларации, представленной французскому командующему в Одессе весной 1919 года за подписью Петлюры и Директории представители «украинской власти» согласились передать в руки французского генерала контроль над внутренней и внешней политикой Украины — заведование финансами, путями сообщения и вообще всеми

отраслями управления и экономической жизни страны. Современная евроинтеграция нынешней «украинской власти» ничем не отличается от такой же евроинтеграции их предшественников. Отличие только в том, что немцев и французозов заменили американцы.

Такую же покровительственную политику, какую Запад проводит в отношении бандеровцев на Украине, он же реализует и в отношении радикальных исламистов, то есть террористов. «Не секрет, что «Аль-Каида», как и «Братья-мусульмане», создавались при активном участии спецслужб США и Великобритании. Вашингтон оказывал информационную, дипломатическую и военную помощь различным радикальным группировкам в Ливии и Сирии. Как заявил командующий войсками Ирана Хасан Фирузабади, у Тегерана есть сведения, что США поставляли оружие, продовольствие и деньги «Исламскому государству».

Здесь важно понимать кровнородственную связь между капитализмом и терроризмом. И проявилась эта связь еще в незапамятные времена. Колониальная политика Запада — это наиболее рельефное проявление террористической сущности капитализма. Известное выражение Уинстона Черчилля, что «голод в Бенгалии в 1943 году был вызван тем, что местное население размножается как кролики», относится к общей террористической традиции западных политиков, привыкших возлагать вину на жертвы колониального управления. Бизнес, как известно, не признает ни законов, ни морали, ни прав человека, а только прибыль. Бизнес по своей природе аморален и криминален. Европейская колонизация Америки свелась к уничтожению американских индейцев. В результате пятисотлетней войны или самого длительного Холокоста в истории человечества было уничтожено 95 из 114 миллионов коренных жителей нынешних территорий США и Канады. Для иллюстрации: в 1864 году полковник американской армии по имени Джон Шевинтон, расстреливая из гаубиц очередную индейскую деревню, сказал своим офицерам: «Я пришел, чтобы убивать индейцев, и считаю, что это право и почетная обязанность. И необходимо использовать любые средства под небом Бога, чтобы убивать индейцев». Может, это осталось в прошлом? Военный аналитик американского телеканала Fox News, генерал Боб Скейлз в прямом эфире 11 марта 2015 года откровенно заявил, что «США должны убивать как можно больше русских в Донбассе». Вот в этом и вся западная демократия!

Поэтому все мантры западной политической элиты о борьбе с международным терроризмом — это мистификация, пред-

назначенная для того, чтобы скрыть террористическую сущность своей капиталистической системы, которая именно и порождает это мировое зло. Ведь бороться против международного терроризма означает необходимость борьбы против капитализма. Эту связь между терроризмом и западной экономической системой признают сами западные средства массовой информации. Вот что констатирует французский сайт Boulevard Voltaire: *«Сегодня снова у нас с российским народом одинаковые враги. Речь идет о радикальном исламизме и неолиберальном глобализме. На первый взгляд, это разные вещи, но в действительности речь идет о двух руках одного монстра. Это опухоли на теле современного мира, это мультинациональные элиты, владеющие деньгами»*. По словам этого издания, французские власти всегда хотели победить Башара Асада, поэтому они поставляли оружие «Фронту ан-Нусра» — филиалу «Аль-Каиды» в Сирии». Вот почему глобальный капитализм, породивший международный терроризм, экономически неэффективен, политически неразумен и морально несостоятелен. Британская журналистка Сара Юен справедливо указывала, что «западные силы могли бы остановить ИГИЛ уже завтра, если бы захотели. Но они не хотят — потому что им это выгодно. Войны в Ираке и Афганистане очень выгодны были для Блэра и Буша. Сегодня это факт. Это доказано. И мы все несем ответственность, что все эти годы мы молчали».

«Европейский выбор» бандеровцев и радикальный исламизм, как подчеркивают объективные эксперты, имеют много общего. Неонацизм на Украине и «Исламское государство» на Ближнем Востоке являются двумя сторонами единого террористического плана Вашингтона по противодействию установлению многополярного мироустройства. Постоянный представитель Сирии в Организации Объединенных Наций Башар Джаафари, выступая на экстренном заседании Совета Безопасности ООН (25 сентября 2016 года), совершенно справедливо подчеркнул эту связь между терроризмом и западным глобализмом. В частности, он сказал, что *«созыв экстренного заседания СБ ООН (по инициативе США, Англии и Франции. — Л.К.) — это наглядный посыл, сигнал террористам, которых причисляют к умеренной оппозиции. Это сигнал о политической поддержке и намерении продолжать поддерживать эти силы»*. Даже Джон Керри, будучи в ранге госсекретаря, признавал, что США вооружали террористов и никогда не прекращали поддерживать ИГИЛ. Вот это и есть наглядный пример альянса западных глобалистов с тираническими режимами Аравийского полуострова, развязавших террористическую бойню в Сирии и на Украине.

Чтобы покончить с внешним управлением США и Евросоюза над нынешними удельными землями постсоветского пространства, постсоветские руководители должны осуществить свою общеземельную Куликовскую битву, должны возратить свои удельные образования в русло общерусской истории.

Евразийский союз — это и есть метафизическое Куликово поле, на котором сегодня происходит освобождение нашей земли от западного внешнего управления, и, следовательно, — восстановление, обретение реальной независимости и суверенитета Белоруссии, России и других постсоветских земель. Союзное государство Белоруссии и России положило начало современной Куликовской битве, интеграции на постсоветском пространстве, возвращения в свою общерусскую историю.

Отсюда должна быть понятна неприемлемость так называемой евроинтеграции, «восточного партнерства», ассоциаций и всех других программ евроатлантического сотрудничества, которые навязываются Западом постсоветским республикам. Ибо эта квазиевроинтеграция основывается на геополитической катастрофе, исходит из политики консервации внешнего управления на наших землях путем закрепления дезинтеграционного состояния постсоветского пространства. И продолжать талдычить о евроинтеграции, когда граждане Великобритании на референдуме 23 июня 2016 года проголосовали за выход своей страны из Евросоюза, то же самое, что искать вчерашний снег. В этом плане разговоры наших экспертов об «интеграции интеграций», об интеграции от Владивостока до Лиссабона не только наивны, но прямо-таки антидемократичны. Ибо евроинтеграция осуществляется на основе принципа глобализма (империализма), то есть однополярного мироустройства, а евразийская интеграция — на основе принципа диалога цивилизаций, то есть многополярного миропорядка. Как нельзя соединить однополярное мироустройство с многополярным, так невозможно сопрягать евразийскую интеграцию с евроинтеграцией. Настаивать на «интеграции интеграций» — значит становиться на дорогу разрушения государственности России, Белоруссии и других постсоветских стран.

Евросоюз в его нынешнем административном и социально-политическом обличье — это сугубо бюрократическое, олигархическое, империалистическое, реакционное образование. Зададимся вопросом: кто выступает в поддержку Евросоюза и его европейских ценностей? Евробюрократия и европлутократия, евросоюзовские неофиты — руководители прибалтийских рес-

публик, Польши, Румынии, а также такие «европеиды», как бандеровские псы на Украине и им подобные деятели в других постсоветских республиках. То есть те якобы евроинтеграторы, которые как раз характеризуются бюрократизмом, ксенофобией, русофобией, неонацизмом, полнейшим антидемократизмом и отсутствием всякой политической порядочности. Как тут не вспомнить Иисуса Христа, который как будто специально говорил в отношении этих евроинтеграторов: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Разумеется, граждане тех европейских государств, где еще существуют политические приличия и сохранились элементы демократии, не хотят видеть рядом с собой не только азиатских и африканских мигрантов, но также и новых членов Евросоюза, не хотят ассоциаций с Украиной, фарисейских политиков и циничных плутократов в своих странах. Евросоюз, обнаживший свое реакционное, антидемократическое лицо, логично идет к своему распаду. И чем быстрее это произойдет, тем скорее оздоровится экономически, политически, нравственно весь Европейский континент. Факт остается фактом: кэмероны, меркели, олланды, юнкеры, шульцы, туски — вся эта лицемерная, словоблудливая компания оказалась у разбитого корыта. Им чудилось, что они поймали золотую рыбку, которая будет без конца удовлетворять их жадность и наглость, а они будут светиться лучезарными улыбками и посмеиваться над простотой своих граждан, верящих в европейскую демократию, но на самом деле весь этот евросоюзковский бомонд ничем не отличается от пушкинской глупой старухи у разбитого корыта. Итак: Евросоюз гол и никакое новое платье политических мошенников уже не скроет его безобразного вида от взора всех честных людей.

Современная система международных отношений складывается в геополитической борьбе двух концепций и политик — однополярного и многополярного мироустройства. За однополярный мир выступают США и их вассалы в лице англосаксонских стран, новых членов Европейского союза, Японии, Израиля и реакционных режимов на Аравийском полуострове. Подавляющее же большинство стран мирового сообщества стоит на позиции признания принципа многополярности в международных отношениях. Главные из этих стран — Россия, Китай, Индия.

В чём видится основное препятствие на пути укрепления и развития Евразийского союза? В том, что лидеры так называемых новых независимых государств не понимают главного — того, что подлинная независимость возможна лишь

при признании общеевразийского интереса в качестве приоритетного интереса своих стран. Продолжая же настаивать на сохранении своих удельных суверенитетов, они тем самым лишают свои страны возможности подлинного суверенитета и независимости. Растаскивать общенациональный, общеевразийский интерес по удельным квартирам — значит продолжать оставаться в ситуации геополитической катастрофы, находиться под внешним управлением западной бюрократии и олигархии. Парадоксально, но именно политику геополитической катастрофы отстаивает министр иностранных дел Белоруссии Владимир Макей, который на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Польши Витольдом Вашиковским заявляет следующее: «Что касается принципиальных наших подходов, мы не собираемся отрываться от России. Мы понимаем, что в экономическом плане Белоруссия достаточно сильно зависит от этого, но мы хотим уйти от этой сильной зависимости, быть менее зависимыми от одного государства, что особенно ущербно в периоды финансово-экономических кризисов». Ну и логика! Казалось бы, в условиях кризиса надо еще теснее объединяться, спланиваться, а министр фактически предлагает разъединяться, то есть оставаться в ловушке геополитической катастрофы. Также алогично его рассуждение о роли НАТО в Европе. Оказывается, Владимир Макей не воспринимает продвижение НАТО как военную угрозу для Белоруссии, но считает это вызовом и думает о методах адекватного реагирования на эти события. Как будто от замены слова «угроза» словом «вызов» дело меняется в корне — и НАТО вместо агрессивного блока американской военщины становится некой абстрактно понимаемой и, может быть, даже принимаемой организацией. Владимиру Макею, прежде чем соглашаться стать министром иностранных дел, следовало бы сначала поучиться русскому языку и узнать, что есть слова-синонимы, различающиеся по написанию и совпадающие по содержанию. Тогда бы он понял, что между угрозой и вызовом нет принципиального различия.

Пора заканчивать lamentации (сетования) об изъятиях и ограничениях в Евразийском союзе, необходимо подняться на уровень стратегического понимания безальтернативности евразийской интеграции, ведущей к созданию единого Союзного государства как полноценного субъекта мирового сообщества и многополярного миропорядка.

ДОМ НА ПРОДАЖУ

РОМАН

1

Чайки белыми лайнерами кружили над морем, потом слетались к берегу и, отдыхая, медленно вышагивали по нему, голубенькие, аккуратные, — поглядывали на унылую рыбалку ворон.

Вороны рыбачили на отмели.

«Поразительно! — наблюдал за воронами Поздеев. — Не зря им дано такое имя: ни одной рыбёшки не ухватят, но горор — ефрейторский. И все хромают на правую ногу».

Было восемь вечера, и пляж уже опустел. Только Валентина, соседка Поздеева, сидела с какой-то женщиной у полоски степи: глушили самогон.

— «Дорвалась», — подумал Николай Иванович.

Валентину он жалел. Добрая, трудяга, а вот не повезло в жизни, мужик достался дрянь: актёр бывший. Или певец? Чёрт его знает! Сколько Поздеев помнил, тот никогда не работал.

Валентина тоже заметила соседа. Залив в себя очередную порцию, сказала товарке:

— Коля вон сидит, скучает.

— Давай позовем?

ПРОЗА

— Он не пьёт. Он мыслит.

— Что-о?

— Да ну его!

Вокруг было светло и просторно. Мелкокопкие цветочки мигали из жесткой травы разноцветными глазками. Женщина, не сходя с места, нарвала букетик, понюхала, удивляясь тонкому аромату. Сказала Валентине:

— Степь вроде, а цветов — в лесу столько не найдёшь.

— Я не знаю, что такое лес. У нас в Воркуте тундра.

— Валь, — несмело спросила женщина, — страшно тебе было охранницей в зоне?

— Всяко случалось. С взрослыми не так еще, а с малолетками — вот с теми-то да-а...

— А как ты в зону попала?

— Мне восемнадцать было, понимаешь? Всего восемнадцать. Где у нас там работать? Думаешь, охранница — значит, отпетая? Да у меня коса была, как у Алёнушки! В зоне тоже люди, тоже, если хочешь знать!

Женщина растерялась: как-то неожиданно вышла из себя Валентина, как-то ни из-за чего — в растерянности стала разливать по стопкам.

— Ладно, — Валентина обняла её. — Давай лучше споём.

За расстоянием и шелестом моря Поздеев не слышал песни, а если бы услышал, то немало бы подивился: Валентина дома никогда не пела.

На берег спланировал мартын. Вороны забеспокоились. Поздеев смотрел, как они, отлетев в сторону, взирают на громадного мартына: «Мы тебе мешаем здесь, мешаем?» И уходят от кромки воды — не улетают, а уходят, хромя и оглядываясь на мартына как-то боком, аж из-под лап выворачивая головы.

Николай Иванович искупался и пошёл домой.

Дом на три семьи, в котором он жил, находился в квартале от моря. Сейчас же, войдя во двор, Поздеев услышал рулады соседа: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая...»

— Цы-ыпа, цы-цыпа, цыпа! — тем же поставленным голосом позвал он. Засунул руку в карман и кинул сбежавшимся курицам горсть семечек.

В общей летней кухне Николай Иванович поставил на газ чайник. Ожидая, пока вскипит, сел под навес из металлической сетки, оплетённой виноградом. В соседнем дворе разорялся дядя Петя:

— Снесу твою халабуду! Увидишь, снесу. Пять метров у меня оттяпал. Думаешь, управы на тебя нет?

Он третий год взывал к совести Миши-рыбака, но Мишин сарай, где жили курортники, так и оставался задней частью во дворе дяди Пети. В оправдание своего коварства Миша указывал на ветки малины, свесившиеся через забор: «Ничего не растёт под ними! Ты у меня двадцать метров оттяпал, и не скули!».

В доме Поздеева только Миша-рыбак пускал курортников. Он переехал сюда из Одессы, поменяв квартиру, и по одесской привычке городил клетушки, пока Валентина не вышла из себя: «Не уберёшь — пристрелю!» И Миша убрал: он боялся Валентины, полагая, что она, бывшая лагерная охранница, прячет у себя пистолет или даже автомат с полной обоймой. Оставался один сарай, от которого Миша отказаться не мог: не пускать курортников было выше его сил.

— Коля, у тебя телефон надрывается! — крикнул Поздееву Миша.

Николай Иванович моментально оказался в квартире. Кроме вызова на срочную операцию, он ничего не ждал. И вдруг:

— Здравствуй, родной мой!

Это было как удар грома.

— Коля! Я послезавтра буду в Серженске, дали путевку в ваш санаторий. Не совсем «дали» — выпросила. Ты меня слышишь? Ты слышишь? Я не могу без тебя, я умру!

— Приезжай, — едва смог выговорить он.

— Николай Иванович, ваш чайник вскипел, — приоткрыл дверь певец. Он единственный из соседей обращался к Поздееву по имени-отчеству.

— Спасибо, Георгий Павлович. — Поздеев опустил трубку и повалился на диван.

Они с Ириной познакомились позапрошлым летом. Был август. Перевернутые лодки на берегу, фелюги, застывшие у горизонта, жёлтые бабочки с чёрными треугольничками на крылышках, сладкий запах дикой мальвы и шорох камыша. Он пришёл на берег после работы. Просто так, как часто приходил. Сидел, обняв руками колени. Стайка ребятишек неподалеку от него гоняла мяч.

— Хотите, я для вас спляшу? — услышал голос. Поднял глаза: перед ним стояла незнакомая женщина.

Он тоже мог сказать такое случайному человеку. Впервые увидеть и сказать: «Хотите, я для вас спляшу?» И он ничего не ответил, улыбнулся. Женщину окликнули с пригорка: «Ирина!» — и она быстро взбежала вверх по ступенькам.

Недели через две зашёл в ресторан поужинать, и увидели друг друга одновременно.

— Сюда, сюда! — замахала Ирина от своего столика. И он — шагнул.

— Разъезжаемся завтра, — объяснила она. — Прощание устроили. С вами тоже хочу проститься. Вы не обижены на меня? Я почему тогда возле вас оказалась? Одиночество. Оно сразу бросается в глаза. И в людях, и в природе. Одинокий берег, одинокие чайки, море одиноко выкидывает волну за волной. И вы!

«Вычурно как, — подумал Поздеев. — Да и волн никаких не было». Но улыбнулся:

— Ничуть не обижен. Наоборот.

— Слава богу! — выдохнула Ирина.

И для Поздеева вдруг исчезло всё. Всё, кроме вот этого милого лица.

О чём они говорили? Кажется, и не говорили вовсе. Ирина пригласила его на танец под музыку отнюдь не танцевальную, махнув беспечно: «Пускай бренчит!» И вопреки музыкальному размеру, кружилось, кружилось перед глазами её лицо — ни наглядеться, ни устать нельзя. Его ладони прилегли к щекам Ирины. Поздеев запоминал каждую её черточку и боялся, что не запомнит.

«Москва, центральный почтамт, до востребования...» — услышал как в бреду.

Он написал ей спустя месяц. Без всякой надежды. Но ответ получил тотчас. Вынимая из конверта листок, от нетерпения порвал его. «Свет мой ненаглядный! — прочёл. — Подумать только — любовь! Совсем детская, сотрясающая душу!..»

Мотнул головой. Неужели такое бывает, ведь именно эти слова он говорил Ирине во все дни и ночи разлуки! И дальше, разбирая её мелкий почерк, всё сильнее убеждался, что она его зеркало, двойник! «Может, я для того и родился, чтобы встретиться с ней?» — мелькнула сумасшедшая мысль.

Они переписывались год. На другое лето Ирина снова приехала, он взял отпуск, и было такое крылатое счастье, словно к ним, уже не молоденьким, вернулась юность.

— Вот когда должен человек умирать! Не от горя, не от болезни, а когда он счастлив! — целовал Николай Иванович губы любимой с проступившей на них лихорадкой.

— Бал-да!

Их шатало от бессонных ночей.

Но что же будет теперь? Как они смогут расстаться, когда у них одно сердце? Как сможет Поздеев лечь в одинокую постель и не погибнуть от тоски? Как сможет просыпаться без его поцелуев Ирина? Как?

И всё-таки она уехала. Поздеев пугал прохожих, разговаривая вслух. Он видел Ирину не перед собой, а в себе, что уже прямо граничило с безумием. «Родная! — строчил ей письма. — Я без тебя не могу! Во мне сиамяская тоска по неразлучности!» — «Боже мой! — летело в ответ. — Я проживаю чужую жизнь!» — «Милая! — кричал Поздеев. — Помыслить не мог, что счастье настолько мучительно! Вот она, любовь, о которой, как о королевстве, мечтают миллионы! Кому пожелать эту муку, кто выдюжит?..»

Накал достиг взрыва: «Я тебя не могу делить с твоим мужем, нельзя тебе с ним, это бесчеловечно!»

Ирина умолкла.

О, какое отчаяние навалилось на Поздеева! Как он ненавидел единственную свою радость! Как любил её, являвшуюся посреди дороги, посреди операции. Он готов был по шпалам бежать в Москву! Любовь, боль, ожидание вмешательства каких-то сил, чтоб разомкнулся адский круг, где время остановилось, нет, хуже, пошло вспять, дробя тот счастливый июль, и Поздеев цеплялся за эти дробы руками, губами... Пока не приказал себе однажды: «Вскрыть нарыв!»

Легко было приказать. «Нарыв» вскрытию не поддавался. И вот теперь, когда время слегка залечило...

Николай Иванович вышел во двор. На доске самодельной качели сидел малыш, и мать, держа за веревку, тихонько его покачивала — постояльцы Миши-рыбака. Николай Иванович отвернулся. Он мечтал, что у них с Ириной будет сын. Не вышло. Не судьба.

— Коля, иди оладьями угощу, — позвала из кухни Валентина.

Николай Иванович оладий не захотел. Метался, не зная, как изжить то, что гнездилось в нём. «Ира. Ирочка!.. Радость моя!» И тотчас: «Ты думала, засобираюсь в Москву, покушусь на твою жилплощадь? Самого простого не поняла — моего чувства!»

Любовь сменялась обидой, потом наоборот. Внушал себе, что начихать бы на звонок Ирины, а сердце откидывало его на год назад, когда было счастье, и ох как хотелось, чтобы оно случилось ещё!

«Каторжные будни, каторжные будни, это они во всём виноваты, — вышагивал по двору Поздеев. — Ирка насквозь фальшивая, но — пусть!»

Разумная голова твердила ему одно, а сердце — другое.

Вернулся в квартиру и завалился спать, решив хоть так избавиться от смятения. Но о каком сне он сейчас размечтался? Он говорил Ирине о её предательстве, а она, переби-

вая его, доказывала обратное. И чем дольше длился их диалог, тем сильнее Николай Иванович оправдывал Ирину, виноватая в разрыве только себя. «Я не могу, я умру!» — кричала она. Разве, не любя, так кричат?

Встал. Подошёл к окну. С неба свисали, словно на нитках, крупные звёзды. Закурил.

Подул ветер, неожиданно сразу сильный. У Миши-рыбака бездомным котёнком запищала дверь. Николай Иванович поискал газету, смял, прошагал к соседской веранде и со злостью втолкал газету между дверью и косяком. «Завтра же скажу, чтобы крючок свой дохлый убрал!» Как будто этот крючок на утлой петле не был у Миши всегда.

Ветер полоскал верхушки деревьев. Погода не для прогулок, но Николаю Ивановичу захотелось к морю. «Два дня! Два бесконечных дня впереди! Научится ли когда-нибудь человечество перешагивать через такие дни?»

2

В четырёх километрах от города, где в этот час Поздеева изводила любовь, деда Александра изводила дикторша радио. С металлическим призвуком в голосе она предупреждала: надо держаться завтра подальше от берега — в районе Переправы ожидается шторм.

— Внимание! Следите за детьми! — повторила несколько раз.

Дед натянул на ухо одеяло поплотнее, чтобы не слушать всякую ерунду. Как передадут непогоду, так её и не будет. Вот если бы у Фроси мышцу на левой ноге тянуло, уж точно бы к непогоде, потому что Фрося русская народная женщина, у неё урожденный дар.

«О-ох, — фыркал, — какие вот это синоптики? Им надо тараканов завести. Обязательно! Иметь у себя — где они там находятся? — тараканов и печку. К примеру, если таракан на печку ползёт — значит, жди холодов, потому что таракан перед теплом никогда на нее не ползет, а как предчувствовать начнет — и на кастрюлю, и на чайник, хоть куда, лишь бы согреться».

Он представил себя «в радио», объявил народу, что две-три парочки тараканов просто необходимо иметь в каждом доме, если не хочешь из-за синоптиков попасть впросак; потом зевнул и добавил уже для себя: «Узнать бы, для чего мышь? Не может быть, чтобы к человеку лезла и никак к нему не относилась».

Пока он философствовал, большая и грузная Фрося мыла посуду, прибирала в единственной комнатухе времянки, где

они проживали со стариком, потом раскладывала карты, зная загодя, что ничего нового они ей не сообщат. И лишь за полночь, когда дед Александр видел уже пятый сон, погасила лампу. Но только она её погасила, явилась Елизавета, дочь сожителя.

— Иван просил передать: ждут с моря фелюгу.

— Раньше-то не могла? — насупилась Фрося.

— Кино хорошее...

Сон уже не шёл, перебили, а у Фроси он и без того короток: что-то случилось в последние годы, плохо стала спать. Она вышла на крыльцо как была, в исподней юбке. Темень густая, южная. Чудится, вот-вот шевельнётся она, переместится, как живая. А в саду-то сколько её! Всё собою покрывала, ни листика, ни веточки не видать. Но звёзды и месяц светлы; на небе сейчас светлее, чем на земле. Прыгнула лягушка, пропыхтел под ногами ёжик — всё слышно. Ветерок налетел, донёс аромат какого-то душистого цветка... Ах и рай! Все бы в нём жить и жить!

К соседскому дому подкатила машина. Хруст раздавленного ракушечника, хлопанье дверцами, громкие голоса... Покой был нарушен, и Фрося отправилась спать. Но долго ещё видела перед собой звёзды, шептала:

— Царица небесная, благодарю тебя, што дала мне жись ещё на один день. Дай тебе Бог мира, штоб все люди любили друг дружку и не мучили тебя.

Утром, умываясь под летним рукомойником, который дед Александр на зиму снимал, чистил и наново красил, Фрося вспомнила, что сожитель собирался в город. Сказала, когда тот проснулся:

— Гроза, поди, будет: неба не видать.

— Ну и что. Всё горит!

— Да я не про то. Пушай будет, всё посохло, я про то, што ты говорил — в парикмахерскую хочешь.

— Поеду. Видишь, зарос?

Отговаривать его было бесполезно: уж если решил, то уж всё, не прекословь.

— Лиза велела к Ивану сходить, так мне самой, што ли?

Иван был давний поставщик рыбы. Старик скупал у него тарань, она на базаре шла нарасхват, а к тому же за неё не гоняла милиция. Провяливал он отменно, никогда не унижаясь до того, чтобы натереть полусырую рыбу растительным маслом, придав ей таким образом товарный вид. Зато и торговался из-за каждых десяти копеек так, что перекупщики не выдерживали: «Ну что ты за человек! Уступи, не велики

деньги». На это он резонно отвечал: «Таська на огородной петрушке заработала на шифоньер. Если всем уступать, надо хитростями заниматься, а я всё делаю чин-чинарем».

Фрося отправилась к Ивану, а дед достал из шкафа выходной костюм серо-голубого цвета. Этот костюм он справил после войны, и был тогда костюм синим. Теперь синий цвет сохранился лишь под бортами, потому что минуло с тех пор тридцать пять лет.

Дед внимательно осмотрел пиджак и брюки: не чикнула ли где моль? Сразу надо заштопать, а то ткань расплзётся. Нет, всё было в порядке. В открытое окно дуло, но он упорно наряжался. Обул полуботинки, притопнул, поправляя. Полуботинки были тоже чуть ли не довоенными, и внучка Вера смеялась: «Никто уж такие одёвки не носит, страх прямо смотреть!» — «Это твои стилиаги не носят!» — огрызнулся он. Верченая молодёжь пошла. Горя не знают, едят и пьют вдоволь, вот и бесятся.

Шёл серединой улицы легкой поступью, а Фрося от калитки Ивана сокрушалась вслед: «Старый хрыч! Как втешет себе чево... Волосёшки-то дыбом, надует дураку, ухо глухое берег бы...»

От Виноградовки до Серженска рейсовый автобус. Тридцать минут — и пассажир попадал в центр города. Несколько зданий старинных, несколько современных, рынок. Парикмахерская находилась неподалёку от рынка.

Пока дед Александр шёл по городу, ветер всё крепчал, выкидывая мусор из урн, вздувая полотнища навесов над ларьками. «Оно и лучше, — решил он. — Курортников не будет. А то эти курортники всегда толпятся, жизни нет от них летом. То ли дома не успевают причёски себе навести? Едут на две-три недели и не вылазят из парикмахерских! Особенно женщины. Да если ты красивая, на что тебе выкомариваться? Вот Оля, внучка моя, узел на затылке завяжет, и всё, и недорого. А этим выют, выют лохмы. Без мужиков, видать, приезжают, мужики бы надавали встрёпок за лишние расходы. И что ни...» И тут он подошёл к двери. Сразу подтянулся, расправил плечи: действовали на него казённые заведения как-то особенно, а почему — неизвестно.

В парикмахерской, как и предполагал, было пусто. Толкнул дверь «мужского зала», но та оказалась запертой. За все годы, что дед ходил сюда, такого еще не случилось! С него разом слетели и важность и выправка.

— Куда все подевались? — Торкнулся в «дамский зал».

Две женщины в белых халатах вскинули головы.

— Где — эта? — Дед большим пальцем показал себе за плечо.

— Подождите, дедушка, — сказала одна из парикмахерш, — я клиентку обслужу и постригу вас. Сегодня мужского мастера не будет.

Дед немного успокоился и уселся в холле ожидать.

Если бы это был обычный день, в холле толпились бы мужики, среди которых, может, нашлись бы знакомые, а со знакомыми всегда можно посудачить о бесчинствах рыбнадзора, о том, что ещё несколько лет назад рыбы хватало всем, и о многом другом. Но никого не было, время тянулось бесконечно, а терпеливостью дед Александр похвалиться не мог. Минут через десять он снова заглянул в «дамский зал». Клиентка сидела в прежней позе, на её голове во все стороны торчали рогатки и резинки, а больше никого не было. От обиды у деда задрожал подбородок.

— Что они, в провальную яму попадали? — шагнул к клиентке.

— Не даст людям вздохнуть! — окрысилась та.

И узнал в ней дед свою соседку Клаву-Головоньку! Чуть что, Клава, хваталась за голову и кричала: «Ой, моя головонька!»

Не ожидал он увидеть здесь Клаву! Сидит, страхолудь! Знала бы, на кого походит. Мелкое злорадство блеснуло в его глазах, он уже приготовился сказать ей что-нибудь из того, что подумал, но вошла парикмахерша, выставила его за дверь и стала демонтировать с головы Клавы сложное сооружение. Демонтаж занял ещё минут двадцать, а дед Александр терпение потерял вовсе. Распахнув дверь, он завопил:

— Что ты ей выёшь? Она же лысая, парик носит!

— Дедушка, дедушка, — женщина быстро усадила Клаву под фен, — не сердитесь, пожалуйста. Вот сюда, пожалуйста!

Дед сел, куда ему было указано, но продолжал шипеть на соседку:

— Всегда ты такая была! Единоличница! Сказал бы я тебе... Как ещё поручик с тобой живет?!

«Чего тут за день не наслушаешься, — повела плечом парикмахер. — А муж ещё обижается, что дома выключаю радио».

Головонька исключительно из сумасбродства переиначила собственного мужа Ивана Семеновича Сульдикова, бывшего прапорщика, а теперь пенсионера, в поручики. Был человек как человек, а стал «не пришей, не пристебай», по меткому выражению Фроси. Выиграл от такой метаморфозы

только дед Александр, потому что Иванов в поселке много, по отчеству он отродясь никого не величал, а «Сульдииков» не мог выговорить: получалось то Сусликов, то Стульчиков. С «поручиком» всё решилось само собой: коротко и ясно и ни с кем не спутать.

Поручик для деда был единственным авторитетом и единственной интересной личностью во всей Виноградовке. А главное — в долгих беседах за бутылочкой они сходились в своих позициях по отношению к жизни. Так же, как Иван Сульдииков, дед Александр не поступался принципами, так же сострадал бедным и слабым. Но у него это выходило стихийно, а поручик умел обосновать идеологически. Работал Сульдииков оператором котельной установки, обслуживающей больничный комплекс, и считал себя фигурой номер один в городе, особенно зимами. Рассказывал:

— Приходит ко мне главврач: «Расстарайся, дай в терапию жару, там председатель исполкома лежит!» — «И не подумаю. Пускай не строят больницы с окнами до потолка! Я о беззащитных пекусь — о родильном и детском отделениях. Судите меня, если совесть позволит!»

Слушая поручика, дед Александр согласно кивал: дети и роженицы — дело святое, остальные перебьются.

Кроме дежурства в бойлерной, Сульдииков промышлял рыбой и был поставщиком не только деда Александра.

Клава рассчиталась за услугу. Вынула из сумочки большой полиэтиленовый пакет — укутать голову, забрала со стула свой зонт. Представив, как соседка пойдёт с мешком на голове и под зонтиком, дед Александр хихикнул.

Когда он сам вышел из парикмахерской, тучи, полные воды, отнесло в сторону и с ясного неба сияло солнце.

— Да-а! — крикнул он. — Это тебе не Урал. На Урале из таких цеппелинов льёт по трое суток.

Дед Александр воспринимал Серженск как досадное недоразумение в своей жизни. Если бы не жена, царство ей небесное, так чего бы ему тут делать? Это её на старости лет потянуло в родные края; сколько ни упирался, всё равно настояла.

У пивного ларька уже толпилась курортная публика. «Тоже пива куплю, — решил дед. — Посидим с поручиком, побеседуем, заодно и обсудим кое-что».

Занял очередь.

Подошла знакомая санитарка. Почему-то скукожилась:

— У Ольги был?

— Нет, она сама недавно к нам приезжала.

— Так ты не знаешь, что ей операцию сделали?
Вот тебе дела! И не позвонил никто!
Дед быстро пролез вперёд, пересчитал деньги и сунул в окошечко:
— Две бутылки...

3

Приступ аппендицита случился у Ольги ночью. Первая мысль: объелась. Однако боль стала резкой, и нужно бы вызывать «скорую», да вдруг ничего особенного, а людей потревожишь? До семи утра она дотерпела, а дальше стало невмоготу. «Цито!» — стояло в направлениях на анализы. И — срочно на операционный стол.

Сквозь дикую боль, перед тем как «уплыть» под наркозом, она ещё услышала слова операционной сестры:

— Дождалась, когда лопнет!

И слышала, как хирург велел ей замолчать.

Очнулась она в три часа дня. Всё было словно в тумане. Ей сделали укол, и она опять уснула. По-настоящему пришла в себя уже ночью. В коридоре горел светильник, дверь палаты была открыта. На соседней кровати прикорнула, не снимая халата, нянечка.

— Меня прооперировали? — спросила Ольга.

— Да, да... Тебе муж звонил, о здоровье справлялся. Тебе не больно? Скажи, если что, я позову сестру.

— Не больно.

«Какие тут все хорошие... — Мозг медленно включался в работу. — Бурцев, эта женщина...»

— Спас тебя Бурцев, — участливо сказала няня. — Он жалеет людей. Когда человека жалеешь, всё для него сделаешь.

Ольга поблагодарила глазами: хотела улыбнуться, но губы сохлись.

— Пить...

— Нельзя, милая, ваткой тебе губы смочу.

Они говорили вполголоса, но постовая услышала, вошла.

— Давай-ка, укольчик поставлю.

В коридоре засуетились. Ольга увидела, как провезли в операционный блок черноволосую женщину. Донеслось: «Много крови потеряла». Следом по коридору прошёл Бурцев и ещё несколько человек в белых халатах. Больше она уже ничего не видела — уснула.

Утром Ольга улыбалась Бурцеву, как родному.

— Ну-ка, поглядим ваш шов. — Он тоже улыбнулся.

Женщина, которую оперировали ночью, нехорошо захрипела, и Бурцев отошёл к ней, пощупав пульс.

-
- Вы Славецкая по мужу? — вернулся к Ольге.
— Нет, я осталась на своей фамилии.
— Вера Славецкая вам кем доводится?
— Вера? Сестра. Вы её знаете?
— Да, у Виллье встречал.

Он ушел, и Ольга подумала: «С виду — совсем ещё парень, только в глазах не по-юношески что-то остановилось».

Женщина вновь захрипела, хрип был лающим, жутким. Не зная, что предпринять, Ольга кое-как сползла со своего высоко-го ложа, сделала шаг к больной и тотчас беспомощно опустилась на стул: голова закружилась. Но справилась с немочью. Дошла до двери, хватаясь за спинки стульев; окликнула постовую.

— Молодец! — похвалила та. — Бурцеву расскажу про твой подвиг. Ходи, ходи, такие быстрее выздоравливают.

На четвёртый день Ольгу перевели в общую палату.

4

— Ты чего же? — пенял ей дед, стоя в коридоре возле окна. — Чего не звонишь? Зазнались с Алешкой?

— Беда, что ли — аппендицит? Разве я похожа на больную? Ну-ка давай приглядишься ко мне?

— Всё равно. Ты не козыряй передо мной да перед отцом!

— Меня скоро выпишут, дедушка, не сердись.

Дед вынул из сетки банку томатного сока и ватрушки.

— На вот, в кулинарии купил. Может, пива хочешь?

Ольга не успела ответить. На лестнице послышались шаги, и вошел Алексей.

— Здорово, дед! Оль, ты не обижайся, что я в первый раз. Я звонил, сразу же позвонил; говорят: всё нормально. А дома Андрюшка орет, мать навязалась со своей черешней...

— Куда это? — Она глянула на букет и коньяк в руках мужа.

— Так — куда? Куда-нибудь... Я же, как узнал, что у тебя всё нормально, ну и... от чистого сердца просто! Ты не переживай, у нас полный порядок. Ну, насмотрелся я на Андрюшку! Ручки у дивана грызёт, стены скребёт. Соседская девчонка пришла, он её укусил, там вою было! Я его на горшок сажал. Сразу-то он — с удовольствием, а как понял, что долго придётся сидеть, заревел, горшок пнул...

— Во-от, — кивнула Ольга. — Надо мне на работу выйти, а ты с ним нянькайся. А я с работы — к подружкам. Выпью, мяч попинаю...

— Не заводись!

— Да! — подхватил дед. — Чего ты привязалась к мужику? Если мужик будет картошку чистить и полы мыть, на что тогда баба нужна?

— Ладно. Хорошо, Алеша, что ты пришёл, а то мысли какие-то тяжёлые в голову лезут.

— Всё, всё! У тебя мысли тяжёлые, у меня мысли тяжёлые, и нам так хорошо: у обоих мысли тяжёлые. Пошли, дед, а то она нас до инфаркта доведёт.

— Давай пошли правда, — согласился он. — Ей долго-то нельзя стоять, кишки ещё болят.

5

Внуки Фроси вывели мотороллер к колонке, поливали на него из ведра. Мотороллером они занимались всю весну, пытаясь заставить этот одр двигаться.

— Кататься можно? — вертелась возле них Верочка. — Прямо точно можно кататься?

Сульдикова высунулась в окно.

— Что льёте? Воды мало на улице?

— А ты боишься, что парик уплывёт? — огрызнулся Петька.

От остановки, старательно обходя грязь, приближался дед Александр.

— Вот оно! Вот ваше воспитание! — громогласно устыдила его Головонька. — Каков поп, таков и приход! В военный городок бы вас, научились бы вы порядку, строим бы там ходили!

— А какого ты лезешь? — заорал и дед, совершенно не представляя, отчего сыр-бор, а так, по привычке.

Петька подкинул в руках ведро, показывая Клаве, что сейчас плеснёт в неё, и хоть было далековато, Сульдикова скрылась.

— Ведьма! — вымахнул старик кулаком. — Из-за тебя целый час потерял! И чего ты там расселась, кому ты нужна, кто на тебя смотрит? С детьми ругаться можно и без кудрей. Поручик! Пошли, пива попьем!

Головонька, по мнению деда, была в жизни поручика совершенно лишним элементом. «Тебе бы потише бабу, — почувствовал он. — Как Фрося бы». Сам он досыта натерпелся от своей бывшей жены, до сих пор памятливы её выкаченные глаза и резкий, как приступ прободной язвы, голос: «Не нравится? На-а все чатыре! На-а все чатыре!»

Верочка любовно разглядывала его:

— Фра-ант! А почему укладку не сделал?

— Ты тоже давай не подначивай. Здоровая кобыла, а все хихоньки!

Сульдиков вышел, и Головонька заорала опять:

— Знаю я ваше пиво! Запейся, паразит! Мне, что ли, фелюга нужна?

Но муж уже скрылся за забором соседа.

— Увели Стульчикова? — Петька соорстил ей рожу. Этого ему показалось мало, передразнил: «Мыши, крысы, тараканы, муравьи!» (Клава подрабатывала в санэпидстанции, разнося по дворам отраву).

А дед Александр уже радовал Фросю:

— А вот и я! А ты говорила: промокну. Не промок! Пока Головоньке кудри вили, всё кончилось. Тут-то нахлестало, по лужам видно, а в городе чуть побрызгало.

Выкладывая Фросе всё, что имел выложить, он аккуратно снимал костюм, водружая его на прежнее место. Сульдиков топтался у порога:

— Может, в сад пойдем?

— Сыро там. Я тебе кузбаслак обещал. Фрося, ты не видала баночку с чёрной краской?

— Под крыльцо вынесла.

Если бы не Фрося, во времянке стараниями деда Александра чёрт вполне мог переломать себе ноги. Здесь были истёртые до оснований малярные кисти, негодное колесо от мопеда, обрезок водопроводной трубы, не говоря уж о том, что в мешках копилось, тлело и разводило моль всякое барахло. Тайно и помаленьку Фрося выкидывала рухлядь. Но что бывало, если дед заставал её врасплох!

— Выкиньте всё! — орал он. Шея надувалась, глаза стекленели. — Вам всё мешает! — В минуты ярости он обращался не к отдельным лицам, а ко всему обществу.

Его умирjala дочь, успокаивали внучки, но он ругался и даже плакал.

— Скоро и меня выкинете, дождусь! Вы уж и дом на себя переписали!

А Фросе выговаривал:

— Как лиса зайца, обманываешь меня! Я тебя пригрел, а ты же всё отнять у меня хочешь!

Казалось, после таких оскорблений Фрося должна бросить его, но она почему-то не бросала. Однажды Вера спросила её об этом:

— Бабушка, ты деда любишь, что ли?

— Ой, девка, — качнула та седой головой. — Какая любовь? Жалею.

И всё-таки Фрося не всегда оставалась здесь. Если старик уж очень надоедал, уходила к дочери, где у Фроси был собственный угол, тоже во времянке.

Дед Александр похлебал борща, рассказал про Ольгу, нашёл кузбаслак, и они с поручиком всё же убрались в сад. От времянки к саду вела дорожка с цветущими по бокам на-

стурциями, которые насадил зять деда; и старик злился на него: «Лучше бы баню построил, а то ходим в поселковую: ветер с моря — огонь задувает, нет ветра — солярку не подвезли!»

Фрося прилегла на часок: старые ноги уставали быстро. «Ох, Олюшку-то жалко, — вздыхала. — Што за аппендициты у людей? Откуда привяжутся? Съездить бы попроведать, да уж давно никуда не езжу. Надо Ольге гостинцев собрать, пусть Верочка отвезёт».

— Бабушка, ты спишь? — Вера просунула в дверь загорелую мордашку. Большая пепельная коса перевесилась через плечо. — Накорми меня, я стр-рашно голодная!

— Борщ наливай. Взвар ещё есть.

— Ага. Из твоей чашки можно? — Вере очень нравилась Фросина чайная чашка: большая, красная с белыми горохами. Эту чашку, как говорила Фрося, купила ещё мать её, и Вера всё пыталась определить: сколько же этой чашке лет?

Пока она ела, вспомнила, что у неё к Фросе есть важный вопрос.

— Бабушка, ты когда замуж выходила, любила своего мужа?

— Я-то ево любила, — оторопела Фрося.

— А он разве тебя не любил?!

— Любил... А после избаловался.

— А-а, — дальше девочке было неинтересно, она много знала историй, когда мужья избаловывались; у сестры Ольги тоже такой.

Но Фрося, ничего не заметив, продолжила:

— Одновам посадил молодую девку на плот и покатил с ей по морю, а я на берегу стою, слезы горячие лью. Но тут как разозлилась! Рубаху ево бросила в воду, штаны — в воду! Полуботинки по одному кидаю, далеко-о закинула. Ан, глядь, плот относит, относит... Шибко я забоялась. Стала кричать, рыбаков звать. Выловили их, он синёхонек... Ох, жалела я после, што их выловили! Они моей кровушки после досыта напились. Они по курортам ездили. Я ему говорю: «Будто у нас тут не курорт? Возьми тогда и меня!» А он мне: «В Тулу со своим самоваром?» Вот што я на любовь свою получила. А вить я, Верочка, тоже могла спутаться с мушшыной, но вить дети... А зря не спуталась. Для детей жись прожила, а они што, у них свои дела. Умру завтра — похоронят и забудут. У меня, выходит, судьба такая. Кажный родится со своей судьбой. Я родилась в домишке о двух окошках и вот конец жду скоро, а што оно иначе? Мухи да времянка.

— Так дети, значит, не нужны? — поразилась Вера.

— Батюшки! Што ты мелешь! А жись тада для чево?

— Так, по-твоему выходит, что не нужны.

— Себя не надо забывать, вот што я тебе скажу!

Но это для Веры ничего не прояснило. Спросить же было неловко, потому что «зря я не спуталась» ещё стояло в ушах. Выходит, муж Фроси жил правильно: спутался, кровь ей пил; а Фрося жила плохо — только для детей.

А Фрося, обрадовавшись слушательнице, поднялась с постели и села напротив Веры на табурет.

— За мною-то многие ухаживали, не гляди, што рябинки от оспы. Я пела хорошо. Как запою бывало — на всю деревню слышать!

Она и сейчас любила попеть. Ровным, но уже тихим голосом выводила куплет за куплетом какую-нибудь старинную песню и, окончив её, начинала следующую. И уносилась мыслями далеко-далеко, и жить хотела, и полюбить ещё хотела.

Верочка же, представив поющую «на всю деревню» Фросю, расхохоталась. Но сразу ей стало стыдно, она подумала, что сама будет старой, будет вспоминать свою молодость, и...

— Прости меня, — встала перед Фросей. А дальше, не зная, как загладить свою вину, пожаловалась: — Всегда у меня хи-хи да ха-ха, а потом кошки начинают внутри царапать, а по утрам даже тошнит!

— Это совесть, девка. Значит, совесть у тебя есть. А говорил тебе дед, што Ольга в больнице?

— Ольга?! Как? — всполошилась Вера.

Фрося рассказала, что знала.

— Вот так да! Надо же позвонить хотя бы. Да ведь маме надо сообщить! Всё! Я бегу домой.

Когда Ольга подняла трубку, Вера вывалила ей всё сразу: и о том, что жалеет её, и что дед «поцапался» с Головонькой, и что завтра она приедет. Сестра едва смогла вставить слово, объяснив, что нельзя долго задерживать телефон. Вера обиделась. Ушла в свою комнату, где ещё так недавно они жили вместе с Ольгой: вон в углу кресло-кровать Ольги, и на нём игрушки, сделанные её руками. Свет через штору, колыхаясь красными волнами, напомнил пятилетней давности вечер, когда сестра вернулась с работы — и сразу к морю. «Нет бы и меня позвать», — надулась Вера и, решив досадить, выскользнула за Ольгой следом.

Безмятежный закат уходил в безмятежное море; у железнодорожной насыпи шептались колючие кусты, усеянные божьими коровками; мальчишки вдали от берега снимали с

перемётов рыбу. Ольга сидела на большом камне, который тут называли чудищем, выплывшим из морских глубин. Хотя — какая глубина на Азове? Если бы чудище и всплыло где-то далеко, ему пришлось бы до берега пешком идти. «Надо похитрей к Ольге подлезть», — сделала Верочка круг, отломилась от куста ветку и, подкравшись, царапнула ею по голому плечу Ольги.

— Ой! — вскрикнула та.

— Что? — забыв, что собиралась ей досаждать, разулыбалась Вера. — Поскучать захотелось?

Ольга притянула её к себе.

— Слушай, любопытная Верка. «Психология должна быть на основании педагогики, а продолжением её в процессе реализации педагогического закона должна быть идея». Понимаешь что-нибудь?

— Нет...

— И я нет. Ну и скажи мне, зачем я это учу, езжу на сессии, сдаю экзамены и в детсаду про эти процессы слушаю на каждом методическом часе? Сидим сегодня, у всех на лицах дикая скука, а детей побросали на нянечек.

Петька и Славик подогнали к берегу лодку.

— Глядите! — позвали сестер. — Полно рыбы! Тарань, судачок. А вчера только чехонь сняли, мать её поросенку скормила.

— Перемёты не забывайте прятать, — предупредила Ольга, — рыбнадзор шастает.

Пока ребята вытаскивали лодку, пока прятали перемёты, стемнело, и одновременно со звездами в небе, большими и крохотными, засветились у кромки воды рачки.

— Окунусь да домой, — сказала Ольга.

— А я рачков наберу, — Вера спрыгнула с камня.

Шагая вдоль берега, она складывала добычу в туфлю, затем взбежала по тропке верх и у автобусной остановки выложила из рачков букву «А». Буква светилась великолепно!

Со стороны санаториев кто-то шёл, но Вера не испугалась: в Виноградовке не было случая, чтобы обидели. Парень в рубашке навывпуск приблизился, заинтересованно посмотрев на вензель:

— Аня? Ася? Аля? — спросил.

— Август. Моего отца так зовут. А я тебя знаю, у Котовых видела. В гости приехал? Не хочется дома сидеть? Да-а, на улице лучше. Я бы вообще летом не загонялась.

— Гм... Ну, давай погуляем.

Свернули с трассы на улицу Восточную. В потемках из-за высоких заборов выли, отзываясь на их шаги, цепные псы.

Вера подтянулась на одной из оград и, ухватившись за толстую ветку яблони, накидала яблок в подол.

— Своих-то нет, что ли? — спросил Алексей.

— Краденое вкуснее; попробуй вот. — Она спрыгнула с дерева.

Съели по одному.

— Ещё хочешь? — спросила Вера.

— Нет.

— И я нет, — вывалила яблоки на землю.

— Прокатить тебя завтра на лодке? — предложил Алексей.

Вера отказалась:

— Ольгу прокати. У нас с Петькой и Славиком есть своя лодка, а Ольга дома сидит.

— Видишь, что получается, — обиженно бормотала теперь. — Я их познакомила, они женились, избаловались... я им уже не нужна!

6

У Елизаветы Александровны шли выпускные экзамены, и сегодня ребята сдавали историю. Постукивая карандашом, Славецкая досадовала: «Плохо Бричкина работает, плохо!» Давно бы уволила нерадивую преподавательницу, да историков в городе мало, к тому же Бричкина мать-одиночка.

В три часа, когда школьники разошлись, Елизавете Александровне позвонила завгороно Пиндюрина, узнать о ходе экзамена.

— Ничего, неплохо, — ответила она.

— Сейчас я подъеду к вам.

Славецкая велела секретарше заварить чай и отошла к открытому окну, большому, высокому, с глубокой нишей. Было душно. После недавнего ливня, которого не дождался дед Александр, воздух сгустился и был приторно сладким.

Заведующая пришла разомлевшая. Платье мокро под мышками. Сверкнула металлическими зубами:

— Жара! Не выношу жары! — Но от чая не отказалась.

Славецкая знала, о чём будет речь: сейчас завгороно прицепится к Бричкиной и сплавит обещанную ей квартиру «достойному» преподавателю. Поэтому специально заговорила о предстоящем ремонте школы.

— У шефов, у шефов просите! — отмахнулась Пиндюрина. — Нечего на них смотреть, пускай мощной тряхнут. Краска, известь, линолеум... Покажите-ка мне протокол экзамена.

— Да я не против... — Славецкая протянула ей папку. — Но Инна Михайловна очень неуравновешенная женщина.

К тому же в её сына недавно запустил стаканом хозяин дома, где она квартирует. Мальчику всего шесть лет.

— Понятно. О-го! Что ж это, милочка, одни тройки?

Елизавета Александровна привздохнула. Бричкина каждый год обещала подтянуть ребят по своему предмету, но дело дальше обещаний не двигалось. Когда Славецкая вызывала её «на ковер», она дёргалась, бледнела, паучьими лапками перебирала пуговицы на блузке и однажды даже упала в обморок.

— Достойные педагоги не должны быть нами обойдены! — сделала заключение Пиндюрина. — Спасибо за чай.

— Я провожу вас. Не хотите съездить на торговую базу? У них новое поступление товаров, мне директор вчера звонил.

— Милочка! Я стара наряжаться!

Славецкая усмехнулась: «Да ты, Пиндюримна, уже побывала там!» Во всех школах города называли Пиндюрину Пиндюримной.

Они шли по улице как лучшие подруги: Славецкая что-то рассказывала Пиндюриной, а та в ответ благосклонно кивала. У гастронома простились: Елизавета Александровна собиралась к Ольге в больницу, надо было купить ей соку. И только мысль её обратилась к дочери, как начался спор, давний и, по-видимому, бесконечный.

Славецкая понимала, что упустила дочь. Калёным железом следовало выжечь из неё дурь, чтобы не витала в облаках. Заоблачные выси — до поры до времени, потом действительность бетонной плитой придавит. «Я не на необитаемом острове живу, вижу, для кого жизнь мать, а для кого мачеха. Надо солгать — солгу, надо смолчать — смолчу. А ты вот, доченька, хочешь иначе!..»

И уже войдя было в магазин, Славецкая круто развернулась, а увидев такси, подняла руку:

— На базу.

Территория торговой базы располагалась у железной дороги. Целый город со специфическим ритмом и многочисленным транспортом. Встретил Славецкую директор Василий Сергеевич Жильцов — мужчина с мирной внешностью и открытым взглядом. По-приятельски обнял и провёл в свой кабинет.

— Выбирай, Лиза. — показал на коробки. — Наслышан об удачных экзаменах в твоей школе.

Ни о чём он, разумеется, не был наслышан, но считал своим долгом говорить подобные комплименты. Славецкая давно к ним привыкла и не обращала внимания.

— Мне в бухгалтерию надо, — Жильцов тактично оставил её одну.

Елизавета Александровна аккуратно вынимала вещи, смотрела, обдумывая, подойдёт или нет, потом так же аккуратно сворачивала и убирала на место.

— Будешь кофе? — позвонил Жильцов.

— Буду.

У них в позапрошлом году завязался роман, и Жильцов, «чистая душа», всем растрезвонил. Когда дошло до второго секретаря, любовника Славецкой, и она чуть не полетела с работы, Жильцов сделал вид, что ничего не было, и даже перестал с ней здороваться. Она так и не поняла, зачем он затеял эту игру?

Возвратившись, Василий Сергеевич прошёл в угол своего кабинета, где на электроплитке стоял маленький, похожий на кувшинчик, кофейник.

— Выбрала что-нибудь? — спросил.

— Чёрную тройку.

— «Шерри» есть. Надо?

— Две коробки возьму.

Жильцов позвонил, и вскоре пришла кладовщица, подав ему в пестром пакете, что требовал. Славецкая даже не взглянула на неё, а та, замаявшись на секунду, откланялась. Это женщина на одной из пирушку, спутав Славецкую неизвестно с кем, больно ушипнула её, когда Елизавета Александровна дотягивалась до конфеты. Славецкая вlepила ей тогда затрещину, но чувство омерзения не прошло до сих пор.

— Её сына недавно прооперировали в краевой больнице, — сказал Жильцов. — Двадцать килограммов копчёной колбасы отвезла.

— И чего скачут по краевым больницам? У нас свои хирурги хорошие.

— Хорошие-то не покупные, а все думают, что если купить, он лучше сделает.

— Пора мне... — Славецкая поблагодарила за кофе.

— А я тебя подвезу, не спеши.

Когда вышли во двор, Жильцов, открывая перед ней дверь «Жигулей», спросил:

— Не скучно тебе в Виноградовке? Перебиралась бы в город.

— Да нет, я привыкла.

Выехали за ворота. Встречные автомобилисты через одного приветствовали Жильцова, сигналив фарами, а он бахвалился перед Славецкой своими связями в Москве, Львове и где-то даже на Западе. «Ну, трепло!» — думала она. И не могла понять, каким образом в одном человеке уживаются ум-

ный и глупый. Через открытое окно её обдувал ветерок, тёмная прядь надо лбом трепетала, и Жильцов, с улыбкой поглядывая на неё, думал: эффектная женщина.

— Почему Петруше ничего не взяла?

— Жена возьмёт.

— Слышал, в Гагры вдвоём обираются.

— Дай-то бог. — Пётр Лукич приглашал и её, еле отговори-лась. Скрываться от его жены да по два раза на день ложиться с ним в постель — брр-р!

Выехали за город. Жильцов прибавил газу. Дорога вилась меж полей кукурузы, подсолнечника, пшеницы, отгороженная от них пирамидальными тополями и зарослями жерделей.

— Хочешь на Байкал, Лиза? — предложил Василий Сергеевич. — Я поеду в июле.

Она вежливо поблагодарила. Он не впервой предлагал ей совместное путешествие, но потом всегда «забывал». А потом показывал ей чарующие фотоснимки, расхваливал отдых, и она, горько сжавшись, мысленно спрашивала его: «Зачем же ты так? Конфетки скушал, а фантики мне привёз?»

Впереди заблестело море. Уже в Виноградовке Славецкая вспомнила, что за покупки не расплатилась. Расстегнула сумочку:

— Сколько, Вася?

— Триста.

— И две коробки «Шерри».

— А это мой подарок тебе: будешь чай пить и меня вспоминать. Давай-ка в магазин завернём, бутылку пива возьму.

Проехали до второй остановки, где у пруда, разделявшего Виноградовку на «верхнюю» и «нижнюю», стояли цыганские балаганы. Возле балаганов бегали полуголые чумазые ребятишки, тут же дымились сложенные из кирпича летние печки. Табор жил в Виноградовке третий год, и поначалу к самовольным захватчикам здесь относились с опаской. Но цыгане никого не трогали. Дом стали строить, хороший, кирпичный. Ещё не достроив, привезли ворота. Начали их устанавливать, да как-то неловко, они повалились и задавили пожилого цыгана. Стройка умерла вместе с ним. Исполком пытался привлечь «детей природы» к общественно-полезному труду и даже привлёк на короткое время: с месяц они лудили баки, заодно паяя сельчанам дырявые кастрюли и чайники, — но на этом всё и закончилось.

— Диву даёшься, — показал Жильцов на «слободку», — в век космических скоростей этакая вот нелепость!

Подъехали к магазину, он взял пива, у машины выпил.
— Благодать! — бросил пустую бутылку в урну. — Не сердишься, Лиза, что задержал?

В «верхнюю» Виноградовку ехали по селу: мимо начальной школы, где когда-то преподавала Елизавета Александровна, мимо здравпункта и почты.

Напротив дома Славецких сидела на скамейке старушка Акинфиева. Славецкая даже не взглянула на неё, а та в благоговейном экстазе зашептала:

— На алтэрь тебя, Лизонька, на алтэрь! Алтэрь — голубая небесная канцелярия, у алтэря Святитель явился!

— Кого это старуха крестит? — не понял Жильцов. — Тебя, что ли?

— Да ну её. Я ей когда-то помогла чем-то, уже не помню, столько лет прошло.

7

Поздеев извелся за двое суток ожидания: тоска настолько овладела им, что спастись от неё не мог даже на работе, даже когда привезли мужчину с разорванной селезенкой, и понадобилось сосредоточить все силы.

Пока Николай Иванович стоял у операционного стола, Ирина исчезала. Но стоило расслабиться, всё началось сызнова. Как будто собрались все, какие ни на есть, напасти и — на него одного! И поди разгляди, откуда они явились, куда прогонять. И боль — настырная, наглая. Ни шагнуть от неё, ни слова поперек сказать.

Время тянулось невыносимо. Два часа пополудни, два сорок... три...

Прочитал журнал «Медицинская сестра», выкурил несколько сигарет, прошёлся по отделению — а до пяти оставалось еще так много!

Наконец смог сказать Бурцеву:

— Отлучусь ненадолго. Ирина приезжает.

Шёл по платформе, запинаясь о чужие баулы и чемоданы. Купил у торговки розы. Вытягивал шею навстречу подходившему поезду, обмирая при мысли, что Ирина не приедет. Ирина! Ирина? Нет?

И вдруг увидел!

Не произнеся ни слова, она опустилась перед ним на колени. Он подхватил её, уронив цветы... Не успел опомниться, как она поднялась, сказав будничным голосом:

— Иду мыться и переодеваться. — Подняла букета, махнула кому-то, очевидно, приехавшим с нею. И Поздеев остолбенел: неужели вот так вот можно?!

— Я тебе позвоню, Николай, — пообещала Ирина.

Николай Иванович пошел прочь. «Кто ты? — Голова отказывалась соображать. — Зачем? Зачем — так?! Ненавижу!!!»

На площади у вокзала стоял павильон. Поздееву нестерпимо захотелось войти в него, выпиться, забыть обо всём, себя забыть! С усилием оторвал взгляд от открытых дверей. Мысли путались. «Ух!» — отскочил в сторону, задев рукой дверцу такси и очнувшись от собственного крика.

С ним здоровались, здоровался он. Но это был не он, не Поздеев, это была заводная кукла, которая ходит, улыбается, кивает...

В больницу пошёл пешком. И не понял даже, как оказался возле порта, откуда свернул вправо, к детскому саду. В этом стареньком детском саду когда-то работала его мать. Какие у неё руки были! Так и видит он её за чистой картошки. И всегда мать какую-то думу думала. Позовешь её — она встретится. Ей однажды дали два килограмма апельсинами и своими думами прошла аж на два квартала дальше своего дома.

Николай Иванович открыл калитку. У ребятишек, должно быть, тихий час: песочницы и площадки пусты. В конце двора, где они иногда сидели с матерью, чтобы не докучать никому, увидел то самое бревнышко — только окрашено теперь в синий цвет, а тогда было зелёным. Сел на него; тихо над головой что-то звенело. И вдруг, ладонью зажав лицо, Николай Иванович вскрикнул: «Мама!» Так давно нет матери, и вот ноги сами принесли его сюда!

...Он не помнил, сколько пробыл тут, не помнил, как очутился на территории детского сада. Ребятишки высыпали на улицу. Воспитательница кричала визгливым голосом:

— Да потише вы! Да потише вы!

Николай Иванович зажал уши — так кричала Ирина, когда однажды они полезли босиком в камыши за целебной грязью, и она напоролась на корень.

Поднялся. Пошёл в больницу.

— Встретил невесту? — спросил его Бурцев.

— Встретил. Посмотрел бы ты, какой она спектакль заката.

— А что случилось?

— Олег... Я не знаю, что происходит. Мне казалось, я увидел в ней человека, обрадовался этому и долго был привязан к ней этой радостью... — Николай Иванович махнул рукой и пошёл в палату к больному, которому делал операцию на селезенке.

Мужчина спал. Его сосед сказал сокрушенно:

— Мужики передвигали термопечь из цеха в цех. Краном нельзя: потолки низкие. Так они — вчетвером, вручную! На домкраты подняли, на трубы «посадили» и перекатили.

Следом за Николаем Ивановичем вошла медсестра, но Поздеев отослал её, попросив:

— Если мне позвонят, позовите.

Он ждал звонка, чтобы сказать Ирине: «Никогда больше не появляйся на моем пути!» Но она не позвонила. Лишь вечером третьего дня постовая позвала Николая Ивановича к телефону.

— Не сердись, Коля, — дыша с перехватами, оправдывалась Ирина. — Волокита в этих санаториях. Потом заезд отмечали.

— Ты же отдыхать приехала, вот и отдыхай.

— Ну что ты злишься? Сейчас я у тебя буду.

— Я занят.

— Небесный возлюбленный мой!..

Николай Иванович вспылил:

— Я, Ира, в небесные суженые не гожусь в силу своей профессии!

И всё же к ночи она явилась к нему домой. Калитку ей открыла Валентина, зловредно бросив:

— С приездом!

Когда Ирина вошла, Поздеев не ощутил ни любви, ни волнения — словно выдавило их тем ужасающим криком.

— Колечка! — обняла она его плечи. — Как звала, как кричала!

Он отстранился.

— Ты не пьяная?

— Как ты смеешь? — Кулачки забарабанили по его спине. — Я вчера была пьяной. Но и ты бы напился: в нашей компании был сам Фофанов! Не представляю, каким ветром его занесло в Серженск. Я ведь недавно писала о нём статью.

— Читал. И стихи его тоже. Стопроцентный бульварный гений.

— Чего ты придираешься?

— Да не придираюсь я. Тошнит!

— Ну и пусть, пусть так. Я сама, если честно сказать, от него не в восторге. Но через него можно пробиться в солидный журнал. Карьера, Николай, время такое.

— Бобик сдох, и блохи исчезли.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?!

— Почему ты не ответила на мое письмо? — Поздеев пристально посмотрел на Ирину.

— Умолчу... Но я люблю тебя, люблю страшно, губительно, как ни одна зараза тебя не полюбит! Пить будем, встречу праздновать будем!..

Пила она в эту ночь действительно много. И говорила, говорила без умолку. Но то, о чём она говорила, больше не интересовало Поздеева. И уж совершенным издевательством было, когда Ирина, вынув из сумочки фотоснимок какой-то знаменитой персоны, хвастаясь, показала ему.

— Уходи, — жёстко выговорил Николай Иванович.

Ирина вздрогнула.

— Спасибо за всё. — Он открыл перед ней дверь.

8

Суточный ритм Олега Петровича Бурцева был как у белки в колесе. Рано утром начиналась линейка, до неё успевал наскоро пройтись по отделению, осмотрев больных, поступивших по дежурству; в десять часов повторный осмотр, уже без спешки; потом плановые операции, если нет срочных; писчая работа... А дома еще ждал дед, оплетая бесчисленными рассказами о своей авантюрной жизни.

Когда-то дед был весёлым и остроумным, и Олег любил слушать его. Бегал к деду в рыбацкий квартал, где он жил возле мола в саманном доме. А дед к нему приходил не часто: сноха не жаловала. Только бабушка радовалась Луке Наумычу, усаживала его на диван, сама садилась рядом, Олег играл на пианино, и дед, смешно кхекая, наставлял внука:

— Учись, учись, будешь хорошо играть — жизнь румяным яблочком покатится. Я вот самоучкой осилил ноты, первым парнем был, от девок отбою не знал. Семь раз женился! И, заметь, ухитрялся без детишек обойтись. Конечно, и на старуху бывает проруха: одна из моих жён — мы с ней разошлись, как в море корабли, — принесла через год младенчика. Я отбивался от нее с младенчиком, но баба оказалась настырной. Пришлось снова на ней жениться. И так, Олег, воспитал я твоего отца.

Бабушка смеялась до слёз.

— Я тебя, Константиновна, за что уважаю, — признавался дед, — за то, что ты человек. И человека видишь в другом. А есть — которые не видят. Но нет человека — и ничего нет. Глянь, что за шишка у меня на шее? Простуда или рак?

К приходу матери в доме уже всё чинно, а деда и след простыл.

Но однажды Лука Наумыч съел в столовой котлету и отравился. А поскольку был паникёром, то побежал обследоваться. Страшные вещи выявились после обследования! Непо-

ладки с желудком, двенадцатиперстной кишкой, нет кислотности... Он стал лечиться упорно, дотошно. Перепробовал кучу диет и истощил себя так, что едва волочил ноги. Пришлось сыну забрать папашу к себе. И тут началось! Большой ни с кем не считался, никого не признавал, его болезнь была главной для него и должна была стать главной для всех!

— Ты плохо моешь посуду! — напал на сватью.

— Мой сам!

Дед отделил свои чашки и ложки. Овощи мыл с мылом, полоскал в трёх водах. Потребовал, чтобы купили фильтр для воды. Очищенную воду переливал из банки в банку, удаляя невидимый «осадок». Начитавшись медицинских журналов, ошпаривал, прежде чем взять в руки, кусочки мяса, окунал яйца в хлор, ел подорожник, пил отвар полыни, слабый раствор марганца...

Ожидая собственной кончины с часу на час, был крайне удивлен, что скончался не он, а сватья, у которой был порок сердца. В какой-то момент в голове наступила ясность: Лука Наумыч отчётливо понял, что если умрёт, то именно от средств лечения. Но эта вспышка скоро угасла, а к болезни желудка прибавился дар красноречия, и этот дар требовал слушателей.

Жить с ним стало невыносимо. К счастью, Бурцевым дали квартиру в элитном доме; Петр Лукич с женой переехали, оставив прежнюю квартиру сыну.

Со всей предсмертной цепкостью дед ухватился за внука, но Олег поступил в институт, а для Луки Наумыча наняли сиделку — бывшую его соседку по рыбацкому кварталу, Нину. Эта Нина тоже любила поговорить. Пекла творожники, угощала Луку Наумыча, он ел по крошке, а она, жалостно поглядывая на него, ворковала:

— Ты, Лука, как ребёнок у меня. Шажок за шажочком, с манной кашки да к хлебушку.

— Отец! — негодовал Петр Лукич, заходя попроведать. — Ты жалуешься, что пальцы потрескались, но не снимаешь медицинских перчаток. Ты подумай, что делаешь!

Тот лишь сопел в ответ.

С подачи сиделки, которой Лука Наумыч доверял больше, чем сыну, он выдумал для себя «восстановительную терапию». Распространялся перед Олегом, когда тот приезжал на каникулы:

— Младенец ест по капле, по ложечке, привыкает к еде постепенно. Он не знает о возможных отклонениях в своём кишечнике. Я должен войти в образ младенца.

— Конечно. Насколько известно, все младенцы едят и все растут, — соглашался внук.

— Достань мне мазь, у меня трещины на пальцах, очень глубокие.

— Я добуду! — вызвалась Нина и принесла с фермы кофейного цвета «мазут», которым при маститах натирали коровам вымя. — Уж я тебя вылечу, Лука. По-нашему, по-простонародному. Только тряпками руки тебе обмотаю, но это ничего, два дня из ложечки покормлю, а ты потерпи.

И правда, через два дня трещины затянуло. Лука Наумыч не верил своим глазам и проникся к сиделке еще большим доверием. Но когда вновь захотел надеть медицинские перчатки — предохранители от микробов, их не оказалось в кухне, где обычно висели на бельевой веревке.

— Выкинула, — ясно улыбалась Нина. — Нету мучителей!

Лука Наумыч позеленел. А сиделка спокойно призналась:

— И чего ты о них, как дитя о соске? Какие микробы? Я и мыть-то не думала твои перчаточки, ты уж давно с микробами ешь.

И продолжала ворковать:

— Шажок за шажочком... На прогулку пойдём...

Лука Наумыч кое-как вышел из дома, кое-как добрался до ближайшей скамейки и упал на неё: голова закружилась от свежего воздуха.

— Обнесло головушку? — обхаживала Нина. — Это хорошо, воздух у нас чистый, морской, микробов у нас нет, микробов морская соль съедает. Сейчас дыхни три разочка... Погляди вверх и дыхни. Вот так, вот так...

Нина стала Луке Наумычу необходима. Теперь сын, навешая, только мешал. А Петр Лукич не мог до конца поверить в счастливое исцеление родителя, хоть знал от знакомых докторов, что Луке Наумычу нужна какая-нибудь знахарка, которой бы он доверился безоговорочно.

Когда Олег, окончив институт, вернулся в Серженск, дед уже настолько хорошо себя чувствовал, что от услуг Нины отказался. Он теперь сам ходил к бывшей сиделке — для общения. Ко всему восстановил познания в нотной грамоте и разучил на пианино(!) пятнадцать тактов «Лунной сонаты», коей донимал соседей, особенно Вилльем, живших этажом выше.

Окончив дела, Бурцев тепло попрощался с Поздеевым, который, было время, относился к нему с опаской, полагая, что у такого отца, как Петр Лукич, путного сына быть не может.

Вечер выдался чудный, без духоты, и Олег Петрович не спешил домой, хоть дед с утра наказал купить сыру. На пере-

крёстке Бурцеву почудилось голубое платье Веры Славецкой, он догнал девушку, но это была не Вера.

«А что бы я ей сказал?» — осудил свой порыв. Ему просто было приятно видеть её, он сравнивал Веру с облачком: своим нравным и свободным; попробуй, привяжи к нему нитку да потяни за собой, словно воздушный шарик?

Вошёл в гастроном, где из-за прилавка сразу заулыбалась ему Наташа Байкова. Год назад консилиум врачей постановил ампутировать у неё половину стопы, поскольку на большом пальце началась гангрена. Когда ей объявили, Бурцев увидел такой ужас в глазах Наташи, что пошёл поперёк общему мнению. На что надеялся? На себя? На Бога? На — всё! Было страстное желание помочь девушке, но предупредил:

— Попробую, однако не гарантирую...

Косточки фаланг, пораженные болезнью, из пальца изъял, всё прочистил, стараясь не повредить нервы и сосуды. Палец остался без «арматуры», что очень беспокоило Бурцева, потому что палец опорный. Зашил «на живую нитку», с условием, что потом заживёт само. Верил, что сумеет Наташе помочь, и помог. Палец увеличен, но он есть, Наташа как-то приспособилась опираться на него, носит туфли, ходит без тросточки.

— Сыру? — стрельнув глазками, Наташа полезла под прилавок.

— Наташа, сыр и на витрине есть.

Она рассмеялась:

— Возьмите меня замуж, Олег Петрович? Я вас на руках буду носить!

— Ишь ты...

— Правда, возьмите?

— Я сектант, у нас обет безбрачия, — отшутился он.

В любви Бурцеву признавались часто, но он почему-то боялся этого чувства и гораздо легче сходил с женщинами, которым был просто симпатичен. Связь на раз — и никаких ожиданий чуда. «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Он был согласен с Пушкиным.

«Каждый человек, — считал Бурцев, — вращается по своей орбите, и космосом так установлено, что никогда ни одна орбита не пересечётся с другой. Поиски родственной души тщетны, такой души нет; есть мираж, искушение, когда трепетно ожидаешь, что вот-вот чья-то душа соприкоснётся с твоей и не будет одиночества. Но и одиночества нет. Оно — территория твоей личной свободы, куда ты ни за что никого не вступишь».

Поблагодарив Наташу за швейцарский сыр (всё-таки из-под прилавка), Бурцев собрался уходить, как через его голову Наташа ласково улыбнулась:

— Здравствуйте, дядя Август!

Бурцев замешкался: Август — редкое имя; знал, что мужа Елизаветы Славецкой зовут Августом. Украдкой глянул на него: высок, строен, светлые, чуть в завитках, волосы. И, судя по тому, как приветила его Наташа, человек добрый.

Закрывая за собой дверь, с огорчением подумал о Наташе: «Припрятала сыр и довольна-предовольна... Жаль. Девушка-то хорошая».

Ему было жаль многих, в том числе и отца с матерью. Помнил, как мать, кормчая в их семье, внушала отцу: «Не имеет значения, каким путём ты достиг успеха. Цель оправдывает средства». Помнил, как приходили в их дом «нужные люди», подолгу беседовали за щедро накрытым столом, веселились, хвастались. Но как ни пытался, не мог вспомнить, чтобы они отозвались хоть о ком-нибудь с теплотой.

Свернув к своему дому, Олег Петрович увидел на балконе деда.

— Свежим воздухом дышу! — крикнул Лука Наумыч, но, конечно, голоса его не хватило, чтобы внук понял: третий этаж как-никак.

— Привет! — помахал он ему.

— Изнываешь? — вошел в квартиру. — К Нине бы сходил. Купил я тебе сыру, самого лучшего дали.

— Ох, Олег, — дед начал заводиться на длинную повесть. — И зачем я этих врачей слушал? Ведь говорили же мне соседи, что врачи ни черта не понимают! Я лучшие годы жизни сгубил!

— Да, ты мог еще семь раз жениться.

— Не-ет. Жениться да развестись только в двадцатых было легко, а потом шабаш, Малашка, закрыли крышку.

Бурцеву предстояло выбирать: вечер в компании деда или в компании Виллье, где, может быть, будет и Вера Славецкая. Позвонил Владимиру Степановичу:

— Не обременю собой?

— Еще спрашиваешь. Приходи!

Но Лука Наумыч напыжился:

— Ты мне мало уделяешь внимания!

— Сейчас ужин приготовлю, потом выясним отношения.

Пужинав, внук ушёл, а Лука Наумыч, заперев за ним дверь, остановился в прихожей перед трюмо.

«Скинуть бы с себя лет двадцать, — разглядывал тощую шею с выпирающим кадыком. Давно хотел отрастить шки-

перскую бородку, да волосы по-шкиперски не росли, хоть тресни. — Как запечный таракан я стал! И когда успела жизнь пройти? Надо их, жизней, давать человеку три или пять, а то не успеешь чихнуть, а уж пора, говорят, на тот свет собирайся».

Встал боком, обозрел свой профиль: в профиль Лука Наумыч себе нравился больше.

— Нет, проживем ещё! Вот причешусь сейчас, наодеколонуюсь. Нине же я нравлюсь, выходит, не совсем пропал...

Отвинтил пробку с одеколону, полил на руку, помазал волосы. И, должно быть, запах одеколону — стоило потом прилечь на кушетку — навял ему чудный сон. Снилось, что возле пивной цистерны на улице Смоленской, где народу больше всего, нашёл он денежную купюру в двести семьдесят рублей. Большая купюра, жёлтого цвета — такими были в двадцатые годы тысячные. С этой купюрой в двести семьдесят рублей Лука Наумыч долго метался, прятался, а потом сбежал в Турцию.

9

— Дядя Август, — спрашивала Наташа, — что-то купить хотите?

Август мялся: он сам не знал, зачем пришёл в магазин.

— Я? Да. Гриша в отпуске?

— В отпуске. Что же вы не приходите к нам? Папе что-то передать?

— Передай. Нет, не надо, я сам.

Наташа давно изучила Августа и не удивлялась неопределённости его поведения.

— Ладно, забыл я, чего хотел. Значит, еще в отпуске?..

И вдруг Август заулыбался:

— Я тоже в отпуск пойду!

«Какой-то он сегодня...» — подумала Наташа.

Но Август был счастлив! Впервые за годы, прожитые в Серженске, сегодня он услышал чистую украинскую речь! Случилось это утром в автобусе. Девчонка в юбочке до пупа вспорхнула в салон и сразу пробралась к шофёру.

— Вася! Ты, Васечка, думаешь, что я... Васюта!..

Васюта расцвел, и автобус вылез аж на середину дороги.

— Чекай, паненка! — Мужчина с круглыми щеками и крупным носом оттащил девушку от Васечки. — Пидчас руху размовляты с водием заборонено.

Та выпучила глаза. Зато Август готов был обнимать и целовать земляка, сам вступил с ним в разговор и до кирпичного завода не мог наговориться и наслушаться. У «кирпи-

чиков» земляк вышел, крикнув на прощание: «Памятай ридну Украйну!»

Август затрепыхался: «Треба ихаты, треба побачить!..» Да еще Вера накануне пристала: «Хоть бы раз на твоей родине побывать!» Когда он рассказывал ей про родные места, она широко раскрывала глаза, а потом кидалась отцу на шею: «Вот бы мне увидеть ратушу вашу! Вот бы увидеть золочёные флаконы в вашей аптеке!»

«Как там мои старые тетки Яна с Олесей? — думал Август. — Брат пишет редко, скупо...»

Но если ехать, то нужно прямо сейчас писать заявление на отпуск, иначе снова затянет нерешительность, боязнь израсходовать лишние деньги. Именно сейчас, потому что внутри всё горит и торопит, и не пугают чужие глаза жены, и вообще ничего не пугает. Там, в Жвирке, под ветром шумят родные клёны, там любимые с детства голубые поля льна и чистые криницы, там на погосте мать его и отец... Треба ихаты!

Августа на работе уважали. За то, что ничего никогда не крал. Единственный раз он вынес с завода семь банок консервов, но трясся как осиновый лист, а когда лез через забор, то порвал брюки. Консервы ему не были нужны, тёща настояла: «Бабы пудовых сазанов несут, а ты что, бессильный?» Видел Август, как выносят сазанов. Полумороженных привязывают на пояс или на грудь под телогрейку. Жалел людей: до срока загоняют себя в могилу. Едва добрался до Виноградовки. Консервы были без наклеек, нёс и не знал, что несет. Оказалось — скумбрия в собственном соку, которой завалены все магазины. Тёща швырнула банки в угол веранды, однако потом они куда-то делись.

Отпуск Августу пообещали через три недели.

С огромным подъемом развозил он на грузовом мотороллере из морозилок в цеха рыбу. Что такое три недели, когда он ждал годы? Он сейчас уверовал, что на родину рвался давно. Даже о Марысе вспомнил: «Побачу, яка она стала». Когда волновался, непроизвольно переходил на родную речь, за что попадало от жены: «Хватит крестьянствовать!»

Марыся! Чернобровая, тоненькая. Если бы время повернуть вспять! Косыночка её в барвинках долго снилась ему.

За ужином, дергая бахрому скатерти, чтобы не дрожали руки, сказал жене:

— На родину поеду, отпуск попросил.

Сказал и замер, с опаской ожидая ответа.

«Ку-ку, ку-ку ...» — кукушка на часах прокуковала семь раз. Как-то странно прокуковала, все это заметили. Верочка напряглась: если мать не согласится, отец не поедет.

Елизавета Александровна ни одной ресничкой не выдала, что ошеломлена заявлением мужа.

— Съезди, — сказала сухо. — Когда вернёшься, я, возможно, попрошу путевку в Ялту; мы оба устали.

— Ура-а! — подскочила Вера. — И я с папкой! — И тут же затребовала купить фотоаппарат, о котором давно мечтала. — Всё буду фотографировать, всех! Может, папке больше и не съездить на родину!

Ей уже не сиделось. Помчалась к деду рассказать новость.

Фрося ахнула: «Вот так Август! Молчал, молчал, да и надумал! А и хорошо, што надумал. Я вон почитаю каждую ночь во сне вижу свою деревню».

Но дед Александр взвился до потолка:

— Бандеровцы там недобитые! Куда ты попрёшься, Верка? Я их с войны запомнил, воды не дадут напиться. В Карпатах к одному подъехали: «Налей, отец, водички?» Он туда-сюда, туда-сюда: нету ведра, лезьге в колодец, ныряйте, если сильно пить хочется. Сняли мы с грузовика мазутное ведро, привязали к верёвке — бултых в колодец! Долили в радиатор и — на теперь, сам попей, гад!

— Вот и правильно, — подыграла Фрося, чтобы не раздувать пожар.

Верочка не то посмеялась, не то попыхтела в ответ и, пообещав ей на ушко, что придёт ночевать (дед в ночь заступал в МТС на дежурство), полетела к Петьке и Славику.

— Что она тебе шептала опять? — взъелся дед. — Нечего ее приваживать, шляется тут. Пускай дома спит! Увижу утром на своей постели, так я вам обеим тогда...

— Рази жалко?

— Не «рази», а пусть место знает!

Августу тоже не сиделось. Он то выходил во двор и бесцельно глядел на сад, то порывался читать газету, то пробовал заговаривать с женой. Дрожь какая-то била его изнутри.

День всё же кончился. Перестали брэнчать у водокачки вёдра, оттявкали перед сном собаки, взошла луна, кругленькая и жёлтая. Август сидел на крыльце. Если бы он курил, кто знает, сколько бы дыма пропустил сейчас через легкие. «Прииду у Жwirку, та й ляжу под свий дуб. Пчёлки литають, у неби облака литають...» — мечтал он и видел: вот упал с дуба желудь, похожий на человечка в кепочке, вот пролепетал что-то ветерок, солнце полосами на стволах клёнов... Жwirка! Милая Жwirка! Поглядывал на огонёк во времянке тестя и представлял, что это свет родного дома, возле которого он сидит с Марысей, оба молчат, но молча-

нием говорят друг другу больше, чем осмелились бы сказать словами. Неужели в размолвке с Марысей виноват он? Ведь любил же он её, и она его любила, и вдруг эта свадьба... И он сидел за свадебным столом,пил горилку... Молодых осыпали хмелем, кидали под ноги берёзовые ветки, гости плясали коломийку, играл маленький сельский оркестрик... Перед рассветом Август пошёл восвояси. И вдруг — Марыся! «Август! — повисла на его плечах. — Август!» А он лишь вздохнул и убрал её руки. Вот и всё. Брат попрекал: «Така дивчина доставалась, а ты мух ловил!» Ответить Августу было нечего.

С улицы раздались звуки гитары, пение, голос Верочки сразу выделился среди остальных. «Як маты моя спивает, — с нежностью подумал Август. — Маты тако ж гарно спивала». Но гарное пение скоро кончилось, гитарист брякнул по струнам, и компания взревела:

*По степи, зноем опалённой,
Среди высоких ковылей
Семён Михайлович Будённый
Скакал на рыжей кобылѣ!*

*Он был во кожаной тужурке,
Он был во плисовых штанах,
Он пел народну песню «Мурка»,
Слеза катилася из глаз.*

*И в той строке, где эта Мурка
Уже зарезана была,
Была мокра его тужурка,
Навзрыд рыдала кобылѣ.*

— Яка чушь! — осудил Август и собрался уйти, но внезапно подумал, что идти ему некуда. Горло сдавил спазм. В памяти всплыло, как однажды, выпив с Гришей после работы, возвращался домой. Лиза пьяным его не терпела, и ночевал он вот здесь, в саду, на перевернутом ящике изпод водки.

Следом и другое припомнилось. Шапку ему жена подарила красивую, дорогую. Напали на него в Серженске двое парней. Отдать бы им шапку, отвязаться, но он сдернул её, прижав животом, упал. Его били, пинали! Кто-то вступился. Весь в синяках, он едва добрался домой. Зато шапка цела!

«Не можно так жити! Не можно!», — чуть не заплакал над своей участью Август.

Сойдя с автобуса, Верочка выпила из автомата стакан газировки с двойным сиропом и зашагала к Сергею Виллье: не терпелось похвастаться, что едет на Западную Украину! Одно название — Западная Украина — внушало небывалый интерес. Что там? Неужели всё так, как рассказывает отец? Да ведь это же совсем другая страна, получается!

Из закусовых пахло шашлыками, пивом, народ празднично сновал — город казался большим и безалаберным. Так здесь бывало каждое лето. А каждую осень город замирал, скучно перешёптываясь листвою о том, что беспечного смеха и ярких нарядов придётся ждать до следующего сезона.

Прошла поливочная машина, заблестела мостовая, запрыгало апельсином солнце. Верочка тоже запрыгала. «Ой! — спохватилась. — Дед бы увидел, сказал: «Вот дура!»

До почтамта, за которым дом одноклассника, было рукой подать, и Вера уже задирала голову: открыт ли балкон в квартире? С Сергеем Виллье она познакомилась два года назад, когда перешла из школы, где директорствовала её мать, в другую. Елизавета Александровна тогда места себе не находила. Мало Ольги? Оконфузила перед всем миром, ушла в вечернюю школу, няней устроилась в детский сад! Теперь — эта? Но Вера твердила, что больше не может так, у нее нет друзей в классе: одни её ненавидят, другие «не замечают», а третьи без всякой надобности перед ней выслуживаются. Сергей был старше Веры, называл себя двоечником-второгодником, но в действительности год он пропустил по болезни. Он едва ли не сразу угадал в девушке родственную душу и однажды пригласил Веру к себе.

— Влезай, — открыл перед ней дверь. — Кофе будешь? Я сам сварю.

Длинный, как коломенская верста, он смотрел на Веру, и глаза сквозь очки смеялись.

— Значит, я варю кофе, а ты идёшь в зал.

Вера шагнула, куда ей было указано, и онемела: книги, книги — всюду книги! На столе, на полу, на тахте...

Сергей похвастался:

— У нас даже Пастернак есть! — Снял с полки маленький самиздатовский томик, полистал страницы, подал Вере. — «Зимняя ночь». Самое знаменитое. Если бы Пастернак написал только это стихотворение, всё равно бы все знали, что он — Пастернак!

Вера уткнулась в строчки.

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...*

Она читала, одновременно чутко воспринимая и свет торшера возле окна, завешанного тяжелой гардиной, и книжное окружение, и мурлыканье Сергея в кухне... В суть вникла не сразу, но, когда поняла, покраснела и воровским движением поставила книгу на место.

— Не стала читать? — Сергей внёс кофе. — Садись на тахту.

Вера впервые пила такой вкусный кофе.

— Здорово! — похвалила.

— А то. Сам рецепт изобрёл, храню в страшном секрете. Я когда-нибудь напишу кулинарную книгу, как Дюма. Не веришь? Не верь, не больно хочу. Значит, Пастернак не к душе? А кто?

«Кто? — заметалась Верочка. — Чтоб в грязь лицом-то не ударить?» — И выпалила первое пришедшее в голову:

— Лермонтов.

— А-а... «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России». Ничего лучше не знаю, говорю и наслаждаюсь словом.

«Вот шпарит!» — Вера уже не рада была, что связалась.

Сергей сходил в другую комнату, принёс несколько досок и расставил их на тахте, оперев о стену.

— Верка, я иконы пытаюсь писать. — Он бодрился, но было видно, что сильно волнуется. — Вот апостол Павел, вот Николай-угодник...

«Какой он у на-ас!» — потрясенно подумала Вера.

— Ну? Что скажешь? — торопился Сергей получить отзыв.

— Я ведь ничего не понимаю, Сережа. Я только вижу, что у них на лицах раздумье...

С этого времени она стала бывать у Виллье часто.

— А мы вот дерёмся! — встретил её Сергей.

— Я к талантливым хорошо отношусь, — кивнул, подозревавшись с Верой, Владимир Степанович. — Они идут напролом, их интуиция ведёт, и бывает, что да, ловят kota за хвост. Но талант без образования — нуль!

— Ты сам нуль! Что ты за Дом культуры воздвиг? Лучше бы армяне на том пустыре чебуреками торговали. Моя голова, архитектор, варит лучше твоей. Найди в моих работах ремесленничество?

— Хватит!

Столько Вере хотелось сказать Сергею, а тут всё настроенное пропало. И когда он задал ей привычный вопрос: «Чем занимаешься?» — она скучно ответила: «Ничем...»

— А я на мол ходил, таранки наудил страсть сколько. В субботу собираюсь на Переправу.

— Ладно, молодые люди, — оставил их Владимир Степанович, — мой обеденный перерыв кончился.

Сидели и молчали. На душе Веры было скверно. Не первый раз Сергей обижает отца, хоть Владимир Степанович прав: талант без образования нуль. Через открытый балкон послышались первые такты «Лунной сонаты», и Сергей двумя прыжками пересёк комнату:

— Разберусь я наконец с дедушкой!

— Ты сдурел?! — взвизгнула Вера.

— Скинь мне тапки.

Лука Наумыч тихо сидел за пианино и тихо играл, когда на балконе бухнуло. Обернулся — перед ним торчали голые мужские ноги. «На чем он висит?» — не испугался старик. Подошёл к двери, посмотрел: а-аа, сынок Вилье.

Сергей спрыгнул. Вслед за ним на балкон полетели тапки. Лука Наумыч ехидно захлопнул дверь и прижал задвижкой.

— Откройте! — растерялся Сергей.

— А что ты забыл у нас?

— Мне нужно срочно уйти.

— А что это за странный способ передвижения?

— Бесстыжий! — кричала с балкона Вера.

— Прыгайте, барышня, — отодвинул задвижку Лука Наумыч.

— Да нет уж, спасибо! Я уж лучше домой пойду! Понял, Сережка? Тапки ему понадобились! А я, между прочим, на Украину еду, во Львов!..

11

Возле санатория была особая тишина. Застенчиво «угукали» горлинки на ветвях каштанов, будто и они понимали, что полный голос здесь неприличен. Из раскрытых окон грязелечебницы пахло нефтью и густым концентратом водорослей. Ольге нравилось приходить сюда. Особенность тугошной атмосферы чувствовал даже её маленький сын и вёл себя спокойней, чем где-либо. Шлёпал от скамейки к скамейке, находя себе какую-нибудь заботу.

Приглядывая за ним, Ольга размышляла, что подарить родственникам отца? Приезжала Вера, похвасталась, что едут на Украину. Ольга не сразу поверила: отец — такой вялый,

такой равнодушный ко всему? Наверно, что-то случилось. Но Вера сказала, что ничего не случилось.

«Пожалуй, сошью клоуна-копилку, — решила Ольга. — Работы с ним немного, а игрушка своей оригинальностью всем нравится».

Шить игрушки было для неё потребностью. Ольга даже во сне видела их, вскакивала, взбудораженная, торопясь зарисовать. Кое-что пригодились потом, какая-нибудь деталь. Целиком же, конечно, ни одна игрушка не была приемлема — это были порождения блуждающего разума.

Думая о клоуне-копилке, у которого по мере увеличения вклада раздувался живот, Ольга вспомнила, что круглая резинка, намотанная на катушку, куда-то исчезла. Из её рабочей коробки постоянно что-нибудь исчезало: свекрови не нравилось, что невестка занимается «игрушечками».

«Можно отрезать часть жгута от раскладушки, — прикидывала Ольга, — распустить, там резинка отличная, но так, чтоб свекровь не заметила, а то поедом съест!»

Сын утомился, залез к ней на скамейку.

— Отдохни. — Она обняла его. На колени взять не решилась, ещё чувствовались послеоперационные боли. Не заметила, как подошел муж.

— Ты здесь? — тихо окликнул.

— Здесь...

— Хотел поужинать, да Шурик опередил: залез черпаком в суп и жрал прямо над кастрюлей, — меня аж стошнило!

Шурик, старший брат Алексея, вернулся из тюрьмы, которая его ничему не научила. Мать не хотела его, но настояла Ольга: то, что Шурик уродина, ещё не причина отказывать ему в крове.

— Зашел в чебуречную, поел всухомятку. — У мужа упрёк в голосе.

— Потерпеть надо. Лучше, что ли, если Шурик будет где-то скитаться? Так хоть на глазах, помочь можно.

— Да? Сейчас орал на мать: «Давай деньги на сахар, я уже два ведра воды вскипятил!» Ты его руки видела? Как у барыни! Он хитрый, он себя не обидит, а мать — в гроб вобьёт!

— Не шуми. Пойдём домой...

Алексей подхватил сына, зашагал вперёд, не оглядываясь на Ольгу. Она плелась следом, и противно-противно было у неё на душе. В гроб вогнать Татьяну Николаевну не так-то просто, но ей нравится говорить о гробе, а теперь вот и Алеша начал.

Улица Московская вела к морю, к детскому пляжу, и потому в курортный сезон здесь былолюдно. Потому сидели на

скамейках бабульки с загорелыми лицами, торговали фруктами. Но жила на этой улице бабушка Маня, которая раздавала приезжим ребятишкам фрукты за просто так. У неё было тёмное морщинистое лицо и такие же руки. Худенькое, изношенное работой и жизнью тело едва угадывалось под кофтой.

— Бери, бери, — гладила она малыша. — Откуда у вас фрукты на севере? Вон ты бледненький какой. Чай, родители год копили деньги, чтобы привезти тебя сюда.

Ольга тоже попробовала раздавать фрукты: всё равно опадают и пропадают, — но свекровь быстро прекратила «благотворительность»:

— Не заработала ещё раскидываться! Я за них в совхозе горбатюсь!

Каждый год она, надрываясь, таскала из совхозного сада черешню, вишню, абрикосы... словно своего сада не было. Но успокаивалась лишь тогда, когда зимний сорт яблок был уложен на чердаке в стружках. Сидеть на рынке, торговать — в этом заключалась весь её жизненный интерес. И как-то так получалось, что ни она — кому и ни ей — кто.

Дом Котовых стоял на углу. Нажав на кольцо калитки, Алексей вошёл во двор.

— Что за чёрт! — опешил.

За столом по-хозяйски расположилась девица с испитым лицом.

— Я? Жена!

— Чья?!

— Шурика.

Из летней кухни, куда скрылась от неожиданной «невестки», бочком вылезла Татьяна Николаевна.

— Пропойца! — осмелела при сыне. — Чтобы духу твоего тут не было!

— Шура-а! — завизжала «жена». Однако Шурик не слышал, он спал под забором, и «невестке» пришлось убираться.

— Боже ты мо-о-й! — обхватив голову, раскачивалась Татьяна Николаевна из стороны в сторону. — За что мне такая кара? Знала же я, знала, что это будет! Ты, Ольга, во всем виновата!

— Сейчас я его изувечу!.. — Алексей шагнул к брату.

— Нет! — Ольга не пропустила его.

— Да ты же здесь скоро такое увидишь, что пожалеешь!

— Пусть.

За завтраком Елизавета Александровна оправдывалась перед мужем:

— Пиндюрина затянула собрание, потому я и вернулась поздно.

Август молча ел. На нём отутюженная рубашка, на столе дефицитная ветчина.

— Днём была у вашего директора, нужно сменить в школе линолеум; ремонт начался. С этим ремонтом опять... Да, забыла сказать тебе: Ольгу видела с её крановщиком. Мельком, правда.

Август поперхнулся: он тоже простой возчик рыбы. На душе стало гаже некуда: сколько ещё будет жена лгать ему и давить своим авторитетом?

— Пойду, огород полью, — поднялся.

— Что ты в такой-то день? Вера с Фросей полют.

— Да ладно...

«Рожу еще воротит, — фыркнула Елизавета Александровна. — Помыкайся, милый, в очередях, купи продукты по себестоимости. Ты кушаешь сладко, не отказываешься, а ты спросил, откуда ветчина? Это мне с Бурцевым плохо, зато тебе в моем доме хорошо! На твоём месте, я бы еще приплачивала за такого любовника».

Причесываясь перед зеркалом, услышала шум во дворе.

— Где мои галоши? — оглушал дед Фросю. — Где, я тебя спрашиваю? Ты, приборальщица, куда их засунула?

Фрося сидела перед ним на корточках и вприщур разглядывала ботинок.

— Не кричи уж, — вразумляла. — Сколочу обувку, у меня подходящие гвоздочки есть.

— Папа, ты когда-нибудь научишься соображать, что не один тут живешь? — Елизавета Александровна встала на пороге времянки. — От соседей стыдно, хоть бы дверь запер!

— Пусть не слушают!

Ссориться с ним ей было некогда, да и бесполезно. Она лишь прикрыла дверь, чтобы на весь двор не кричал.

А старик, заметив на кровати Веру, накинулся на нее:

— Твои дружки, твои! Больше некому! Мне бы всё лето обувь прослужила, а из-за них выпрыгнул из трактора и порвал! А ещё бы раз катнули, я бы их!.. Чего валяешься тут, бездомовая? Сказано, не шляйся сюда по ночам!

Облечив душу, он поел и шугнул внучку с постели:

— Убирайся, лягу.

Немного погодя заявились Фросины внуки. Зашептали:

— Дед только похваляется, что по ночам не спит. Дрых в «Беларусике». Мы сзади подползли и давай трактор раскачивать, а он поехал...

— Батюшки! — обомлела Фрося. — Што вам старик сделал? Вы ходите сюда, как домой, он слова супротив не говорит! Ему покой нужен, он фронтовик, адиоты!

Она редко сердилась, но на этот раз внуки допекли. Кинув в Петьку скомканным полотенцем, Фрося заплакала.

— Бабушка, мы извинимся перед ним... — расстроились парни.

— Да не лезьте уж, сам позабудет, а штоб так в последний раз было!

Пристыжённые внуки не знали, что делать.

— Едем, Верка, на Переправу? Там кладбище турецкое археологи раскапывают, драгоценности ищут; парни переправские тоже копают по ночам. Там лебеди живут на озерах.

Но Верочке ничего не хотелось: деда с Фросей было жаль.

Фрося вышла во двор. По утрам она сама поливала огород; увидев теперь, что этим занялся Август, решила сходить к Головоньке разгадать сон, который приснился ночью. А снился Фросе родительский дом. Матушка гнала её вон за какой-то проступок. «Мама!» — хваталась Фрося-девочка за скобу двери. А потом оказалась на улице, одетая в отцовский латаный пиджак. И тут проснулась. «Што только и приблазнится! Када это меня из дому гнали?» А сон зацепился за латки пиджака и повёл Фросю за собой, теперь уже в лес, где паслись коровы Доча и Машка. У Машки смешной короткий хвост: был нормальный, но однажды сама на него наступила, и он оторвался. Мать подвесила хвост в сених; если понадобится корову продать, покажет его покупателю: по длине хвоста определяют удойность. «Это што такое? — окончательно пробудилась Фрося. — Это к добру ли? Мальчик снится — к прибыли; девочка — удивляться будешь. А если сама себя видишь девочкой?» Хорошо, что Вера рядом сопит, а то напугаться впору.

Вера пришла поздно, расстроенная, и Фрося не посмела отказать ей. Только спросила: «Чего к ночи-то?» — «Да так. У мамы на работе собрание было».

«Ох уж эти собрания! — ворчала Фрося. — И Верка ведь знает про её хахалю. Как не стыдно Лизавете? Как Август столь годов терпит? Ольга, матушка, тоже как переживала, да всё молчком, молчком, еще хуже. Извела Лизавета девку, мать родная называется. Оля мягкая с виду, а внутри закаменела вся. Ей бы ласковости, она бы как цветик стала, глазки-то у ей были, как солнышки. Вот судьба тоже у девки: бьют и бьют, кто ни попадя. А она молчит. Чистая она, голу-бонька. Как у ей, ни у кого такой чистоты нету, а в себе жи-

вет, запрещают ей жить по-другому. То и запрещают, што стыдно рядом с ею... И всё у нас так».

Фрося отправилась к Сульдиковой, но та уже сама перевесилась через забор:

— Фрося, у вас сороки крыжовник клюют?

— Ково клевать-то, зеленый еще.

— А у нас клюют! А почему Август один едет?

— Не один — с Верой. Скажи ты мне: к чему вот во сне корову видишь? Пристало ночью — и всё.

— Ты её как видела? С хвоста или с рогов?

— С хвоста больше.

— К неприятности, — сразу констатировала Сульдикова.

— А если с рогов, то што бы?

— К беде.

— Ах ты, господи! Кабы чего с Веркой да Августом не случилось. — Фрося отошла к рукомойнику, где на крышке уже сидела сорока, нарядная, как павлин; не испугалась Фроси, наоборот, зачакала, завозмущалась.

— Что? — спросила Фрося. — Нечего украсть?

Накануне дед, обнаружив, что сороки стащили мыльницу, приколотил к доске рукомойника дырявую кружку.

Красотка встряхнулась, и не успела Фрося ахнуть, как у той в клюве уже торчало мыло. Прямым в Головонькин огород летели еще две сороки.

— Куд-да-а? — завопила Клава. — Кыш-ш к чёрту! — Пульнула комом земли и опять повисла на заборе: — Фрося, а что Ольги-то долго нет?

Но тут из временки вышел дед Александр, и это не обещало Головоньке ничего хорошего.

Дед уже насолил и навялил таранки, чтобы Август не побирушкой приехал к родственникам, побывал на Переправе, купил у знакомой торговки литровую банку чёрной икры.

— Ты, главное, не забывай о работе, не опаздывай! — называл зятю.

Сам он, уральский пролетарий, к работе относился с благоговением. В Серженске, конечно, избаловался в сторожах да на пенсии, а в Углеуральске, когда бывал в отъездах, за неделю торопился назад. Как же — шахта ждёт! При таком запасе времени, даже сойди поезд с рельсов, он до родной шахты добрался бы пешком. Шахта и теперь оставалась для него самым отрадным воспоминанием.

Август был на взводе. О Лизе думал. Говорит, что любит. Какая же любовь — сжать, сплющить? Зачем в их постели третий? Пусть бы жили, как все: скромно, тихо; пусть была

бы она простой учительницей младших классов. Но нет, Лизе надо, чтобы ей завидовали!

Вера и внуки Фроси притащили соседского кота, взвесить.

— Хватит дурачиться, — осудил их Август.

— Маешься? — посочувствовала Вера.

— Маюсь, — признался он.

В три часа возле дома остановилось такси, подъехала Елизавета Александровна. Вынесли на крыльцо чемоданы. Посидели на дорожку. Фрося провожала до калитки, остальные разместились в машине.

Ольгу никто не ждал, но в час отправления поезда она была на вокзале.

— Олюшка! — рванулся к ней дед. — Ненаглядная ты моя! Болит у тебя живот-то?

— Нет уже.

Ольга говорила и ждала, что мать как-то откликнется: ведь ни разу не навестила в больницу, не позвонила. Но Елизавета Александровна лишь одёрнула старика:

— Чего пристаёшь? Чему там болеть, столько времени прошло.

Ледяная изморозь покрыла тело Ольги, застудив внутренности, как студит, а затем убивает теплую зелень зазимок. Поникла. А Вера готова была расплакаться: как может мать быть такой жестокой?

— Я тебе подарок привезу, — незаметно шепнула сестре.

— Ах, да! — вспомнила Ольга. Достала из сумочки клоуна-копилку. — На счастье вам всем.

Объявили о прибытии поезда. Август и дед Александр понесли к вагону чемоданы, Ольга пошла провожать. Елизавета Александровна осталась у такси.

13

Чаривный — называют свой край жители Западной Украины. Поля и леса, реки и озёра, горы и овраги, аисты в гнездах на крышах хат, большие белые церкви — и цветы, цветы всюду!

Вот это всё и увидела Верочка. И пока ехали из Львова в Жwirkу, душа её пела. А душа Августа плакала. Как он мог столько лет жить вдали от родины, как смел? Тягучий зной Серженска — и родная земля, свежая, сильная. Он смотрел в окно неотрывно, а в глаза ему смотрела Марыся: небом смотрела, пшеничным полем, дикими маками на пригорках.

Солнце перекатывалось по окнам автобуса, и казалось Августу, что весна, что праздник, что звонят колокола, а мать ведёт его за руку расфранчённого, остриженного «в скобку».

На нем рубашечка с узорами крестиком, новенькие сапожки. «Гуцул!» — улыбаются встречные. Его любят все, и он тоже всех любит.

Наверное, оттого, что солнце грело щёку, как в детстве, когда просыпался по утрам от этой горячей нежности, и вспоминалось детство. Ярмарка, мягкая блестящая грязь под ногами, разноцветная шумливая толпа продавцов и покупателей. Продаются хомуты, точильные камни, глиняные свистульки... За оградой верещат поросята, блеют овцы... В молочном ряду варенец с желто-коричневой пенкой: от одного взгляда тает во рту! Мать выбирает глечики — глиняные горшки; ей много надо таких горшков — под молоко, сметану и мёд. Отец отводит сыновей в самый конец площади, где жарят на железных печурках домашнюю колбасу, покупает по скибочке колбасы и по кружке фруктовой воды. А на небе — ни единого облачка, и солнце на небе, как вкусная пенка на варенце!

Август очнулся от детских воспоминаний лишь тогда, когда подъехали к Жвирке. Их с Верой ждали.

— Август! — кинулся от калитки дома брат. — Август мой!

Елизавета Александровна называла Вацек стариком, Верочка и представляла его седым да немощным, однако перед ней был мужчина крепкий и загорелый.

— Отож! — выдохнул он и, прежде чем обнять Августа, радостно засмеялся Верочке: — Славецкая! Наша!

Вмиг всё перемешалось. Плакали, смеялись, вглядываясь друг в друга, находя и не находя перемены.

— Коса-то, коса! — Жена Вацек с уважением потрогала Верочкину косу. — От так дивчинка!

Утирая слёзы, Вацек стал подгонять гостей:

— За стол скорいше! Пока вас ждали — с голоду помираем.

Из эмалированного ведра Фёдор, старший сын Вацек, черпал кружкой горилку, разливал по графинам. Ганна носилась с глечиками и макитрами.

Ничего похожего не случилось у Верочки дома. Замкнуто жили. Родственников с Урала разносолами не баловали. Бабушка — та сразу встречала словами: «Денег нет», — так что гости, побывав у них однажды, больше не стремились на Азовское море.

Стараясь не путаться под ногами, Вера отошла к стене комнаты, разглядывая развешанные на ней фотографии. Отец — молодой, в рубашке длинной, подпоясанной плетёным ремешком. Отец в обнимку с дядей Вацеком. Отец на танке в армии...

— Батюшки! А это что за фашист? — вырвалось у неё. На фотографии был мужчина в форме, похожей на гитлеровс-

кую. От удивления Вера высоко подняла плечи да так и осталась: «Не видит мой дед, его бы паралич разбил!»

— Верка! — позвал Толик, младший сын, поскрёбышек, как говорила Ганна.

— Погоди! — отмахнулась она. — Кто это? — показала на «фашиста».

— Це? Твий дидо.

— Ка-ак? Против Союза, что ли, воевал?

Толик ухватился за бока.

— Ни! Це польска форма. Повстанческа армия, антифашисты.

— Ой, а я-то перепугалась! Дед мой всё кричит: «Петлюра! Бандеровцы!»

— Твий дидо?

— Ну.

Толик опять расхохотался:

— Таки и у нас есть. На комбинате. Приехали да и кажут: «Бандеры вы!» Ехали на что до бандеровцев? Пошли, маты моя тебя шукает.

Вера вышла во двор, забрать у тетки Ганны вишню, и натолкнулась на отца: Август плакал. Ничего не спросила у него дочь, всё было ясно: встретился отец с родным домом.

Дом, в котором жил Вацек, принадлежал родителям его и Августа. Вацек всё перестроил здесь, от прежнего и не осталось ничего, но всё равно — это был их дом. Когда-то Август думал, что время невозвратно, что прошедшее может напомнить о себе лишь тихой песней перед рассветом да звездой, которая иногда настойчиво заглядывает в окно. Но оказалось, что всё может вернуться к тебе, всё, вплоть до родных запахов, таких далеких, таких забытых! Забытых? Нет! Где-то, в каком-то уголке сердца, в каких-то онемевших на время клетках они бережно хранились, чтобы теперь он обрел их вновь.

Под окнами рос ясень. Август поднял голову: ясень раскинул ветви высоко над крышей, а на крыше стоял в гнезде аист. На прежнем месте было гнездо: на самом коньке, на укрепленном там колесе от телеги. И жоржины — георгины были на месте: под окном кухни, где их сажала мать.

Наконец все уселись за стол. В огромных мисках жареные утки, домашняя колбаса, свернутая плотными кольцами. «Как есть-то её? — подумала Вера, но Ганна перехватив её взгляд, взяла колбасу руками и отломилла большой кусок. Подала Вере:

— Так едят. Ломают.

Уже после первых гостей Вацек заговорил о переезде Августа в Жвирку.

— Ты добре покатался, теперь бери жинку, та и домой.

Посреди стола — литровая банка черной икры. Вацек черпнул её суповой ложкой, заел горилку.

— О-о! — крикнул. — Добре живет Серженск!

Август хотел сказать, что икры в Серженске днём с огнем не найдешь, хоть рыбозаводы в городе и на Переправе перерабатывают её сотнями килограммов. Идёт икра в маленьких бочоночках с красивыми наклейками сплошь за кордон, туда же идут и все осетровые. А Серженск видит только ставриду, скумбрию и тарань. Но Август лишь улыбнулся.

— А у нас на Буге только карась да щука. Но теперь химкомбинат запускают, бачь, и того не будет. Тебе треба спросить на комбинате, может, работу сыщешь?

Август промолчал.

— Ничего, роблять люди, — приняв его молчание за нерешительность, сказала Ганна. — Многие едут сюда. — Засмеялась: — Дики таки! Один у нас жил, как приехал. С Сибири он. Его к нам Степан, шо теперь в армии, привёл. Мы его колбаской да горилкой угощаем, а он напился и полез на горище. Кажет: «Бандеры вы, у вас пулемет у хате!» Дурень, дурень!.. Кажет: «Ночью вы меня зарежете!» Так и спал на горище в соломе. Утром говорит: «Ничего не помню!»

— Я-то был у него, — продолжил воспоминания Вацек. — Он мени каву в наперстке несёт, да я как побиг от той кавы! Ты каву пей, а я буду горилку со смальцем исты! — И снова запустил ложку в икру, подмигнув Вере: — Наистысь зараз, да и усё!

— Яна с Олесей знают, что я приеду? — спросил Август.

— Знают, знают. Ну, ещё по одной?

Но Ганна ладонью накрыла горлышко графина:

— Почекайте трохи.

Духота с улицы проникала в дом, и Вера, устав с дороги да к тому же плотно пообедав, зевнула. Заметив это, хозяйка сразу провела её в дальнюю комнату, очень чистую и опрятную.

— Намаялась, детонька?

Вера легла. И мгновенно уснула.

Без горилки застолье — не застолье.

Братья, оставив Ганне прибрать посуду, пошли в сад и улеглись под яблоней. Вацек допытывался:

— Ты решил совсем остаться в Серженске?

Август пожал плечами. Даже если бы вернуться сюда, то кому он здесь нужен? Кто его помнит?

— Ты лучше мне про Марысю расскажи, — попросил.

— Она в детском саду работает, заведующей. Её Иванко со мной в колхозе. Диток мают: Оксану да Григория. Мары-

ся все така ж — проста жинка. Она твои малюнки в саду развесила, помнишь, ты рисовал барвинки да жоржины?

— Помню. Для неё старался. С тех пор кисти в руки не брал.

— Хиба ж так? Я твои рисунки берегу.

— Может, снова начну рисовать... Аиста нарисую. Глянул сегодня на нашего аиста, и сердце зашлось.

— Так чего ж в Серженске сидеть? — встрепенулся Вацек. — Продай хату, здесь купишь. Или жинка твоя не сговорчива?

— Она не поедет. Она начальница. Да ну её! Яна сильно стара?

— Нет. Сходи к ней. Верку возьми. У неё сад большой, помнишь его? Зарос, треба в порядок привести. — «Эх, братко! — подумал. — Хиба ж так можно? То и не ехал ты до нас столько лет!»

— Помогу. Что мне тут делать целый месяц.

— У других участки урезали, а у Яны нет. Она говорит, её участок урезать бесполезно, он до больничного забора.

— Побачу.

Вацек лег на спину, закрыв глаза: «Як бы его с того Серженска выманить?» — размышлял.

Рука у Верочки затекла. Она перевернулась на другой бок, и тотчас серый котик запрыгнул к ней на кровать.

— Ой! — вскрикнула она.

Кот медленно прокрался к её лицу, обнюхал.

— Что? — спросила Вера. — Чужая в доме?

От доброго отношения кот прилег рядом, запел с прибулькиванием, но, почувствовав неказистость своего исполнения, отодвинулся и почихал в угол.

— Умница, умница! — похвалила его Вера.

Ганна была в хлеву, доила корову. Звонкие струйки стекали в ведро, пахло сеном и навозом.

— Проснулась? — увидела Верочку.

— Кот вон разбудил. — Тот плёлся следом.

— А-а... Федя Степанович. — Зараз молока налью — все его жинки и диты придут.

— Почему Федя Степанович?.. — улыбнулась Вера.

— Степан его принес в позапрошлом годе, Федей назвал, чтобы брата дразнить. А брат каже: «Степанович». Ды-высь... — показала на конец сада, откуда сходилась с полдюжины котов и кошек. — Все жинки и диты.

Отлила молока в миску, и вся родня Феди Степановича гуртом уселась вокруг неё. Вера стояла ошеломлённая.

— Ещё Грець есть, — сказала Ганна. — Сходи подывысь, не съел он твои туфли?

Вера сбегала на веранду, где разулась по приезду. Действительно, туфли были раскиданы, и не было стелек.

— Тетя Ганна! Ваш пёс вытащил из моих туфель стельки!

— Да як же ж я? — всполошилась Ганна. — Треба ж было схваты их!

— Ну, да ладно, что теперь. А Грець этот тоже с жёнами ходит?

— Ни, ще малый.

Ганна процедила молоко, разлила по кринкам и велела Толику отнести в погреб.

Хорошо было Верочке! Кажется, никогда ей не было так хорошо. И хотелось, чтобы вот так продолжалось долго-долго, и даже чтобы совсем не кончалось!

— Пойдёшь со мной на Буг? — пригласил её Толик, забирая с веранды ведро и банку с червями.

— Пойду.

— Тебе сделать удочку? Леска у меня есть, грузило есть, всё есть, — похлопал по оттянутым карманам штанов.

Но Вера отказалась.

Перешли улицу, спустились с косогора, и вот он, Западный Буг. Здесь сильно пахло сыростью. Густая трава щекотала босые ступни. Чуть поодаль — огромные ивы и тени от них длинные, к берегу. Здесь и солнышка было поменьше.

Несколько рыбаков стояли по колена в воде, закинув удочки. На другом берегу высился монастырь с крепкими стенами, с облупившейся штукатуркой, обнажившей красный узкий кирпич. Вера впервые так близко видела церковь. В Серженске не было церкви, хоть старушки из Виноградовки ездили в город в какой-то молеальный дом и называли его церковью.

— Как здорово! — восхищенно посмотрела на Толика. — Красиво как!

— Тут колония. Видишь вышку? Видишь солдата?

Но, заметив, что Вера вздрогнула, Толик успокоил:

— Не бойся, они нас не трогают.

Отойдя подальше, чтобы не мешать рыбакам, Вера разделась и вошла в воду. Течение было спокойным, почти незаметным, и всё же требовалось усилие преодолеть его. Вера хорошо плавала, переплыть Буг ей ничего не стоило, однако она не решилась: вода чужая. Сделав два широких круга, вернулась на берег. Пока отдыхала, наслаждаясь пряным ароматом вокруг, комары успели цапнуть. В Серженске комаров не было, тем более у моря.

В просторе над рекой, в вечернем чувствительном покое раздались громкие начальственные окрики — это в колонии своим чередом шла жизнь, отгороженная от остального мира древними стенами и двойными решетками. Какое-то время Вера почти физически ощущала на себе эти окрики. Потом в ней это прошло.

Уже темнело, когда они с Толиком возвращались домой. Он, как и хотел, поймал шуку да с полведерка карасиков.

— Завтра покажу тебе Сокаль, — пообещал. — Там вкусное мороженое. Там возле универмага дети нашли клад. Мои друзья тоже ходят туда, клады ищут.

— А милиция куда смотрит?

— Так ночью же.

«И здесь копают и ищут клады», — вспомнила Вера про турецкое кладбище на Переправе.

14

Ласково и ясно улыбалось Августу утро. Потянулся, обвёл глазами комнату. Вчера здесь праздновали встречу, всё было сдвинуто с мест, а сейчас круглый стол снова стоял посередине комнаты, и на нём в вазе пушился ковыль. В окно заглянуло солнце, прилепилось на изразцы печки и дверцы старенького шифоньера, выхватило из букета венички овса, искусно обернутые в разноцветную фольгу, скользнуло по стене с вышитыми «дорожками»... «Схватить всё это за пазуху, да и носить с собой!» — умилился Август.

Постучав, вошла Парася, мать Ганны.

— Бачь! — усмехнулась. — Он вже ножками чеберяет, як той зайчик, а я тихе-енько, тихе-енько... Вставай, Август, вареники сделаю. Сегодня я буду хозяйовать, Ганна на работе.

Август неизвестно чему рассмеялся. Если бы видела его таким Лиза! Когда он в последний раз смеялся дома?

— Посиди, Парася, поговорим, — попросил.

Она примостилась возле окошка, проведя ладонью по подоконнику — руки нечем занять, руки у неё не привыкли быть праздными.

— В церковь ходила днесь, — поделилась с Августом. — Народу булом! На паперти, на вулице...

Знал Август, как много людей ходит в церковь, особенно в праздники. А и хорошо же там! Замирает под самым куполом голос священника, можно слушать, можно не слушать, всё равно на душе будет покойно и сладостно. Август и Марысю-то впервые заметил в церкви, хоть жили они через улицу. А тут, после проповеди, когда внутри него все зыбко покачи-

валось, и он уже был не он, а сошедший на землю ангел, увидел расширенные глаза. Марыся? Он едва признал её.

— И Олеся была в церкви, — продолжила Парася. — Малэмсенька-малэсенька, бела-бела голова. Она сколько рокив в Стрие, в церкви, жила. Там комната была у ней, така ж малэсенька. А иконы, иконы!..

Парася однажды побывала у свояченицы. Церковь в тот день не работала, но Олеся открыла её своими ключами. Парася одна стояла в храме: разговаривала со Спасителем, молилась и плакала. Лик Спасителя менялся — глаза то смотрели пристально на Парасю, прямо в душу ей, то Спаситель отводил взгляд, словно был недоволен ею, — и тогда она припоминала свои грехи, ей было стыдно, и она просила прощения.

— Олеся всех святых знает, она мне про святую Парасю поведала. Она восемь лет жила в Стрие, потом кажуть: «Не треба. Церковь — опиум для народа, в клуб ходите». Закрыли.

«Общую казарму делают», — подумал Август.

— Теперь Олеся у Яны. Чи Верку будить?

Но Веры и след простыл.

— Толька! — прокричала Парася во двор. — Иди за сметаной!

Но и внук был таков. Пришлось самой брать кринку, идти в магазин, благо недалеко.

Пока Август умывался, приводил себя в порядок, у Параси уже вскипела вода в кастрюле.

— Сидай. — Свояченица придвинула ему дубовый стул — единственное, что осталось в доме от родителей Августа.

Август с благоговением макал в густую холодную сметану вареник, смотрел на него и только потом съедал.

— Ты не дывысь, ты ешь, — по-матерински заботилась о нём Парася. — Толик вчора шуку поймал, пирог сделаю.

На деревянных решетках в кухне сушилась трава, запах был терпкий, приятный. Вообще всё здесь было просто и хорошо, всё было жилым и тёплым. Не то что дома у Августа: там властвовали импортные гарнитуры и словно подавляли проявление личности хозяев.

Вбежала Верочка с целой охапкой цветов.

— Па-ап! — кинулась ему на шею. — Мы с Толей на луг ходили. Ой, что за чудо там! Всё светится, всё звенит! И Грець с нами ходил, он вчера из моих туфель стельки выдрал. Грець! — приоткрыла дверь, и маленький чёрный пёсик моментально оказался рядом.

— На! — Вера из тарелки отца выудила вареник.

Грець мгновенно его проглотил и завертелся волчком, вымогая ещё.

— А ну, геть! — прикрикнула на него Парася. — Толька! Чисты исты не будешь?

— Я не буду? — Внук объявился, наконец. За ним бочком пролез Федя Степанович.

— Слава те, Боже, уси в сборе! — перекрестилась Парася.

После завтрака Август с Верой пошли в Сокаль. Вера во все глаза смотрела по сторонам. Никогда не видела таких огромных кленов, каштанов до самого неба! А домики какие славные, беленькие... И аисты, о которых только и знала, что они приносят детей.

Первым знакомым лицом оказался Вениамин Грэб. Август его узнал, а не он Августа. Вениамин важно нёс свой живот в сторону сельской конторы. Про такие животы дед Александр говорил: «Не брюхо, а гора Арарат». Не сам придумал, где-то услышал, и понравилось. Грэб с детства не отличался худобой, он отличался занудливостью, за что его обзывали Таблеткой.

— Це ты, Вениамин? — шагнул к Таблетке Август.

Грэб остановился. Изумленно оглядел незнакомца и молоденькую барышню рядом с ним, потом наконец узнал Августа и сразу напустил на себя важность:

— Це я, Август. Тебе казали, что я тут парторг?

— Далеко ты скакнул.

Вениамину польстило.

— Доня твоя? — положил два пухлых пальца на плечо Веры.

— Двоих маю, це молодша.

Парторг закивал, как китайский болванчик, но больше ни о чем не спросил, и Август понял, что Таблетка зазнался. Тень легла на родную Жвирку: не хотелось Августу здесь, на родине, видеть божков. Зато следующая знакомая, подружка Марыси, сразу признала его.

— От так зустрича! Август! Звидки? Ни капли не змінився! В отпуск?

Август настолько обрадовался ей, что и не подумал сопротивляться, когда Оксанка потащила его в сквер у конторы и, влюбленно разглядывая, выпытала всё, что хотела.

— Приходь до мэне, приходь! — тараторила она. — Мой чоловік помер, я одна, приходь, горилки попьём!

Не в силах отпустить Августа, вспомнила, что в конторе её брат, Славчик, и он Августу будет рад.

Брат Оксанки работал колхозным бухгалтером, но оставался прежним Славчиком — любителем выпить. Вид имел самый цветущий, поскольку каждое утро обливался во дворе холодной водой, зимой и летом.

— Дывысь, кого я привела! — налетела на него Оксанка. — Славецкий! Чи помнишь его?

— Где ты был столько лет? — осклабился Славчик. — Сейчас дверь запру.

Гоняла в свое время Славчика тётка Гапка, гоняла и приговаривала: «Не пей, свинья пашкудна, не пей!» Не подействовали материнские уроки.

Достал из-за шторы бутылку, разлил по стаканам, чокнулся с Августом.

— Дерет? — спросил. — Ну, кажи, як там у казаков життя? Це ж така погана людына! В войну, кажуть, немцев хлебом-солью встречали.

Август, прожив в Серженске восемнадцать лет, впервые слышал об этом.

— С чего ты взял? — удивился.

— Все знают. Да нехай им! А я не могу нигде, кроме Жвирки. Жинка в прошлом годе в Крым захотела. Я кажу: «На что тебе Крым?» — «Груши исты». — «Чи не те груши у тебя под ногами?» — «Нет, поиду! Уси йдуты!» И, чуешь, возвернулась, плачет: «Всё дорого в Крыме, груши по карбованцу пара». И ты возвращайся, на что тебе таки дороги груши?

— Живи дома, Август, — поддакнула Оксанка, — нигде найкрашче не будет.

И затараторила:

— А Марыся-то як обрадуется! Я ей скажу, она в обморок упадет, чуешь?

Из бухгалтерского кабинета Август с Верой вышли нескоро.

— Ну, куда ж теперь — к теткам? — вроде бы сокрушался, а на самом деле блаженствовал Август.

15

Высокий бетонный парапет округло тянется от Жвирки к Сокалю. Над ним заросли терновника, дикой вишни, россыпи маргариток. Наверху он становится пешеходной дорожкой вдоль улицы, и в этой части город похож на Жвирку. Но дальше путник попадает на средневековую площадь. Так и кажется, что рядом с ратушей должны быть харчевни и белошвейные мастерские! Убрать редкие современные здания, сменить одежды на средневековые — и Сокаль будет городом, где история остановилась.

Завороженная Вера сразу кинулась к ратуше, но Август повел ее в другую сторону. Дом Яны находился в двух кварталах от центра, был глинобитным, за низким забором, и, подойдя к нему, Август окликнул:

— Олеся! Яна!

Вышла старая женщина с беззубым ртом. Морщинистый жёлтый лоб, седые космы, нос длинный, немного крючком. Но глаза украшали прекрасные ресницы, и брови сохранили идеальную форму. Это была Яна. Когда лицо её оставалось покойным, в нём все ещё просматривался изящный замысел природы.

«Как же время красоту губит! — поразился Август. — Лет тридцать назад на Яну заглядывались, а теперь...»

«Какая страшная! — съёжилась Вера. — И это сестра моей бабушки?»

Вышла и другая тётка — Олеся, маленькая, миленькая и подвижная.

После ахов и охов Августа с Верой провели в дом, где было полутемно, окна зашторены, и лишь в комнате квартирантов от света не прятались: через приоткрытую дверь было видно, как солнечные зайчики играют на коробках и ящиках.

— Це Мария, — представила квартирантку Яна.

Мария приветливо улыбнулась и сразу отошла к ребенку. Тот плакал.

— Болеет кавалер, — печально сказала Олеся.

По всему дому пахло чем-то застойным, старушечьим. Яна принесла угощение — чёрствыи пирожки. Они с Олесей никогда нигде не работали, пенсий теперь не получали, жили скудно и лишь тем, что сдавали квартирантам две комнаты да делали вино из опавших плодов.

Верочка от пирожков отказалась: она недавно из-за стола. Тогда Олеся дала ей для развлечения коробку с фотографиями. На фотографиях были паны и пани, богато одетые. Олеся подходила, поясняя, кто изображен на снимках.

— Это Яна.

Красавица писаная. Облокотилась на ажурную решетку ворот, на голове замысловатая прическа, платье до самых пят...

— А это я.

У Олеси платье короткое, на боку бант, и она чему-то смеется.

— А это Барбара. Твоя бабушка.

О-о... Какая же милая! Уж кто красавица, так это она! Барбара обнимает Олесю, волосы струятся по плечам, а на щеке ямочка.

Вера решила, что выпросит эту фотографию, увезёт в Серженск, переснимет, сделает портретом.

— Ты на Барбаруходишь, — сказала Олеся.

«Неужели? На такую красивую? Не-ет! Бабушка была худощавой, а я толстая. А может, и похожу?.. Говорят же мне,

что я похожу на отца. Но отец не походит на свою мать, разве что ямочками. А вдруг сходство повторяется в третьем колене? Виллье говорит, что именно в третьем колене повторяется сходство, поэтому он — копия своего деда — француза».

— Пани Олеся, отдайте мне эту фотографию?

Олеся не дала и на все уговоры Веры отвечала категорично:

— Смотри здесь.

В конце концов Вера с ней согласилась: если бы старушки отдавали всё, что кому-то понравится и кому-то нужнее, они бы давно всего лишились. Но переснять фотографию нужно обязательно!

Дальше Веру занимали паны в «котелках». «Вот так родня у папки!» — не переставала удивляться.

У квартирантов хлопнула дверь.

— Мария с хлопчиком пошли гулять, — сказала Олеся.

— Я тоже пойду, — Вера закрыла коробку. — Сад погляжу. Дядя Вацек говорит, что он у вас необыкновенный.

— Руки треба до этого сада.

Это был настоящий сад, помещичий. Яблоневые и грушевые аллеи, беседки, песком посыпанные дорожки. «Как в городском парке! — Вера смотрела во все глаза. — Вот рассказать-то дома! Ведь бабушка обзывала отца голоштанником».

Мария катила колясочку, её сын всё ещё плакал.

— Что с ним? — Вера наклонилась к ребёнку.

— Экзема. Мы из Томска, у нас там химический комбинат. Решили сюда переехать, здесь пока ещё нет химии. Наш друг скоро уезжает работать в Болгарию и оставляет нам квартиру.

А Яна вздыхала перед Августом:

— Мы не вечные с Олесей. Жаль сада: в какие руки попадет? — И слышал Август в её вздохах просьбу: «Возвращайся!»

Бродила в нём эта мысль, боялся даже себе признаться. Бродила уже в Серженске, когда напоследок оглядывал трудами своими да тестя созданное.

А что, если вправду остаться? Кто потеряет его? Лиза? Для неё он прикрытие. Она любила его, пока была учительницей младших классов, потом гордыня заела, ей теперь нужен муж-карьерист.

— Давай, Яна, топор, лопату, — сказал; хотел и Веру привлечь к работе в саду, но Яна с негодованием отвергла это, и Вера умчалась в город.

Землю Август любил и знал. Когда жили в Углеуральске, под окнами своего барака он высаживал тюльпаны — невиданные в тех местах. Тюльпаны недолго задерживались на грядке, парни срывали — девочкам дарить. Август не сердился. Для чего же цветы, если не для радости? Он и в Серженске сажал много цветов и садом занимался, снимая щедрые урожаи. Август любил на земле каждую былинку, каждого жука. Подолгу мог смотреть на обыкновенную травяную метёлку с её паутинками-веточками, с «листочками», расшитыми дорогими шелками; на цветок клевера, на шмеля, который хоботком в его крохотной трубочке — гудит, гудит... потом умоется и улыбнется.

«Ну, почему жизнь комом? — думал теперь Август. — Чем сильнее вырывался из него, тем больше он становится». Припомнил, как строили дом. «Домина!» — восклицал тесть, и было видно, что размах затеянной стройки его пугает. Надрывались. В полном смысле надрывались. Тесть устроился на кирпичный завод, чтобы выписывать кирпич ломом, а вывозить цельный, — там разрешали так для своих. Вдвоем они выложили веранду, потом времянку. Не умели, да жизнь всему научит. Оштукатурили. Как досталась им эта штукатурка! Каждый уголок ладонями выравнивали. Лиза по благу привозила цемент, доски. Пятак замуровали в одном из углов: на достаток, на счастье. Эхма!

Пока Август примеривался, с чего начинать, небо покрывалось тучами. Солнцу в колодце небольшого просвета становилось тесно, оно накалялось, усиливали звон кузнечики. И вот уже всё смолкло. И крупные капли. И грохот, будто под откос летят брёвна, сшибаясь друг с другом.

Август забежал под навес, где у Яны хранился уголь. Струи хлестали в руку толщиной. И Августу становилось легче. Будто смывались с него многолетние грязь и коросты, и он по-младенчески наг теперь, и жизнь для него — впереди.

16

Теперь дни Августа проходили в трудах. Он вырубил и выкорчевал старые кусты, чтобы поздней осенью на их место можно было высадить новые. На очереди было несколько груш и яблонь, которые опаршивели и не давали плодов.

Вера порхала из Жвирки в Сокаль — там и там ей были рады. Парася подарила ей целый ворох юбок и расшитых рубах, в которых Вера щеголяла, как заправская модница. Вдыхатели бродили под её окнами, вызывая на гулянку, а гуляли здесь, как и встарь: сходились на Буге, пели и танцевали. И танцы остались прежними: гопак, коломийка, каза-

чок... Да и песни всё про тот же кнут, которым «била мене маты, щоб я не кохалась». И Вера думала, что теперь, пожалуй, скучно ей будет в Серженске.

Она привязалась к Олеся с Яной. Олеся рассказывала ей о церковной жизни и хотела, чтобы Верочка, выйдя замуж, непременно венчалась.

— Бог не соединяет людей без венца, — убеждала она.

— Но живут ведь...

— Перед государством женаты, а перед Богом нет. А что главное: Бог или государство?

— Бог.

— Правильно.

А Яна, узнав, что Верочка любит музыку, поведала, что она урожденная Чайковская и что Петр Ильич бывал у них дома в Польше.

Вера такое просто не в состоянии была принять!

— Да, — важно кивала Яна. — Наша мама хорошо играла на рояле, она и Петру Ильичу играла.

— Чудеса! Моя прабабушка играла на рояле?!

— И пела.

— Вот так раз! Бабушка — урожденная Чайковская, а отец и не заикнулся!

Яна тоже любила классическую музыку и знала её, но Олеся была о ней невысокого мнения.

— Мне не треба! — трясла маленькой, совершенно белой головой. — Вчора слухала якусь симфонию — всё одно и то же: бум-цик-цик, бум-цик-цик... Я духовную музыку люблю.

Мария с мужем переехали в обещанную квартиру, их ребенку стало немного легче.

Летали в саду у бабушек пчёлы, плели в кустах смородины тонюсенькие ниточки пауки, и часто Вера пряталась в укромном уголке на кирпичках полуобвалившейся больничной стены, тихо сидела и мечтала о чем-нибудь.

— Вот ты где! — отыскивала её Яна, присаживаясь рядом. — Слухай, расскажу. У меня квартировала ученица спецшколы. Ходит по комнате и заучивает наизусть: «Прощай, свободная стихия... Прощай, свободная стихия...» — Яна, как почти все здесь, отлично говорила по-русски, но в любой момент могла перейти на украинский язык или польский, а подчас попросту смешивала все три языка. — Ганю, кажу, знаешь ли ты, что такое стихия? «А на что мени знать? Мени треба выучить наизусть». Ганю, кажу, стихия — это то, что не подвластно силам человека: большой пожар или шторм на море... На другой день приходит из школы и говорит: «Пани Яна, я спрашивала учителя, он сказал: «Стихия — это революция».

В другой раз Яна попросила Веру научить ее узнавать *советское* время:

— Я знаю только до двенадцати, а Олеся говорит, что есть ещё тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

— Почему «советское»? — удивилась Вера. — Разве не всегда так было?

— Нет. Было, как положено: утро, пополудни, вечер.

Вера растолковала ей, и старушка «всё поняла»: «Девятнадцать часов — это девять вечера».

Иногда к ним присоединялась Олеся. Подскакивала на каменной, высокой для неё «скамейке», болтала ногами в ботиночках детского размера, и вставляла свои замечания.

— В Святой книге сказано, что дети не будут слушать родителей, а будут слушать учителей. В школе теперь учат, чтобы не слушали.

— Я замуж не выходила. Потому что в Святой книге написано: будет война. Я так и говорила всем, кто до меня сватался. И правда вышла: война была, даже не одна.

Олеся с удовольствием ходила в процессиях за катафалком, пела тоненьким дрожащим голоском. Приглашала с собой и Веру. За катафалком Вера, конечно, не ходила, но посещала с Олесей старое польское кладбище, где дубы и ясени были настолько ветвисты, что всегда сохранялась прохлада. Олеся, зная многих захороненных тут, часами могла о них рассказывать. Вставала перед Верой история, в которой было много и поучительного, и увлекательного.

— Дывись, якой склеп у бездельника! — возмущенно показывала Олеся на какие-то развалины. — Что он сделал такого, чтобы ему в склепе лежать? Все дни только шлялся, да гандлем занимался, да в ресторации паненок водил.

— Что значит «гандлем»?

— Перепродажей. Хм! Як теперь вижу его: волосы зализаны, блискують, як сапог на праздник.

Неожиданностью речевых оборотов она часто поражала Веру. Говорила, например:

— В Сокале така сметана, что ещё треба ждать, чтоб она дома закисло.

С Олесей Вера бывала и у Буга, где над крутым спуском к реке стояла маленькая церковь, в которой по преданию венчался Богдан Хмельницкий. Вере очень хотелось посмотреть внутреннее убранство церкви, но она стояла заколоченной.

— Что наши власти думают? — возмущалась Олеся. — Всё лучшее перепортили!

И Вера была согласна с ней. Это же памятник старины! Памятник целой эпохи! Как и ратуша, где, пусть на одну

ночь, но останавливался Петр Первый, величайший из людей мира, — а её превратили в рынок, захламили подсолнечной шелухой, провоняли требухой.

Она делилась с отцом своими мыслями, он понимал её. Здесь дочь и отец очень сблизились. Да и как могло быть иначе, если Август каждый день был счастлив. Однажды, присев на крыльцо, он усадил рядом Веру:

— Слушай, донюшка, что скажу. Я не вернусь в Серженск.

— Как?!

— Мой дом здесь, — ответил отец на её изумление.

17

В шесть утра свекровь Ольги была уже в полной рабочей амуниции и поторапливала невестку. Наготове — четыре ведра, по большой мужской майке в каждом. Ольга сунула в карман бутерброд, подхватила свои ведра: «Авось не надорвусь».

Она бы ни за что не пошла «на сады», если б не попреки свекрови: «Из-за тебя всё! Я бы курортников пускала, а теперь Шурка вместо них!» Шурик наглед. Уже не покупали чай, он его моментально переводил на чифир. Стал рыться у Ольги с Алексеем в комнате, брал всё, что можно сбыть. Постоянно вымогал деньги. Алексей запил, и в нем появилось жёлчное ехидство.

— Ты сказала Алёшке, чтобы к пруду подъезжал? — спохватилась Татьяна Николаевна, когда уже отошли от дома.

— Сказала.

— А про тележку сказала, где стоит?

— Сказала.

К автобусной остановке тянулись женщины, не выспавшиеся, но с большим желанием помочь плодоовощному совхозу, потому что за пять часов работы разрешалось унести домой два ведра фруктов. Некоторые, как Татьяна Николаевна, клали в ведра майки, валили в них плоды до тех пор, пока не распирало во все стороны, а верх не поднимался до самой ручки. Потом крепко завязывали майку. Получалось вдвое больше.

В сад добровольцев возила совхозная машина. Но — от конторы. А до неё нужно было еще добратся. Стуча тарой по ногам своим и чужим, сборщицы урожая влезли в подошедший автобус.

Ольга жалась у заднего окна, рассеянно глядя, как просыпается город: торговки катили тележки, молочницы тащили бидоны, спешили куда-то озабоченные коты и собаки.

У конторы женщины вышли, вскарабкались в кузов грузовика с настеленными досками для сидения. Шофёр включил магнитофон. Прimitивная песня, но голос у певца уверенный и с достоинством: «За три рубля зачат на чердаке!» Женщины затагнули своё: «Снегопад, снегопад, не мети мне на косы, не стучись в мою дверь, у ворот не кружи...»

Сладко и по-утреннему свежо пахла степь. Вдоль дороги топорщился сухостой с мелкими фиолетовыми бархотками.

— Во, чё делается! — закричала вдруг одна из женщин, увидев амброзию. — И не нужна никому!

Загалдели:

— У меня во дворе всё отравой залили, а откуда у меня амброзия? А говорят: «Оштрафуем, если орать будешь!»

— Гнать надо этих дураков из химзащиты!

— У моей тётки утку украли, пока она им бумаги подписывала!

Галдёж продолжался до самого стана. Там вышли, выслушали задание бригадира и разбрелись по своим местам. Ольга пошла в глубь сада, хоть свекровь кричала ей, чтобы не ходила, чтобы осталась с ней. Ольга даже не оглянулась. Не будет она рвать яблоки за двоих! У свекрови либо живот скрутит, либо голову обнесет — знает она её.

Сад был молодой, и яблони невысокие. Обрывая плоды, Ольга внимательно осматривала каждое яблоко — с червоточинкой отдельно, с пятнышками отдельно, здоровые отдельно. Пустые ящики стояли тут же; сборщицы брали сразу по три, и, наполнив, оттаскивали их к штабелям.

Неподалеку от Ольги рвала яблоки Валентина, соседка Поздеева. Рассказывала напарнице:

— Муж мой работать не хочет, а за столом подай, что получше. Сюда бы его! Он бы потом неделю под капельницей лежал. Эй, девка! — крикнула Ольге. — Брось ящик, тут вдвоем надо.

Ольга остановилась, подождала. Вместе подтянули, подняли и задвинули ящик в штабель.

— Не уходит, тварь, сколько раз прогоняла! — Валентина снова принялась костерить мужа. — Во всём, думаю, война виновата. Настрадались бабы без мужиков, жалели их... Вот дожалели! Теперь если будет война, бабы пойдут воевать, а у мужиков здоровья не хватит.

— Совсем, что ли, не работает? — посочувствовала напарница.

— Машины иногда чинит. Привел вчера грузина, я давай ругаться, а этот грузин мне: «Гла-зы виколю!» Я тебе «виколю»!..

— Может, перекусим? — Женщине, очевидно, надоели жалобы.

— Давай. У меня шкалик есть. Будешь с нами? — Валентина позвала Ольгу.

— Буду, — неожиданно для себя согласилась она. И когда ей налили, залпом выпила.

— Чё, девка? Тоже несладко живется?

— Плохо, — созналась Ольга.

— А пить-то не надо. Бабы скоро спиваются. Ребенок есть?

— Есть. Год и восемь.

— О-о-о-ох!.. Бедные мы, бедные.

В час подъехала машина, привезла грузчиков. Они остались в саду, а женщин на той же машине повезли к конторе. От конторы добирались пешком: в транспорте теперь давка. Идти до пруда было с километр, не больше, но тяжесть переполненных ведер оказалась для Ольги непосильной.

— Ты чего? — всполошилась свекровь, когда Ольга села на обочину у дороги.

— Живот тянет.

— У Титоренчихи полжелудка вырезали, так она как конь взбрыкивает, а ты!.. — Ей не хотелось лишнее время торчать на солнцепёке, и так пот в три ручья, глаза выел.

Ольга не поддавалась. Пришлось Татьяне Николаевне садиться рядом, переждать. Приспустив шнурок с ведра, посмотреть, каких яблок нарвала невестка, она вскрикнула:

— Это чего такое?

— Яблоки. Самые красивые, душистые, специально выбирала.

— Да ведь они вразномасть! Кому они нужны на базаре? Никто их не купит, даже не глянет на них! Надо же, чтоб одно к одному, чтоб как литые, чтоб горкой выложить, чтобы глаз-то у покупателя сразу прилип! Тьфу!

Ольга растерялась:

— Неужели не купят?

— Нет!

— Значит, сами съедим.

— Обьешься, понос прохватит!

— Ну, сварим что-нибудь на зиму.

— А сахар? Много у тебя сахара?

— Алёша зарплату скоро получит.

— Получит, когда рак на горе свистнет!

Ольга никогда не могла привыкнуть к грубостям свекрови, но никогда и не перечила ей. А тут — поднялась и одно за другим опрокинула ведра.

— Стер-рва! — ошалела Татьяна Николаевна. — Ты меня в гроб вогнать хочешь? Не выйдет у тебя, матушка! — Подхватив свою тару, она чуть не бегом помчалась вперед. — Всё Алёшке расскажу, всё!

Ольга осталась стоять посреди дороги. Почему-то думалось об отце. Презирала его за то, что не мог дать отпор зарвавшейся матери. А как его дашь? Это только сказать легко. Да еще легко, когда *тебя* не касается.

У пруда, старого котлована, залитого артезианской водой, Алексей поджидал мать. Установив на тележку ведра, пыхтя, от злости ничего не различая перед собой, Татьяна Николаевна всё-таки нашла силы наговорить на Ольгу жестокого и бесстыдного. Когда Ольга пришла домой и увидела чужие глаза мужа, ей стало так больно, что впору было упасть ничком и освободиться от боли единым глухим воплем.

— Оля! — громко окликнули её с улицы.

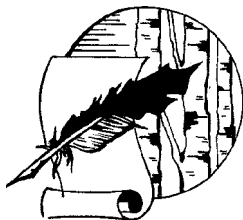
Она вышла. У калитки стоял Славик.

— Бабушка за тобой послала. Елизавете Александровне плохо.

— А что случилось?

— Письмо пришло: дядя Август остаётся на Украине.

Окончание следует

Евгений СЕМИЧЕВ

ВОЗДУХ РОДИНЫ

* * *

Нет победителей в бою,
Ведь каждый, кто убит,
Уверен, что к воротам в раю
Щит вражеский прибит.

Нет побеждённых на войне
И проигравших нет,
Ведь каждый, кто сгорел в огне,
Сам обратился в свет.

Нет пострадавших на земле,
Ведь каждый, кто любил,
К щиту Господнему во мгле
Луч солнечный прибил.

* * *

О, эта русская рулетка —
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогощик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смущать живущих на земле.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем...
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божиим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

Ласточка-касаточка, сельская жилица.
Крылья-полумесяцы — острые серпы.
День-деньской заботливо вяжет Божья жница
Из лучей небесных жаркие снопы.

Вознесут их ангелы в небеса хоромные,
Разнесут по яслям, оттесняя мглу.
Будут кушать агнецы золото соломенное,
Воздавая Господу звонкую хвалу.

Хорошо им, агнецам — и тепло, и сыто! —
Щедрой Божьей милостью проживать в раю.

Величать молитвенно солнечное жито,
Ласточку-касаточку — кормилицу свою.

У неё, у ласточки, все дорожки — млечные.
И работа тяжкая всякий день в году.
А ещё у ласточки — маленькие птенчики,
Сорванцы сердечные, требуют еду.

Быстро с горки катится золотое солнышко.
А работы всяческой непочатый край.
Поздно засыпаешь ты и встаёшь ранёшенько:
Нелегко даётся он — Божий каравай!

Может, и не самая лучшая деляночка
Выделена Господом для крестьянских дел...
Не печалься, матушка, ласточка-крестьяночка,
Без тебя б, родимая, мир осиротел.

* * *

И возопил я: «Русь Святая!
Скажи-ответь мне, где ты есть!..»
И в небе молнией блистая,
Она ответила: «Я здесь.

Под сенью Божьего престола
Я здесь, твоя Святая Русь.
Во имя подвига Христова
С несметной тёмной силой бьюсь.

Кипит вселенское сраженье,
Сметая с неба вороньё...
А там, где ты — лишь отраженье
Испепелённое моё...»

* * *

Воздух Родины — воздух весны —
Словно тайны люблю и приемлю,
Когда дивные райские сны,
Аки ангелы, сходят на землю.

Он огнём закипает в крови
И сердца разрывает в осколки.

И о нём, как о первой любви,
Воют самые лютые волки.

Не оставишь его на потом...
С ним легко и прощать, и прощаться.
И до смерти обугленным ртом
Им никто не сумел надыхаться!

* * *

Продается под офис детсад...
Повернулся в угоду прогрессу
Драгоценного детства фасад
К миру задом, а передом — к лесу.

Шум зеленый ребячий умолк.
Рык раздался из лютого лога.
Присмотрел теремок Серый Волк —
Друг младенчества Волков Серега.

Здесь мы с ним обживали горшок
И смеялись, как в райском чертоге...
А вчера мне сказал корешок,
Что горшки обжигают не боги.

Он всегда красоваться любил.
Словно фантик, порхать и искриться.
Деловитый дебелий дебил
За полушку готов удавиться.

Драгоценного детства фасад
Отвернулся от Господа Бога...
Покупает под офис детсад
Друг младенчества — Волков Серега.

* * *

У крылечка мечется подранок —
У него одно крыло подбито.
У меня характер — не подарок.
И физиономия бандита.

Я стою угрюмый после драки.
Я, как мог, отчаянно рубился.

Я не понял, где зимуют раки.
И чего хотел, того добился.

У меня синяк под левым глазом.
Мне немножко поразмяли кости.
У меня заходит ум за разум
От несправедливости и злости.

Мне не жалко новую рубаху,
Потому что драться не умею.
Жалко покалеченную птаху.
Жалко, что я маму не жалею.

Я в своих желаниях не волен.
Не с кем даже горем поделиться.
Если человек один не воин,
Помогай, израненная птица!

Ты одна теперь мне — оправданье.
Ты одна мне — ясный свет в окошке.
Нам с тобой «Самарские страдания»
Мой сосед сыграет на гармошке.

ПРАЗДНИК

Чем так встревожены птахи?
Ясно любому ежу —
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь.
Кто умалит мое право
Скромно на небе прилечь?

Облако синее слева
В россыпи звездных огней.
Вы как хотите, а с неба
Родину нашу видней.

Нету закона такого,
Чтобы любить запрещал.
И ничего вам другого
В жизни я не обещал!

* * *

Дерзкая, как наваждение,
Эта сердечная боль.
Детское спецучреждение.
Бритый мальчишеский строй.

Радужность лозунгов муторных
Не обольщает мой взгляд.
В детской колонии утренник.
Шефский концерт для ребят.

Слушают дети внимательно.
Гордо звучит в тишине
Песня о Родине-матери,
Самой счастливой стране.

Той, что дорогою звездною
В дальние дали зовет
И одинокой березою
На косогоре растет.

Зорькою ясною светится.
Колосом зреет в полях.
И — никогда не изверится
В горьких своих сыновьях.

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.
По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной.
Небритый, потертый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый шальной человек.
Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Соленого горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал.
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.
Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди упадет! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идет.
По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет —
По строчкам своим неминучим
Спускается к людям поэт!

ПОДОРОЖНИК

Не обижайся, мой художник,
Такой я странный человек.
Сегодня я — печальный дождик.
А завтра — странствующий снег.
Не получаютя наброски
Отнюдь не по твоей вине.
Лиловый дым от папироски
Расскажет больше обо мне.
Вредны в поэзии детали.
От них хорошего не жди.
Мой смутный облик пропитали
Снега, туманы и дожди.
Налей себе покрепче чаю,
На мир по-доброму взгляни.
Вот я и стал твоей печалью —
Меня за это не вини.
Мой опечаленный художник,
Тебе открою я секрет:
Вот этот лунный подорожник —
И есть мой истинный портрет.
Ты наложи его на рану,
Он снимет с сердца маяту.
Но помни: поздно или рано
В тебе я все же прорасти.
Лиловым дымом папироски,
Искристым облачком во сне...
Твои строптивные наброски
Еще поплачут обо мне.

* * *

Не знает странствующий снег,
В какие странствия пустился.
Ушел хороший человек,
Ушел навек и не простился.

Его осиротевший свет
Ко мне доверчиво прижался.
И кто теперь мне даст совет,
Как светом мне распоряжаться?

Забыв про ужин и ночлег,
Вдохнув в себя морозный воздух,
Ушел из дому человек.
Ушел и заблудился в звездах.

Но, уходя, оставил свет.
И этот свет во мне не тает.
Не знает странствующий снег,
Кого он мне напоминает.

* * *

Старушек глубокие лица
Небесные сполохи в них
Печальные, словно зарницы
Глубоких колодцев степных.

Творит моя мама молитву,
Крестом осеня крыльцо.
И Божью вселенскую битву
Ее отражает лицо.

За сполохом огненный сполох
Плывут, как волна за волной.
А я, мира Божьего олух,
Печалюсь о битве земной.

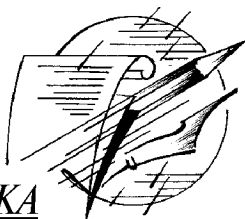
Старушек глубокие лица
Сгорают в Господнем огне...
Дай, мама, щекой прислониться
К небесной твоей глубине.

г. Новокуйбышевск Самарской обл.

УКРАИНСТВО КАК ПРОБЛЕМА

Окончательное падение Порошенко и его сторонников, конечно, внесет некоторые изменения в обстоятельства украинской политики, в российско-украинские отношения и возможности воздействия на них со стороны Запада. Но, думаю, кардинальным образом это ничего не изменит.

Проблема современной Украины заключается не в режиме, который насадил оголтелое украинство, а в украинстве как таковом, которое обрело такую силу, что смогло прийти к захвату власти и настолько впечатлить Запад, что тот помог украинским шовинистам ее оседлать. Нынешний украинский режим, вполне возможно, падет, а может быть, лишь трансформируется. Но вот украинство — идеология отрицания национальной и культурной общности великорусского и малороссийского народов, принципиальной враждебности ко всему русскому, собственной вожденной «принадлежности к Европе» и готовности за это выполнять для Запада самую грязную работу — точно останется. И если ему как мировоззрению и политическому проекту ничего не противопоставить, оно будет и дальше набирать силу. Тем

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

более что спрос на Западе на всё, что направлено на разрушение России и русского народа, будет оставаться высоким. Проблема заключается в том, что его серьезного обсуждения не наблюдается.

Сегодня в основном обсуждаются тактические политические детали: что думают об Украине, причем в сугубо прикладном плане, немцы, американцы или поляки; кто из политиков и как должен был себя повести, но не повел; от кого и что ждали, но не дождались; кому и как стоило бы себя проявить сейчас, но он себя, скорее всего, именно так не проявит.

Другое дело — наше собственное самоопределение по проблеме Украины и украинства. Что такое современная Украина сама по себе и для России? Кто такие украинцы для граждан России вообще и для той их преобладающей части, которые считают себя русскими? Как нам относиться к украинским русским, которые в силу давящих обстоятельств и собственной слабости пошли по пути украинизации? Что будет означать для России и русских возможный возврат украинских элит к здоровому национальному самосознанию, и какие формы оно может принять в современных обстоятельствах?

В Российской империи существовало мировоззренческое течение — «украинофильство». Изначально оно не было враждебно России и русским, не являлось сепаратистским, а лишь исходило из некой «двусоставности» России, утверждало особую роль Малой Руси в общерусской истории и культуре и имело целью развитие региональной малороссийской самобытности. Но оно довольно быстро — не без внешнего, понятно, участия — трансформировалось в то самое антироссийское и русофобское украинство, о котором было сказано выше. Потом никогда не бывает так, как прежде. После того, что произошло в отношениях между украинцами и русскими за последнюю четверть века, наше отношение к ним, да и к самим себе, русским, уже никогда не будет прежним. Да этого и не требуется. А вот что требуется, так это реалистично, отставив в сторону стереотипы, взглянуть на историю, на сегодняшний день, провести от них линию в будущее.

Можно, конечно, вслед за автором «Повести временных лет» в силу традиции продолжать говорить о Киеве как о «матери городов русских», но важно вникнуть в то, какое значение вкладывал в эту фразу Нестор-летописец: Олег объявлял Киев «метрополией» (от греч. слов — «мать» и «город»), то есть столицей владений, доставшихся ему в княжение, и утверждал понятие о централизации как о единственно воз-

можной форме существования государства. Затем такой столицей стал Владимир, затем — Москва, Петербург и опять Москва.

Киев для нас останется столицей централизованного русского государства — Киевской Руси, но, собственно, прашуром русских городов является основанная, как мы сегодня знаем, раньше него, в 753 году, древняя Ладога. А от кого ведут свое родовое начало русские города в Сибири? Расскажите там нашему мужику, что они ведут свое начало от Киева, и услышите, что он вам ответит... А русские города Новороссии — разве они не дети Санкт-Петербурга?

Не очень веря в концепцию триединства русского народа (а перед лицом событий 1991-го и последующих лет в нее можно только верить — эмпирически она не подтверждается), я никогда специально не искал в ней противоречий. Недавно, однако, мне бросилось в глаза ее явное расхождение с близкой мне мыслью Льва Николаевича Гумилева о битве с Куликовым поле как отправной точке формирования собственно русского этноса. Помните: «Пришли москвичи, серпуховчане, ростовчане, белозёрцы, смоляне, муромляне и так далее, а ушли с него — русские»? Немаловажно, конечно, добавить сюда и западнорусских князей и воинов из Брянска, Полоцка, Друцка... Но с земель Малой Руси там если кто и был, то в личном качестве. Верю, что и потомки их, несмотря на все исторические перипетии, навсегда остались русскими.

Многовековое пребывание народов Западной и Южной Руси под польско-литовской и австро-венгерской оккупацией, их подверженность в тот период жесткому религиозному и культурному реформатированию не могли остаться без губительных для них последствий. Заданный их формирование в качестве «самостоятельных» этносов антирусский вектор не был полностью преодолен ни в Российской Империи, ни в СССР. Вновь подстегнутые извне в конце XIX века и лишь ненадолго заторможенные в середине века XX, на рубеже тысячелетий разделительные процессы между теми, кто называет себя украинцами и русскими, стали полностью необратимыми и привели к сегодняшней трагической реальности. Близко к «точке невозврата», к величайшему сожалению, находятся и действительно братские в прошлом связи белорусского и русского народов.

Белоруссия, однако, — это очевидно иная тема, здесь присутствует гораздо больше, чем в случае с Украиной, факторов, работающих на сохранение между нами если не единства, то хотя бы общности.

Что же касается Украины и украинцев как последователей украинства, то здесь политика должна проводиться без скидок на прошлую «дружбу народов»: нам слишком дорого уже обошлись и еще обойдутся политкорректность и прямое попустительство. При этом там необходима особая открытость ко всему русскому, всяческая его поддержка, но не такая, какой была поддержка так называемых «соотечественников», которые с началом известных событий осенью 2013 года просто исчезли.

Главное же, чего требует от нас углубляющийся кризис на Украине, — это последовательное преодоление тех черт внутрироссийской и конкретно русской политики, которые, как это ни печально, перекликаются с корнями украинства. Это западничество, пренебрежение многовековой отеческой традицией, попытки подмены народного начала политическими конструкциями, а также банальная национальная ограниченность, вызванная плохим знанием своей собственной страны и своего собственного народа.

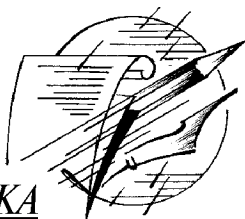
Если мы сами останемся до конца русскими, то в исторических местах Киева у нас всегда будет по-особому биться сердце. Этого, однако, мало для сохранения общности с нашими давними, но не очень добрыми, соседями. Надо, чтобы и у них, особенно у живущих на Украине русских, так же благоговейно, как у нас, с мурашками по спине, билось сердце на Соборной площади в Кремле. Будет так или нет, на самом деле только наполовину, причем на меньшую, зависит от России.

ИСТОКИ РУСОФОБИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙЦЕВ

Новая холодная война породила новую волну русофобии. Особенно отличается в этом плане Центральная и Восточная Европа, где ненависть к русским и к России культивируется уже фактически на государственном уровне. Мало того, некоторые из этих восточноевропейцев сегодня призывают чуть ли не к Третьей мировой войне — лишь бы уничтожить столь ненавидимую ими «варварскую Московию». Или хотя бы добиться расчленения России.

К примеру, совсем недавно бывший пресс-секретарь президента Литвы, депутат сейма республики Линас Бальсис предложил забрать у нашей страны Калининградскую область. Он мотивировал это тем, что Калининград, бывший немецкий Кёнигсберг, якобы в своё время был передан России не навсегда: «Отдаем под администрацию СССР до тех пор, пока в Европе не будет подписан окончательный мирный договор».

Как известно, до 1946 этот город был центром германской провинции Восточная Пруссия. После Потсдамской конференции 1945 года эта земля была поделена между Советским Союзом и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Польшей — России досталась треть Восточной Пруссии вместе с Кёнигсбергом. И досталась навечно!

Однако у литовской политической элиты, судя по всему, на сей счёт иная точка зрения. По мнению всё того же Бальсиса, Калининградская область должна войти в Литву, а в противном случае должна заняться либо сама Литва, либо Евросоюз. При этом депутат сейма также заявил, что Россия якобы сама нарушила послевоенное устройство Европы, присоединив в одностороннем порядке Крым...

Конечно, на слова этой литовской шавки, наверное, не стоило бы обращать особого внимания. Пусть даже это мнение всех здешних политиков — Россию их мнение интересует не больше, чем кваканье лягушек на литовских болотах. Однако это тенденция, которая широко начинает распространяться едва ли не по всей Восточной Европе.

Парадокс ситуации заключается в том, что без доброй воли России большинство этих стран никогда не состоялись бы как государства. И не только потому, что Россия в разное время проводила соответствующую, по-настоящему гуманную политику, но и в силу особых качеств русского народа, где практически отсутствует чувство национального чванства и высокомерия. Как писал в самом начале XX века видный татарский просветитель Исмаил Гаспринский, «Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покорённому, вообще чужому племени, как наши братья, русские. Русский человек — и простого, и интеллигентного класса — смотрит на всех, живущих с ним одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия».

Возьмем для примера судьбы некоторых государств юга Европы. Вот Балканы. Все здешние государства появились в результате крушения Османской Турецкой империи. А кто нанёс этой империи самые мощные удары? Российская империя.

Наша страна, которая решала проблему выхода к Чёрному морю, к началу XIX столетия вполне могла остановиться на границе Дуная и реки Прут. А дальше можно было вполне замирииться с турками, тем более те и не прочь были жить с Россией в мире и в добрососедстве — османам к тому времени хватало и других проблем, особенно на Ближнем Востоке и в Африке.

Однако свой голос подала Русская Православная Церковь, которая заявила о том, что негоже оставлять в беде наших православных братьев, стонущих под игом «неверных» мусульман. А в правительственных кругах возобладала геополитическая концепция о захвате проливов в Средиземное

море, плюс мечта о водружении над святой Софией православного креста (в османской столице Стамбуле, бывшем византийском Константинополе). Параллельно в среде русской интеллигенции получила популярность теория славянофильства — о мнимом всеславянском братстве. Славянофилы утверждали, что Россия должна и способна объединить вокруг себя все славянские народы, которые в силу общего родоплеменного происхождения якобы сами жаждут признать российскую гегемонию.

Надо сказать, что опытные российские дипломаты, вроде известного философа Константина Леонтьева, уже тогда указывали на ошибочность идей славянофильства. Они писали, что славяне уже далеко не то единое племя, каковым оно было в древности, что разные славянские нации принадлежат к разным культурам и религиям, что они порой глубоко враждуют между собой... Но эти предупреждения стали гласом вопиющего в пустыне — царское, а потом на какое-то время и советское руководство взяло идеи славянофилов на вооружение. Как и следовало ожидать, ничего хорошего из этого не вышло.

Западные славяне-католики — поляки, чехи, словаки — оказались равнодушными к постулатам славянофильства: они более всего ориентируются на близкую их культуре Западную Европу (поляки, в силу особенности наших исторических взаимоотношений, вообще ничего не хотят слышать о гегемонии России). Казалось бы, должный отклик можно было ожидать от славян южных, православных по вероисповеданию. Но и тут коса нашла на камень...

Весь XIX век русские войска обильно орошали Балканы своей кровью! Поначалу наши добились независимости для Греции. Потом для Румынии, которая вообще стала самостоятельным государством лишь в результате русско-турецких политических компромиссов.

А затем пришла очередь Болгарии и Сербии — в результате победы нашего оружия в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Кстати, именно такую освободительную цель и имела эта война.

Уже позднее Сербия притянет к себе другие юго-славянские народы — хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, которые войдут в единую Югославию. Позднее все они обретут государственную независимость — поначалу как союзные республики, а потом как полноценные страны. Но эта независимость, согласитесь, была бы невозможна без самостоятельного Сербского королевства, которое, в свою очередь, никогда не появилось бы без военных побед России.

Так что **всем своим суверенитетом Балканы обязаны именно нашей стране!**

И что же мы имеем на сегодня? Кроме разве что Сербии — целую цепочку русофобских государств, которые буквально соревнуются между собой в любви к США и НАТО с одной стороны и в ненависти к России с другой. Более всего здесь выделяются румыны и болгары.

Последние вообще смотрятся потрясающе! Болгария в двух мировых войнах XX столетия оказалась на стороне враждебных России сил. Не изменяет она этой позиции и сегодня. В апреле 2004 года, по случаю вступления страны в Северо-Атлантический альянс, тогдашний глава болгарского МИДа Соломон Паси буквально плакал перед телекамерами в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Он плакал... от счастья. По этому поводу электронное издание «Km.ru» хоть и с горечью, но справедливо написало: «Как будто это солдаты НАТО 126 лет назад рубились насмерть на Шипке и умирали за болгар, как будто это натовские дивизии, а не войска генералов Скобелева и Гурко штурмовали занятую турками Плевну и освобождали Софию...»

Впрочем, так отвратительно ведут себя не только на Балканах. Вот Польша, которая по поводу и без повода кичится своей «вековой борьбой» за свободу и тысячелетней государственностью. Но известно, что своей государственности эта страна лишилась по причине неслыханной тупости собственной элиты, которая бездарно растранила независимость страны ещё в XVIII веке, отдав её в руки трёх империй — Российской, Германской и Австро-Венгерской, поделивших между собой несчастную Польшу.

Страна возродилась только в 1918 году, и то — по доброй воле России и её правителей. А в 1944 году Польша возникла в её нынешнем государственно-географическом виде. И опять — исключительно за счёт крови солдат Красной Армии, разгромивших третий рейх Адольфа Гитлера. То же можно сказать и про Чехию, Словакию, Австрию и всю остальную Центральную Европу, которую практичные немцы-нацисты собирались полностью ассимилировать под одну свою нацию.

И какова же оказалась благодарность? Все прекрасно знают.

Надо сказать, что Россия не только давала свободы народам. Но даже... способствовала **появлению** целых народов! Много раз писалось о том, как появились украинцы и народы Средней Азии, которые вообще не имели предпосылок не то что для государственной, но и вообще для национальной

самоидентичности. И только политика русских царей и красных коммунистических лидеров способствовали их нынешнему существованию.

Примерно то же самое можно сказать и про некоторых современных европейцев. Например, из Прибалтики и Финляндии. Какие-то государственные традиции, уходящие в Средние века, здесь имела лишь Литва. Одно время она даже бросала вызов Московской Руси в деле гегемонии на просторах Восточной Европы. Однако после объединения с Польшей литовская аристократия быстро полонизировалась, отказалась от своего национального имени, в результате чего сами литовцы были низведены на уровень исключительно сельского населения. И только присоединение к Российской империи не позволило литовцам полностью исчезнуть как нации.

Ещё более печально обстояли дела с предками нынешних финнов, латышей и эстонцев. Их земли инородцы завоевали тогда, когда самих этих народов не существовало вовсе. Так, на территории нынешней Латвии жили племена куршей, латгаллов, ливов и т.д., чей уровень развития находился на стадии первобытно-общинного строя. А предки эстонцев, коих русские соседи именовали «чудь белоглазая» или «чухонцами», вообще отличались особой дикостью, практикуя людоедство и человеческие жертвоприношения.

Сюда в конце XII века пришли немецкие крестоносцы, которые потом на многие столетия составили местную политическую и деловую элиту. К туземцам, мягко говоря, эта элита относилась весьма своеобразно. Немцы их именовали «говорящим скотом», который совершенно безнаказанно можно было убить, продать и даже... кастрировать — такое широко практиковалось ещё в XVI столетии! Один шведский генерал, который где-то в это время посетил Прибалтику, отправил домой письмо, в котором восхищался здешних дивным животным миром, где помимо косуль и оленей обитают человекоподобные создания, коих *«немцы, как подбабет добрым христианам, не только приручили, но и научили трудиться, словно настоящих людей»*.

Неудивительно, что туземцам, как животным, долгое время категорически не разрешалось селиться в городах. А в начале XIX века на улицах Риги или Ревеля (ныне — Таллин) ещё можно было встретить вывески, говорящие о том, что в тот или иной дом запрещён вход собакам, латышам и эстонцам...

Примерно то же самое можно было наблюдать и в Финляндии, где элиту на протяжении веков составляла шведс-

кая аристократия, не видевшая разницы между диким медведем и местным финном, которого считали дикой и на редкость ленивой тварью, склонной ещё к тому же к неумеренному потреблению крепкого алкоголя...

Всё изменилось после того как Россия в XVIII веке отвоевала все эти земли у Шведского королевства. Несмотря на сопротивление немецких баронов, специальными законами русские дали прибалтам все права подданных империи. Здешние крестьяне были освобождены от крепостного права почти на 50 лет раньше, чем в самой России!

А потом имперские власти начали поощрять местный национализм — в противовес немецкому влиянию. Началом оформления полноценной государственности в Латвии можно считать Первую мировую войну, когда царское правительство разрешило формировать дивизии латышских стрелков, которые действительно отчаянно воевали, рассматривая кайзеровскую Германию как последователя крестоносцев-поработителей. Эти стрелки потом приведут к власти местную национальную элиту.

Положение Финляндии в Российской империи было ещё более удивительным. Ничего подобного мировая история вообще не знает. По словам историка Игоря Пыхалова: *«Это было настоящее государство в государстве. Русские генералы-губернаторы были в великом княжестве Финляндском предельно номинальными. Были полностью автономная правовая система и своё законодательное собрание — Сейм (который собирался раз в пять лет, а с 1885 года — раз в три года, и при этом он получил право законодательной инициативы), а также отдельное армейское законодательство — в княжестве Финляндском не брали рекрутов, зато у княжества была своя армия. Плюс отдельное гражданство, которое остальные жители империи, в том числе и русские, не могли получить. Вообще русские были здесь очень ограничены в имущественных правах — недвижимое имущество в княжестве купить было крайне сложно. Существовали ещё отдельная религия, собственная почта, таможня, банк и финансовая система...»*

Впрочем, пользовалась этими правами главным образом шведская аристократия. Чтобы её приструнить здесь, как и в Прибалтике, власти начали всячески поощрять национализм угнетённых — то есть, финнов.

С 1826 года в Гельсингфорсском (Хельсинкском) университете начали преподавать финский язык. В эти же годы начала издаваться и распространяться финская литература, причём нередко за казённый имперский счёт. Вершиной же таких значимых шагов со стороны имперских властей стала

публикация финским учёным Элиасом Лённротом знаменитой «Калевалы», сборника финского народного эпоса — деньги на издание выделила императорская Академия наук.

В 1918 году Финляндия получила независимость из рук правительства Ленина. Впрочем, вопрос о финской самостоятельности рассматривал ещё царский режим — помешала Первая мировая война.

Что же касается Прибалтики, то здесь произошла довольно необычная история. Большевики не очень хотели даровать прибалтам суверенитет. Но помешали белые, которые в 1918 году под натиском Красной Армии отступили из Пскова к Ревелю (Таллину). Именно белый Северо-Западный корпус генерала Родзянко, который остановил продвижение красных частей под Нарвой и Ревелем, и спас в итоге эстонских националистов, которые в это же время провозгласили самостоятельное Эстонское государство.

А в Латвии продвижение большевиков остановила белая Русско-немецкая дивизия князя Анатолия Ливена — она в 1919 году не только отбила у красных Ригу, но и фактически возвела «на государственный престол» национальную латышскую власть.

Почему же сегодня обо всё этом неохотно вспоминают в Латвии и в Эстонии? Во-первых, потому что эти государства сразу же проявили к русским белым чудовищную неблагодарность. В этой связи показательна печальная судьба белогвардейской Северо-Западной армии (эта армия выросла из того самого корпуса Родзянко). В 1919 году армия уже под командованием генерала Юденича совершила неудачный поход на красный Петроград, после чего началось её трагическое отступление. Цитирую по сайту «Военное обозрение»:

«В ноябре-декабре остатки армии Юденича вместе с толпами гражданских беженцев хлынули через эстонскую границу. Но их встретили дикой злобой и репрессиями. Очевидец писал: «Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и в концлагеря, вообще притесняли всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерли. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сёстры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса». Зимой эстонцы держали людей за колючей проволокой под открытым небом. Не кормили.

А официальный Таллин в меморандуме от 16 декабря нагло заявлял: «Эстонские военные и гражданские власти делают всё, что они считают возможным и нужным делать. Им совершенно невозможно снабжать русские части... одеждой, так как Эстонское правительство не имеет её в достаточном количестве. Сверх того, Северо-Западная армия была богато снабжена продовольствием и обмундированием... Принимая во внимание свой малый запас продовольствия, эстонское правительство не может допустить, чтобы столь большие массы кормились, не давая в обмен своей работы...» Под этим поводом интернированных гоняли на лесоповал, строительство дорог и другие каторжные работы. Тысячи людей погибли».

Понятно, что в самой Эстонии об этом очень не любят вспоминать и стараются данные исторические факты замять любой ценой. Кроме того, прибалтам присущ сильный комплекс национальной неполноценности, ведь местная национальная «элита» понимает, что без русской помощи она бы никогда не состоялась. И чтобы замять этот факт — нагнетаются волны русофобии, какие мы наблюдаем в настоящее время.

ЛЕНСКИЙ КАРНАК

РАССКАЗ

Поэту Анатолию Горбунову

Сырым летом, будь оно неладно, ухватил я в таёжке подле Байкала треклятого клеща. Смертельный он был или так себе, чепуха на постном масле, Бог весть, но только обморочного, в жару, притортали меня добры люди в заразную больницу, древние бараки которой сумрачно чернели на горе среди высокого березняка и густого черёмушника. Неподалёку виднелись могилки, они были рядом, рукой подать, зазывно маячили перед глазами. Я, конечно, не шибко обрадовался эдакому соседству — как ещё наши коновалы на кладбище больницу не открыли...

Прошлые лета, вусмерть запуганный клещом, я до макушки лета, пока эта холера домовничает в лесу, и носа в кусты не совал, сиднем сидел в своей лесной избушке или уж шатался по широким, дочерна наторённым тропам; а тут помавило черемши добыть и, даже не перекрестившись, не положась на волю Божью, кинулся я в лес, ну и, конечным делом, добыл... клеща на свою шею.

Немного одыбав, войдя в память, стал я, как и другие такие же горе-

ПРОЗА

мыки (а набилось нас в палате, как сельдей в бочке) маотно поджидать свою судьбу — чтой-то мне скажут анализы?.. — тоскливо, бессонными ночами уже прощаясь с кровной роднёй и даже творя неловкие покаянные молитвы.

Незадолго до того, как мне угодить в больницу, от той же злокозненной букашки помер брат моего друга, потом — ещё один знакомец, потом... так что было не до смеху. А тут ещё врач — махонький, вертлявый, по фамилии Ребенюк, которого укушенные мужики дразнили Ребёнком. Привалил этот врач в палату на обход и весело так, ласково подмигивает нам: дескать, бабушка ещё надвое сказала, господа, что лучше — в ящик сыграть или остаться калеккой, навек прикованным к постели. Да ещё и дураком... Может, оно копытья-то откинуть ещё сподручнее, и родне не в обузу. Вот так и утешил нас дорогой Ребенюк.

Но смех смехом, а было страшновато, и мы переносили это мучительное ожидание молча и угрюмо. Помню, как ма-тугался, клял тайгу чернявый, кудреватый мужичок, которого позаочь звали шашлычником. А уцепил он клеща вовсе и не в тайге — прямо в городе Ангарске, подле харчевни, где под кустами развёл свою шашлычную. И теперь, в больнице, поджидая анализы, пытался оборониться от хвори и печали тем, что одиноко, отчуждённо и много ел, потому что харчи ему носили по два раза на дню. Вот он и жевал с утра до ночи, со вкусом запивая харч армянским коньяком. Он даже пытался задобрить нашего Ребёнка бутылкой дорогого грузинского вина... чтоб анализы ему выдали получше наших.

Так вот мы и жили, спали врозь, а дети были, как говаривали в моём селе... Но неожиданно в нашей затенённой черёмушником и березняком, сумрачной палате вроде оттепело, посветлело, когда вслед за молоденькой, желтокудрой сестрицей явился Карнак. Так его, Ефима Карнакова, весело прозвали в палате, так он и сам себя величал, растолмачив, что в северной глуши, откуда он родом, карнаками зовут бывалых таёжников, знающих всякую травинку-былинку, всякую зверушку-пичужку. Был он и впрямь карнаком или языком трепал, но от говора его, от всей облички терпко пахло тайгой, — кружащим голову духом сосновой смолы, чушачьего багульника, черемши и смородишника. С лица он был черней головёшки, какие остаются от жарких таёжных костров, скуластый, хитроглазый и прищуристый; с рысей вкрадчивостью, слегка враскачку ступал своими коротковатыми, кривыми ногами, будто и не по скрипучим половицам ходил, а сосновыми тропами, ублажёнными буровой, топкой хвоей.

Мужики из моего забайкальского села, на земляную колодку шитые, охотников не шибко привечали, косоротясь и вздыхая: дескать, в бане по году не моются, пню горелому молятся, ни кола, ни двора, ни семьи путней. Да и какая там у охотника семья, ежли, кинув жену и ребятёшек, полгода в тайге шатается, а, придя в жилуху, пьёт без просыху, куражится над бабой, подозревая её во всех смертных грехах; другой раз, и за ружьё хватается — это как допьётся до зелёных чёртиков. Не привечали наши мужики охотников, но послушать ихние байки любили. Так вот и я...

Карнак вошёл в палату, кажется, выпивши, картинно запахиваясь в широченный, на двоих, мышинового цвета халат, размахивая сеткой, в которой сиротливо болтались среди пачек «Примы» две-три мятые книжонки и зачем-то шербатая, прикопчённая алюминиевая фляжка.

— Ну что, да-ра-гой, тоже подцепил, — мрачно усмехнулся в смоляные усы шашлычник, с кривым, как турецкая сабля, кавказским носом.

— Кого подцепил?! — Карнак выпучил на него глаза. — Ты чо, земля, я человек серьёзный, жениться собираюсь, — он по-свойски подмигнул сестре. — Подцепил... Ничего себе заявочки.

— Щютник, — скривился шашлычник. — Но ничего, ничего, да-ра-гой, забудешь свои щюточки, как полежишь в этой больнице.

— В какой ещё больнице?! — встрепенулся Карнак. — У меня путёвка на курорт... К югу, в Гуленджан... — и, косясь на шашлычника, пританцовывая на кавказский лад, вдруг запел на ломаном русском:

*Гуленджан, Гуленджан,
На базаре лавка.
Мы торгуем баклажан,
Разный рода травка.
Мумия сидел.
Солнце сильно припекал:
На высокий на гора
Мумия вспотел...*

— Грузинская народная песня «Гуленджан» в сибирской обработке...

Тут сестра его осадила:

— Вам необходимо будет приобрести лекарства, которые вам выпишут...

—А даром уж не лечат?.. Вот зять мой Коля мотанул на курорт, а через неделю шлёт моей сестре открыточку: дескать, врач тут прописал дорогое лекарство — по триста грамм коньяка утром и вечером. Деньги, мол, кончились, пошли, Валя, рублей эдак двести. Твой Коля.

— Весёлый парень, — ухмыльнулся шашлычник и, открыв тумбочку, стал рыться в ней, словно крот.

— И не говорь, паря, — отозвался Карнак и, будто случайно, положил руку на плечо сестры. — Веришь, Танюха, как сейчас помню, начали мне пуп вязать. Вяжут, а я хохочу — чикотно же. Вот и хохочу с тех пор... — отчего-то уже с грустью вздохнул Карнак.

— Устраивайтесь, — брезгливо смахнув с плеча шаловливую руку, осадил девушка бойкого на язык Карнака. — Вот только возле окошка кровать осталась...

— Танюха, да это здорово, что возле окошка.

— Почему? — чуть приметно, краями щедро крашенных губ, усмехнулась сестра.

— А чтоб на свиданья к тебе бегать — хоп и...

— Не выйдет... Располагайтесь. Вот ваши вещи, — сестра подала ему чёрный больничный куль. — Завтра сдадите их сестре-хозяйке. Если ночью будет холодно, попросите у няни второе одеяло.

— А если скучно будет? Тут одеяло не спасёт... Таня, можно один скромный вопрос задать? Вот интересуюсь...

— Что ещё? — с напускной, так не личащей ей, молоденькой, шекастой, с какой-то нарошечной серьёзностью глянула на Карнака.

— Всю жись мечтал с медичкой познакомиться, — такие они все ловконькие, чистенькие. И к спирту доступ... Нет, женюсь на медичке, а то халда попадётся, с греха с ей сгоришь... Короче, вашей маме, случаем, зять не нужен? Непьющий...

— За уши льющий, — добавил шашлычник, и по его речи мы смекнули, что он уже давно осел в Сибири.

— У мамы уже есть зять, — усмехнулась сестра, вскользь оглядев Карнака с ног до головы и, похоже, дёшево оценив его.

— Да? — Карнак почесал затылок. — Жаль, конечно... Хотя муж — не печка, можно отодвинуть.

Сестра, чтобы прекратить игривое пустобайство, стала наказывать:

— Сейчас няня принесёт банки, на них всё будет написано. Сдадите мочу...

— Куда идёшь? Иду к врачу. Чего несёшь? Несу мочу... Помереть здоровеньким хочу.

— Поэт? — опять скривился шашлычник.

Карнак не ответил, но допел расчатую кавказскую песню:

*На высокий на гора
Мумия сидел.
Тучка туда-сюда ерзал:
Мумия замерзнул.
Гулнджан...
Если на гору залезть,
И с неё бросаться,
Очень много шансов есть
С жизнью растаться.
Гулнджан...*

Сестра, улыбнувшись было, тут же смахнула с лица смущенную улыбку, построжала:

— Прекратите... Надо сдать анализы на сахар, и...

— А зачем на сахар-то?! Я его сроду не ем — зубы берегу. Белая смерть... Ну, ладно, ближе к телу. Так во сколько, моя бравая?

— Что во сколько? Мочу сдать?

— Какую мочу?! — Карнак весь сморщился, горестно закатил глаза, но тут же хитро разулыбался и привычно подмигнул сестре. — Я говорю, во скольк встречамя-то? Надо часы сверить. — Он манерно отмахнул рукав и огорченно сплюнул. — Фу ты, черт подери, свои золотые на курятнике оставил.

— Устраивайтесь, — властно приказала сестра. — И чтоб тихо было. Не мешайте людям болеть. А шуточки свои будете в деревне шутить, когда... выпишут, — она досказала с мрачным намёком,

— О-ти, какие мы сердитые. Я к вам всей душой, а вы ко мне...

— Чтобы после десяти все были в постели, я проверю. — Тут сестра развернулась юлой и уметелила из палаты, осерчало стукотя высокими копытцами.

Когда дверь захлопнулась, Карнак пропел:

*Я с матаней пел на бане,
Журавли летели,
Мне матаня подморгнула,
Башмаки слетели.*

Я подумал: «Сейчас моя бабушка Настасья, Царствие небесное ей, сухо плюнула бы в ёрника: де, и как тебя, охальника, земля носит?! и как ты ртом соромным хлеб ешь?!»

Освоившись в палате, он распахнул окно прямо в сырые после дождя, пахнущие черёмухой синеватые сумерки и, усевшись на подоконник, запалив сигарету, хитровато и прищуристо оглядел нас, тоскливых, настороженных, ни на минуту не забывающих о напасти — о клеще окаянном.

— Так вы что, мужики, все укушенные? — с радостным дивом спросил он.

— Нет, на курорт приехали, в Сочи на три ночи, — напомнил шашлычник, и, плеснув коньяку в тонкий стакан и завинтив пробку, спрятал бутылку в тумбочку.

— Но ничо, ничо, мужики, — даже не глядя на шашлычника, стал успокаивать нас Карнак. — Бог не выдаст, клещ не съест. Как моя мама говорила, Царство ей небесное: на всё воля Божия, кому сгореть, тому не утонуть... От тоже напасть, а! Такая, паря, махонькая, а до чего зловредная. Меня от, врать не буду, и медведь драл, и геолог с ружьём гонял, и волк рвал, и сохатый бодал, и ничо, жив-здоров Иван Петров.

— И медведь драл, — улыбнулся шашлычник, зажёвывая выпивку сыром.

— Я, паря, врать не люблю. Но вот как-то раз, помню... Ладно, потом доскажу.. Мужики! — Он по-бригадирски оглядел нас. — Как тут у вас насчёт картошки дров поджарить? Короче, закусь есть? У меня тут такая настоечка — м-м-м!.. с ног сшибат и от мужской немочи помогают. — Он выудил из сетки свою мятую фляжку, зазывно потряс ею, и в ней глухо пробультало. — Пантокрин чистый, на оленьих рогах настоящий. — И чтобы понятней было нам, тёмным, распотрошил пальцы над головой. — Но знахари говорят: дескать, ежли с оленьими рогами туго, можно и на своих настоять. — Карнак подмигнул нам, покосившись на шашлычника, который, посасывая лимон, смакуя, прихлёбывал коньяк. — Ну, что, есть чем занюхать?..

Я и студент-журналист, которого Карнак прозвал Доцентом, нашарили в тумбочках мало-мальскую закуску и потом до глухой ночи слушали охотничьи побаски, какие наш Карнак выуживал одну за другой, словно фартовый рыбак хариусов из речного улова. Заливал, конечно, без зазрения совести, да ещё и таким кондовым говором — короче, артист по жизни... Шашлычник равнодушно послушал, да и завесил уши наушниками, включив крохотный магнитофончик, под музыку которого и задремал. И вдруг начал так храпеть, что вроде аж стекла задрезбужали.

— На пожарника сдаёт, — покосился на него Карнак и поцокал языком — храп захлебнулся, стих.

— А тяжело, наверно, одному в тайге? — спросил Доцент, не сводя с Карнака восторженно-округлённых глаз и даже кое-что исподтихаря чиркая в свой заветный блокнотик.

Усмотрев такое дело, Карнак велел не прятаться, а писать открыто, со слов.

— Можешь печатать, но, чур, гроши пополам... Эх, ты бы мне на воле бражёнки выставил, у-у-у, я бы тебе такого набухтел... С меня же роман можно писать. Да... Я бы и сам тогда-сегды чего накалякал, да буквы не все помню. Кончил три класса да два коридора...

— Тоскливо, наверно, одному в тайге? — пытал Доцент. — Вы же по многу месяцев охотитесь.

— Да... — притворно вздохнул Карнак. — Оно, конечно, скушновато... без бабы-то... Другой раз, паря, так прижмёт, хоть волком вой... Да и посудачить не с кем. Вот у меня собачёшка водилась — Туманом звать — так я два месяца с ей калякал в зимовье. Однажды спрашиваю: «Може, хватит нам, Туманушко, по тайге бегать, соболя промышлять?..» И вдруг... — тут Карнак округлил глаза, нагоняя страху, — и вдруг пёс мне и отвечает: «Однако, хватит, Ефимушко...» Ну-у, тут уж я смикитил: раз собака по-человечьи заговорила — всё-о, надо бросать охоту, на жилуху подаваться. Крыша едет вместе с рогами... Тут уж я, паря, ноги в горсть и дёру.

— А как у вас на медведей охотятся? — спросил Доцент. — Говорят, раньше сибирские мужики на медведя с рогатиной ходили. Без ружья... Я вот много всяких басен слышал, а серьёзно?

— С рогатиной! — Карнак высокомерно засмеялся. — С рогатиной... А ежели серьёзно, то я мишек голыми руками брал. На музыку. Музыкай, паря, можно кого угодно оморочить, даже и медведя... Помню, шишковал по осени, орех кедровый промышлял; и, грешным делом, прихватил в кедрач патефон, пластинками затарился ладно — люблю, паря, добрую музыку послушать. И вот шишек наколотил, стаскал к табору, начал обрабатывать, отвеивать и калить на костре. Ну и пластинку завёл — Фёдора Шаляпина — «Эй, дубинушка, ухнем...» И вот шишки шулушу под Шаляпина, увлёкся чо-то и вдруг огляделся... мамочки родны!.. — неподалёку четыре медведя... на пеньках сидят, Шаляпина слушают. Сперва-то я страсть как испужался — ружьё в зимовье, а Бог знает, чего у этих медведей на уме. Потом, паря, гляжу, смирно так сидят, покачиваются под музыку, слёзы вытирают — видно, пробирает... И невздолго после этого подваливат ко мне мужик из зоопарка: дескать, медведя бы нам молоденького, ребятишкам казать. И деньги, паря, на бочку — три тышши... Счат-то я бы послал

его подальше, где Макар телят не пас, а тогда молоденький ишо был — в поле ветер, сзади дым, да как раз гроши позарез нужны были — избу рубил... «Ну чо», — говорю, — по рукам. Будет вам Михайло... В посёлок приведу, а вы уж его принимайте». Зашёл, паря, в кедрач, вот так же патефон завёл. Гляжу, один любитель привалил, присел поодаль. Тут я патефон беру и — по тропе. И он за мной. Идём. Как пружина в патефоне ослабнет, я опять заведу — музыка наяриват. Медведь плетётся следом, подпеват маленько... А перед посёлком на поляне завёл я Моцарта, медведь прилёт и задремал. Тут его в клетку и заволокли... Жалко, конечно.

Доцент так залиvisto, по-детски захохотал, что шашлычник стал по-медвежьи ворочаться в постели и забористо ругаться. Мы притихли.

— Вам можно сказки писать, — прошептал Доцент и со вздохом прибавил. — А жалко, когда бедных зверей убивают.

— Жалко, — вздохнул и Карнак. — Вот почему я теперичи и не охочусь больше, паря, на ягоды да на орех кедровый нажимаю... Медведи подсобляют... Мужики же как орех добывают? — колотом несчастную кедрину лупят со всей дурацкой моченьки, а шишка то идёт, то не идёт, ежели дубняк матёрый. Все кедрины, бывало, в труху измочалят листовничными колотами. А я чо делаю... Обмажу кедрины мёдом... повыше только, и сам в зимовьё. На другой день прихожу, шишки уже все внизу, торчат из моха. Собирай, не ленись.

— Как это так? — заинтересовался Доцент, держа на изготовке блокнот и ручку.

— Просто. Медведь надыбат на кедрине мёд, ну и скребётся по ей до мёда, вылизывает. А кедрину так, паря, раскачат, что шишки аж градом летят. На одной лесине мёд вылижет, на другу переходит. Вот так на пару с медведем орех и добывает...

— Ну, это всё байки, а по правде... — Доцент не сводил с нашего красная веселых, восторженных глаз.

— Байки... — усмехнулся Карнак — Да мне бурундук однажды шишки добывал. Да... Вернее, каюсь, приворовывал я у него. Как-то, паря, подхожу к толстой кедрине, гляжу: бурундук на ветке сидит — тоже орехи добывает. Шишку оторвет и кинет вниз, а сам глядит, запоминает, куда упала... Вот он, паря, кинул, я подобрал и — в куль свой. Тот другую бросил. Я опять тем же макаром... Бурундук эдак зло прищурился, и-и-и!.. ка-ак бросится на меня!.. Едва, паря, успел отпрыгнуть, а то бы задавил...

Доцент, по-детски, залиvisto отсмеявшись, опять пристал к Карнаку:

— Нет, но расскажите что-нибудь про охоту... серьезно.

— Серьезно-то... — Карнак снова отпахнул окно, за которым влажно светились в ясной ночи и призрачно мерцали свечовые березы. — Верно, наплетут с три короба, а сами живого зверя в глаза не видали. Разве что в зверинце. Вот кого, паря, жалко, так жалко. Доведись-ка любому из нас в клетке пожить — вот навроде больницы нашей — от тоски взвоешь. Я волю люблю, тайгу... Но привыкают... и люди, и звери — все привыкают. Мы в бетонных клетках живём, а высели нас в тайгу — пропадём же, без тепла и света, без тёплого сортира... Вот и зверя, того же медведя, который в клетке родился, выпусти на волю — он походит-походит да назад в клетку и попросится...

И пошли было выплетаться затейливые кружева новой байки, но в это время с возмущённым стукотком каблукочков пылцов влетела наша медсестра — хохот услышала.

— Вы что, совсем уж! — почти прошипела она, боясь говорить в полный голос. — Вы знаете, сколько сейчас времени?! Если через минуту не успокоитесь, пеняйте на себя. Всё доложу главному — мигом повывлетаете... Карнаков, сейчас же слезьте с подоконника и закройте окно. И опять в палате курили?!

— Дак не в затыжку, моя бравая.

— Закройте окно, и чтоб через минуту спали.

Карнак взялся было за створки окна, чтоб запахнуть их, но тут же замер, сладко прижмурился, с шумом, всей вздыбленной грудью вдыхая запах волглой листвы.

— М-м-м... — укрыв глаза, в сладостном изнеможении замотал головой, — какой запах после дождя. И черёмуха цветёт... А не погулять ли нам, Танюша?... Я бы тебе, моя бравая, такие стихи почитал, какие ты сроду не слыхала.

*Твои глаза — пронзительная осень.
Сияй, сияй, прощальный свет любви!
Летит с ветвей осиновая озвень,
Но ты её разлукой не зови.*

*Перебирает солнечные струны
Задумчиво и скорбно старый лес;
Кружа листву, поют речные струи,
Что создан мир из боли и чудес...*

Я не шибко подивился на то, что Карнак заговорил стихами. Даже на своём недолгом веку и коротком волоку я встречал «бичей», любивших пофилософствовать, залить байку,

прохрипеть стих из Есенина либо про Луку-матюжника.

Сестра немного послушала, дивясь на эдакого больного и, кажется, даже против воли завлекаясь в напев стиха, потому что уже мягче велела:

— Закройте, пожалуйста, окно и ложитесь спать.

— Кончай базар, — подал скрипучий голос и наш шашлычник.

Карнак тянуче, с едким прищуром уставился на него, и тот вначале было встрепенулся, но тут же и сник под напористым, колючим, ничего доброго не сулящим, каким-то дремучим, диковатым взглядом.

— Тут женщины рядом лежат, — сестра показала на стенку.

— А мы им болеть мешам, — подсказал Карнак.

— Они же завтра на меня пожалуются.

— Ладно, моя бравая... Спят усталые игрушки, мишки спят... — напел Карнак. — Легли?.. Ручки вот так сложили, как покойники. Глазки закрыли, дышите ровно, в две завёртки...

— Зря вы веселитесь. Положение у вас очень серьёзное.

— Очень?! — Он испуганно вытаращил глаза и тут же рассмеялся. — Ничо-о, Таня, ничо. Как батя мой пел: помирать нам рановато, есть ещё сионисты в стране... Нет, Танюша, мы с тобой ещё споем и спляшем. Верно? — Он начал потешно вихлять боками, дергать руками, как если бы держал вожжи, при этом ещё и частушку выдал:

*Старичок-покойничек,
Помирал во вторничек,
Ему стали гроб тесать,
Он вскочил, давай плясать...*

— Кошмар, цирк какой-то, — сестра не утерпела и засмеялась.

— Русский мужик — это тебе, Таня, не лекарь-аптекарь клизмы ставить. Русского мужика запросто не свалишь. Он ить, зараза, и в гробе ногой дрыгнет...

— Додрыгались... — многозначительно ухмыльнулся шашлычник.

— Ну, всё, ложитесь, — ещё раз умоляюще попросила сестра и, сердобольно покачав головой, вышла из палаты.

Когда дверь с тихим скрипом притворилась, Карнак — он, кажется, боялся замолчать, остаться один на один со своей бедой — протараторил нам ещё несколько частушек, какие в народе зовут соромными, потому что не рассчитаны на

нежные девичьи уши. Соромные я почти все призабыл, а вот про двух нерусей осела в памяти мстительным осадком, да простит Господь; но больно уж много в ней таилось кровавого смысла:

*Едет Троицкий на козе,
Свердлов на собаке,
Троицкий Свердлову сказал:
— Мы с тобой казаки.*

Опять возмущённо заворочался в кровати, заскрипел пружинами наш шашлычник, и, укушенные, посудачив шепотком, вернее, послушав ещё баюнка-охотника, потихоньку, под нудное, что капель из худого рукомоиника, бурчание шашлычника наконец угомонились.

Снился мне цирк... Медведь в русской расшитой по вороту рубахе, зажав в лапах бутылку, хлещет сивуху прямо из горла, потом берёт гармонь и, отчаянно развалив мехи, наяривает «комаринского». Публика ржёт, уливается, а лица — бледные пятна с черными провалами ртов. Подле медведя в ночном до пят плаще с красным подбоем, в чёрной ермолке суетится дрессировщик — на обличку не то врач Ребенок, не то наш шашлычник, чернявый и курчавый, носатый мужичок, не то злодей Свердлов либо Троицкий. Мельгешит дрессировщик перед медведем, то сахарком побалуует, то бичом ожжёт; и вот вроде всё терпение у медведя вышло, заревел тот обиженно, бросил гармонь, лягнул ногой бутылку и пошёл восвосяи. Но чернявый, визжа не по-русски, выхватил кривую секиру и оттяпал медведю лапу...

И вот уже ночная деревенька подле леса; стылый месяц, синеватый снег и длинные, чёрные тени от заплотов и ветхих изб; свет погашен, окна темны, будто избам выжгли глаза. А на отшибе у самого леса красуется избушка на толстых курьих лапах, и там возле горящего камина сидит в затейливом кресле всё тот же чернявый; сутулится, глухо укутавшись плащом, и читает книгу, разложив её на коленях Книга в чёрном переплёте, а в книге сплошные закорючки, звёздочки. Топится камин, кровавые отблески огня плещутся по замшелым стенам, паутиным углам; на жарких углях бурчит варево в котле, и баба, похожая на ведьму, то помешивает поварёшкой в котле, то прядёт шерсть, поплёвывая на пальцы и таинственно бормоча себе под нос. А по деревне, по синеватому снегу мимо чернеющих изб ковыляет медведь, тяжело опираясь на деревянную клюку и подволакивая липо-

вый протез. На нём всё та же русская, расшитая по вороту рубаха. Бредёт медведь-инвалид по спящей, будто вымершей деревне и хриплым, отчаянным, грозным голосом причитает:

*Скрип-скрип-скрип липова нога,
Тук-тук-тук деревянна клюка.
А земля-то спит, а вода-то спит,
Одна баба не спит,
На моей шкуре сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо ест...*

И правит медведь прямо к избушке на курьих лапах...

В сказке медведь задрал мужика с бабой, и, может, так же случилось бы в моем сне, но я неожиданно проснулся на краю ночи и увидел взлохмаченный силуэт возле открытого окна, печально и одиноко чернеющий на фоне жёлто-белой, отёчной луны. Мне трудно было разобрать в мутном, реющем свете лицо Карнака, хотя и приблизилось, что тот плачет, — такая знобящая мою душу печаль была во всей его обмякшей, присутуленной спине, в опавшей на грудь голове. Потом, даже оторопев от такого дива, я увидел, как он трижды бережно перекрестился, после чего мне отчётливо услышалось:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного... — повторив трижды Боговы слова, ещё что-то шептал взахлёб, но уже нельзя было понять слитый в шелест, быстрый говор.

Первым из палаты увезли нашего бедного шашлычника, и когда до нас долетела горькая весть, мы искренно переживали, напрочь забыв о бывлой неприязни, и даже исподтишка, молча помянули его: «Царствие ему небесное, прости, Господи, его прегрешения вольные и невольные...» А в тот день, когда меня выписывали, Карнака, мокрого от пота, впадающего в беспамятство, перевели в отдельную палату — помирать, как мы прикинули про себя. На прощание он без всяких пояснений сунул мне тоненькую, размером в мужичью ладонь книжечку стихов, и каково же было наше изумление, когда мы прочли на обложке его фамилию, — Ефим Карнаков, когда увидели на карточке его скуластое, хитроглазое, не то брацковатое, не то тунгусоватое лицо. Книжку листали, читали по кругу даже те, кто шарахается от поэтических сборников, как от чумы; читали вслух и про себя; и веяло от стихов смолистым сосновым духом, гудели в поднебесье кедровые вершины, пели на синеватом рассвете Божьи птахи, и

стелился по-над чушачьим багулом, над мхами и кошкаррой сизоватый дымок костра, и тоненько сипела, кружила хвойники закипающая вода в котелке.

*В городе шумном осень
Жар-птицей по скверам скачет;
Никто обо мне не спросит,
Не вспомнит и не заплачет.
А здесь, над прозрачной Русью,
В снега, где живу теперь я,
Весь день голубые гуси
На счастье, роняют перья.*

Я перечитал это стихотворение раза два, как бы чуя в нём вещее и печальное провидение самого поэта.

Перед тем, как выйти на волю, пытался пробиться в палату Карнака, но без проку. Лишь видел мельком нашу сестру Татьяну, сидящую возле бледного парня, под самой системой-капельницей, что-то тихо и ласково говорящую ему, низко склонив голову.

Когда меня освободили из больницы, я, грешным делом, недолго переживал за Карнака, недосуг было — я кочевал с семьёй в деревню на долгое жительство. Слепыми, степными вечерами, под волчий вой пурги я нет-нет да и листал книгу безунывного поэта, вычитывая строки, павшие на душу.

*Ослепший дом — на брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.*

.....
*Чайка над милым селом
Солнечным ангелом вьётся,
Всё, что мы видим кругом,
Родиной нашей зовётся.*

И может быть, этот баешный парень, стихотворец замутился бы в моей памяти, но такое случилось диво дивное, когда после нескольких зим и лет, оказавшись в Иркутске и залетев на большой поэтический вечер в городской театр, я вдруг увидел его целым и невредимым — видимо, ещё не исполнено его назначение, за-ради которого далась ему жизнь и был дарован певучий голос, чуть приглушенный, хвойно-мягкий, вкрадчивый и потайной, будто свет в закатном сосновом лесу.

Народу в театре набилось битком — любили тогда поэтические вечера, — и Карнак в верблюжьем свитере чуть не до колен, с отвисшим воротом, но всё такой же ладный, крепко сбитый, стоял посреди сцены, а будто у своего родного села на солнопёчном огоре, — и читал, рукой отмахивая строки в сумеречный зал.

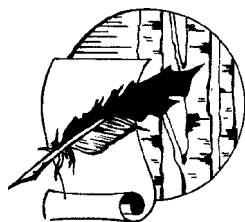
*Хорошо у нас в зимовье!
Печь в углу красна от жара.
И к столешне изголовьем
Возле стен приткнулись нары...
Сохнут мокрые обулки,
Рукавицы, опояски...
Сыпь, напарник, прибаутки,
Я — охотничьи побаски!*

Пока он, простежки почёсывая затылок, ероша волосы, прикидывал, что бы ещё вычитать, к самой сцене пробилась девушка с цветами, и она ещё не обернулась лицом к народу, а я уже почувял — Татьяна, сестрица наша.

Он читал с высоких подмостков, и люди гулко хлопали, а мне поминалась наша больничная палата, и окно в мягкую, влажную ночь, хмельно пахнущую черёмуховым цветом и хвоей; и ночь таяла на глазах, и тихое, желтоватое, вызревало утро.

* * *

Прообразом Карнака стал Анатолий Горбунов, дивный русский поэт-лирик, избранные стихотворения которого, будь на то моя воля, без всяких оговорок я поставил бы в антологию русского стиха двадцатого века, близкого по духу и слову нашей величавой народной поэзии.

Анатолий ГОРБУНОВ
(1942 — 2016)

БЕЛАЯ СКАЗКА

ТРОЙКА

Кони — вьюга! Уносят, уносят...
Гривы, вспыхнув, звенят на ветру.
Эй, залётные! Волюшки просят.
Воли дай — разобьют на юру.
Всё, как было, пороша и хромка,
Полушалок цветной до бровей.
Лунным вихрем клубится позёмка
Из-под кованных свистом саней.
Коренник рвёт поводья, рыдая.
Присяжные хрипят по бокам.
Искроглазка моя дорогая,
Я тебя никому не отдам.
За любовь, за народные песни,
За себя мы ещё постоим,
На руках твоих древние перстни
Отогрею дыханьем своим.
Нам по нраву ожоги позёмки
И к лицу деревенский наряд.
Нашу борзую тройку в потёмки
Зря мечтает угнать конокрад.
Погляди — над полями, лесами
Расступается дрёмная мгла!
Соловьём заливаются сани.
Кони — вьюга! В крови удила.

ЛЕДОХОД

Канула мельница —
Белая сказка.
Варвар намедни ли
Свёз на дрова?
Мелется, мелется
Мёрзлая ряска,
Крутятся-вертятся
Льдин жернова.
Сгинули пахари...
Мельнику снятся
Шаньги покровские,
Воздух мучной.
Охает, ахает
И не едятся
Булки сельповские —
Хлеб привозной.

ЛЕБЕДИ

Из года в год несли тепло на север,
Гнездились за Ичёрой искони.
С прилётом их справляли праздник сева,
Струился пар от вспаханной стерни.

Как дружно вверх тянулись яровые —
И каждый колос вызреть успевал!
А лебеди, сгибая гордо выи,
Нас окликали с утренних зеркал...

Всё явственней зелёный мох на крышах
Убогий вид Ичёре придаёт...
Никто теперь горластых не услышит,
Встречая за околицей восход.

Прошедшей ночью распрощались с нами:
Чуть задевая крыльями кусты,
Проплыли над заросшими полями
И молча улетели за хребты.

Когда в селе единственные дровни,
Ослепший конь, телега да хомут,
Когда меняют лебеди гнездовья —
Продержатся недолго люди тут.

ВИТИМ

До доньшка высвечен весь,
Баюкает чаек
И колокол гулких небес,
Качаясь, качает.
Прозрачные ветры стригут
Руно голубое.
Как сладко, как радостно тут,
Родная, с тобою!
А где-то гремят поезда
Над пропастью мира,
И чахнет речная звезда
Над прахом аира.
Ни золота, ни серебра нам
Не надо вовеки —
Бродить бы по диким горам,
Смотреться бы в реки...
От света и теней ряба
Стремнина Витима.
Повисла над лугом изба
На ниточке дыма.

МГНОВЕНИЯ

Берег Лены высветлила хвоя.
Одинокий сокол на сосне.
Жаркий клёкот, память беспокойя,
Отдаётся в чуткой тишине.
Растеклась по диким чашам дрёма.
Хвоины за шиворот летят.
Всё кругом до камешка знакомо —
Всё, как было тыщи лет назад:
На сосне сидел такой же сокол,
А под ней, у зыбкого огня,
Руки грел охотник синеокий,
В точности похожий на меня.
Древние славянские просторы,
Светоносных предков колыбель!
Дальних звёзд космические створы,
Рыжей хвои тихая метель.
Всё когда-то снова повторится:
Берег Лены... сокол на сосне...
Словно крестик, мирно серебрится
Самолёт в бездонной синеве.

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Раскудрявился бадан —
Ни трава, ни ягода!
Где ж ты, мой Хамар-Дабан,
Кабарга на ягеле?
Дивен старый Петроград!
Ну а мне мерещится:
Алопёрый пережат
О камня плещется.
Валентина, Валя, Валь...
Нежная, палящая,
Неразгаданная даль,
В зарево манящая.
Шла ты солнцу наискось,
Майский иней плавился,
А бадан, сибирский гость,
Взял и раскудрявился.
Замер старый Петроград:
Просто невозможные
Заливаются, звенят
Цветики таёжные.
Он связал меня с тобой
Паутинкой тонкою.
Назвала бадан судьбой,
А себя чалдонкою.
Ягодиночка с Невы —
Птичье щебетание,
Плеск байкальской синевы,
Хвойное сияние!
То ли явь, то ли обман?
Что ни взор — мелодия...
Ой, бадан, бадан, бадан —
Свет далёкой родины!

ОБРЕЧЁННАЯ

От пустых оград и нищеты
На попутке в город упорхнула.
Не сбылись заветные мечты —
Перестройка жизнь перечеркнула.
Кабаки. Измятая постель.
Это что за нация такая —
Дочерей швыряет на панель,

Над собой глумится, вымирая?!
Пришлыми засеяна страна,
Выкрутить бы руки лиходеям —
Вычерпали Родину до дна.
Все, кому не лень, тобой владели.
Солнцекудра, статна и чиста,
Веточкой надломленной увяла.
Взор погас. Поблекла красота.
Ни женой, ни матерью не стала...
Часто снится: дом на берегу,
Девочка в малиновом платочке
Босиком на скошенном лугу
Собирает поздние цветочки.

ЧЁРТУШКО

Чёртушко на пальчики
Распилил копытца,
Стал похож на мальчика,
Стал, как люди, мыться.
Стала у красавчика
Мягкая походка.
Подружились пальчики
С мылом и вехоткой!
Сядет на завалинку,
Умно глазки пучит:
Ребятишек маленьких
Русской речи учит.

ОСЕНЬ 1993 ГОДА

Не осталось в живых,
Кто свободу любил:
Лики, лики святых
У подножий могил...
Всех мы предали, всех,
Чтоб себя уберечь!
На побоище — смех,
Чужеземная речь.
Чёрный ветер Москвы —
И позор наш, и стыд...
Слёзы русской вдовы
Прожигают гранит.

НЕФТЬ

Закурейки, протоки, опечки.
Серых изб лебедовая грусть.
В каждой ставенке, в каждом крылечке
Недобитая теплится Русь.
Сенокосы, тайга и болота.
Пот на лицах крутой, как тузлук.
Главный козырь — пушная охота,
И подспорье — картошка и лук.
Враг берёт деревеньку измором —
Ни гвоздей, ни стекла, ни зерна...
По державным когда-то просторам
Втихомолку шагает война.
Властьимушие точат балясы,
Раздают ордена стукачам.
Чуя гибель, на гнёздах бекасы
Исступлённо кричат по ночам.
Чужеземцы — убийцы, воришки
Надвигаются с разных сторон:
Скупают всё, и поднимутся вышки —
Кровь народа качать за кордон.
По речной голубой круговерти
Чертят грозные знаки стрижи.
Деревенька готовится к смерти,
Чистит ружья и точит ножи.
За родимую землю сельчане
Отдадут свою дорого жизнь.
Сколько в древних молитвах печали!
Сколько душ примет лунная высь!
На божницах отаяли свечки...
Серых изб лебедовая грусть.
В каждой ставенке, в каждом крылечке
Недобитая теплится Русь.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В седом подмареннике берег.
Заречные тропы круты.
Я посохом жизни измерил
Угрюмые эти хребты.
Гружённые хлебушком нарты
К далёким зимовьям тянул,
Гонялся за призрачным фартом —

Горел, замерзал и тонул.
Блуждая под небом огромным,
По звёздам всегда выходил
К полям — терпеливым и скромным,
Где корни мой пращур пустил.
А Лена шугою хрустела,
Из рук вышибала весло...
Зовут в путь-дорожку метели,
Крылами шуршат о стекло.
Зовут на отцовскую землю,
Где ходит винтом снеговой...
И, голосу памяти внемля,
Я рвусь всеми силами к ней!

СВИРИСТЕЛИ

Слышишь, где-то летят свиристели?
Непутёвое сердце, замри...
Вот они! Покружили и сели
На стеклянные прутья зари.
С диких яблонь осыпали иней,
Хохолками забавно трясут.
— Свири-свири, — о родине синей,
— Тили-тели, — о счастье поют.
Оглашая прозрачную остынь
Переливчатым свистом своим,
Клюйте яблочки, светлые гости,
Заблудившись под небом чужим!
Где-то, где-то на Севере Крайнем
Расхрусталил окошечко лёд,
Синеокая девочка Рая
Нас по-прежнему любит и ждёт.
Вот опять сорвались, полетели,
Набирая стремительно высь.
— Свири-свири, — вдали, —
— Тили-тели...
Грустный отзвук пушинкой повис.

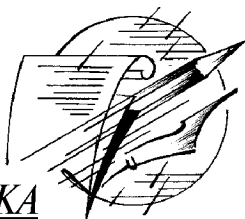
г. Иркутск

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ — РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ

Премьер России Дмитрий Медведев сделал подарок дамам к 8 Марта — утвердил внесенную в правительство «Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 годы», разработанную в недрах Минтруда и одобренную в Общественной палате РФ представителями феминистического сообщества. Этому документу предстоит определять нашу новую внутреннюю политику.

Национальные стратегии — изобретение не российское: так выглядит широко распространённая калька глобального реформатирования систем и институтов национальных государств. По аналогичному сценарию пять лет назад в России принимался другой документ — «Национальная стратегия действий в отношении детей», ставшая самой настоящей ювеноальной программой.

Алгоритм такого реформатирования прост и надёжен: национальное государство подписывает некий международный документ, затем «во исполнение международных договорённостей и обязательств» принимает Национальную стратегию и на её основании создаёт Национальный план,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

в рамках реализации которого реформируется законодательство, принимаются регламенты, создаются информационные кампании, меняется общественное сознание.

Ключевые понятия для этого процесса — это «защита от...»; если вместо многоточия поставить слова «насилие», «жестокое обращение», «дискриминация», получатся новые правила жизни, дополненные неизменной «толерантностью».

Что несёт нам новый документ

«Стратегия» описывает актуальное положение «угнетённой» женской половины страны: не платят наравне с мужчинами, не рассказывают об их праве не следовать социальным стереотипам; не дают руководить в частном бизнесе и в политике, работать в шахте и у доменной печи. Женщины больше мужчин болеют, дольше живут; в старости остаются одиноки; государство не финансирует женские организации, не борется с семейным насилием, и всё это очень беспокоит международное сообщество.

Одновременно с этим авторы «Стратегии» указывают, что законы в отношении женщин в стране вообще-то отрегулированы, в объявлениях о вакансиях больше не указывают желаемый пол, возраст и семейное положение, отмечается рост числа женщин на государственной службе и руководящих постах и делается вывод, что «в течение XX века сформировалась высокая трудовая занятость женщин с ориентацией на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей».

Отсутствие здесь причинно-следственной связи не смущает авторов, и они предлагают принять «Национальную стратегию действий в отношении женщин» во исполнение обязательств по реализации рекомендаций IV Всемирной конференции по положению женщин «Действия в интересах равенства, развития и мира» (Пекин, сентябрь 1995 года) и ещё четырёх аналогичных международных документов.

Что предлагается сделать

По мнению авторов, нужно привлечь женщин к «мужским» наукам и специальностям, сократить для них перечень ограничений на допуск к вредным работам, либерализовать в их пользу законодательство, побороть семейное насилие, разрушить стереотипы в представлениях о социальных ролях мужчин и женщин; ввести «гендерное» квотирование на всех руководящих постах во всех сферах экономики; орга-

низовать просвещение по вопросам «гендерного» равенства; провести экспертизу рекламы с целью выявления и устранения стереотипных образов женщин и мужчин на предмет «гендерного» неравенства («сексизма»); создать информационно-просветительский интернет-портал «Российское женское сообщество»; расширить международное взаимодействие феминисток по линии ООН, ОБСЕ, Совета Европы и АТЭС.

Для этого правительству нужно в течение 2017—2018 гг. разработать методические рекомендации субъектам РФ по формированию региональных планов и управленческих механизмов. В итоге, по мнению авторов, увеличится доля женщин в органах власти, а мужчины будут активнее участвовать в воспитании детей. Усовершенствуется законодательство по профилактике семейно-бытового насилия, сократится число женщин на вредном производстве, снизится уровень заболеваемости женщин и повысится их благосостояние, повысится мотивация женщин к здоровому образу жизни и... сдаче норм ГТО.

Намерение авторов «Стратегии» добиться сокращения числа женщин на вредном производстве при изначальном требовании сократить список ограничений для женщин, выглядит странно только на первый взгляд. Логика тут простая: женщины остаются на тех же рабочих местах, а вредные производства перестают считаться вредными — отсюда и улучшение показателей. Это общеизвестный приём, который во всём мире реализуется лоббистами антидемографических стратегий: материнская смертность снижается за счёт несостоявшихся беременностей, а число аборт — за счёт контрацепции.

Деньги на реализацию «Стратегии» предполагают выделять из федерального и региональных бюджетов в рамках всех существующих государственных программ. По сообщениям СМИ, после принятия Национальной стратегии при Министерстве труда и социальной защиты будет создан Координационный совет по защите прав женщин, который может стать органом по продвижению феминизма и «гендерной» идеологии в России.

Неожиданные приоритеты

В «Стратегии» вместо понятия «семья» постоянно упоминается новация — «лица с семейными обязанностями». Для помощи им авторы требуют «совершенствования профилактики репродуктивного здоровья, в том числе искусственного прерывания беременности», программ «репродуктивной культуры» для школьников, охраны репродуктивного здоровья женщин, формирования «ответственного отношения к роди-

тельству». Это — «безопасные» аборт, половое просвещение школьников, «профилактическая» контрацепция; всё то, что непрестанно пытаются ввести в России на протяжении последних 25 лет.

Отдельно следует выделить большой блок инициатив в отношении женщин-инвалидов, где предлагается проведение для них вспомогательных репродуктивных технологий, к которым относятся такие неоднозначные методы, как «суррогатное материнство» и методы ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение) с «преимплантационной диагностикой» — фактическим уничтожением эмбрионов с плохой генетикой на стадии «пробирки».

Для чего на самом деле принимается «Стратегия»

«Гендерные различия», о которых говорится в Стратегии, уже были прописаны в проекте закона «О равенстве прав мужчин и женщин», принятом Государственной думой в первом чтении в 2005 году и остановленном общественностью от принятия во втором чтении в 2011 году. В этом законопроекте вместо биологического пола впервые вводится понятие «гендер» — социальный пол, то есть различие пола человека не по физическим признакам, а исключительно по тому, кем он сам себя представляет; и таких «гендеров», которые сейчас «политкорректно» именуется ЛГБТ, по мнению лоббистов, в обществе может быть любое количество.

Законопроект предлагает построить новое общество, с приоритетом прав «гендерных» групп, в котором для нынешнего нормального большинства предусмотрена «позитивная дискриминация», а «гендерное квотирование» во всех органах власти, включая президента, дополняется введением должности уполномоченного по «гендерной дискриминации» вкуче с созданием специальных ведомств по защите «гендеров».

За «гендерную дискриминацию» (нанесение обиды представителю «гендерного» сообщества) и за «харассмент» (сексуальные домогательства) предусмотрено уголовное и административное наказание (штраф от 500 тыс. до 1 млн. руб.).

Предлагается семью заменить на тех самых «лиц с семейными обязанностями», а представителям «гендерных» групп предоставлять социальные услуги бесплатно и приоритетно.

Откуда всё началось

Понятие «гендер» вошло в обиход с 80-х годов минувшего века, когда американский психолог Д. Мани заявил, что пол —

это «социальный конструкт»: к чему ребёнка приучают, тем он потом и становится. Поэтому его вовсе не нужно воспитывать как носителя определённого пола, а вот подростку, наоборот, уже нужно предлагать выбирать себе пол, причём в любом количестве вариантов.

В качестве подтверждения он предложил научному миру судьбу Брюса Раймера, физически пострадавшего в младенчестве и в связи с этим в течение 8 лет подвергнутого им психологической коррекции по замене пола. Мани отчитался об успехе и забыл о судьбе ребёнка, который тяжело страдал от навязанной ему чужой роли и был близок к суициду. В 10 лет Раймер наконец узнал правду о произведённом над ним опыте, в 16 лет через суд вернул себе пол, позднее даже женился, рассказал всю правду о своей жизни на крупном ток-шоу, но не справился с последствиями чудовищного эксперимента и в итоге всё-таки покончил с собой.

Невзирая на скандал, идеи Д.Мани не погибли: их подхватило мировое феминистское движение, создавшее псевдотеорию «социального конструирования гендера», ориентированную на «политический результат» и «на изменение социальных порядков» в виде «безгендерного секса», «безгендерной семьи», «безгендерной профессиональной организации» и «безгендерной политики».

В 90-е гг. идеи феминисток о борьбе с «дискриминацией женщин» вошли в документы ООН, затем превратились в «гендерное равенство в широком смысле», а позднее — в «принцип равенства независимо от сексуальной ориентации».

В 1995 г. феминистские организации провели в Пекине Всемирную конференцию по положению женщин, в ходе которой понятие «пол» было заменено на «гендер», а итоговый документ под названием «Пекинская платформа действий» был потом преобразован в закон. В 1997 г. Евросоюз закрепил Амстердамским договором созданное в Пекине движение «Gender Mainstreaming» в качестве своей официальной стратегии, и теперь оно является «основной глобальной стратегией содействия гендерному равенству», обязательной для всех государств — членов ООН и обязательным требованием Совета Европы.

«Гендерный» закон является модельным, базовым, и национальные государства должны вводить его у себя в качестве платы за членство в Евросоюзе и ООН.

ВОЗ-сюрпризы

В те же сроки, когда Общественная палата обсуждала «Стратегию действий в отношении женщин», весь мир обле-

тела новость: Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) приняла новые правила — «глобальные стандарты в области здравоохранения», в том числе по определению бесплодия, которое теперь будет трактоваться как «социальная инвалидность», неспособность человека найти партнёра. Это будет касаться одиноких мужчин и женщин — в первую очередь, гомосексуалистов и лесбиянок, у которых «нарушается право на семью» и которые поэтому получают приоритетное право на ЭКО и суррогатное материнство за счёт бюджета.

ВОЗ приняла решение разослать новые правовые стандарты в 2017 году министрам здравоохранения всех государств, а они должны запустить их в работу — «во исполнение международных обязательств». В связи с этим авторы нововведения также прогнозируют рост коммерческого суррогатного материнства.

ВОЗ не в первый раз предлагает миру новые «нравственные» нормы: именно с её подачи в 1971 году гомосексуализм перестали считать патологией.

В 1991 году организация приняла «Руководящие принципы трансплантации человеческих клеток, тканей и органов», определившие смерть человека как смерть только мозга при сохранном дыхании и сердцебиении, что стало основой для создания так называемого «посмертного» донорства.

Возвращаясь к блоку «Стратегии» о женщинах-инвалидах и их праве на ЭКО, можно предположить, что авторы документа ориентировались в своих идеях на совпавшие по времени новейшие разработки ВОЗ, которые позволят использовать понятие «социальная инвалидность» для легитимизации «гендерных» групп. И если письмо из ВОЗ уже получено российским Минздравом, вскоре можно ожидать ведомственных инструкций и правительственных циркуляров об обеспечении женщин-«социальных инвалидов» правом на производство искусственных детей — приоритетно и бесплатно.

Представители так называемых ЛГБТ в отличие от многих других сразу же поняли истинный смысл «Стратегии» и разместили в Сети интернет-петицию со словами благодарности премьеру за «проявленное мужество» в намерении подписать документ и выразили уверенность в том, что он сможет «выкинуть на идеологическую помойку такие лицемерные понятия, как «традиционные ценности», «духовные скрепы» и прочие средневековые заблуждения».

О ценностях как заблуждениях также говорили и участники обсуждения «Стратегии» в Общественной палате РФ, а в пресс-релизе о проведении мероприятия было заявлено: «Понимание роли женщины зачастую носит устаревший характер».

В ходе заседания директор департамента демографической политики и социальной защиты населения Минтруда РФ С.В. Петрова сказала, что в обществе «сложилась определенная тенденция, когда женщину больше представляют как мать, хозяйку, объект сексуального восприятия и что нужно избавиться от гендерных стереотипов в отношении женщин», а также что «стимулирование рождений не совсем в прямых интересах с тем, что мы хотим разработать в рамках этой стратегии».

Член Общественного совета при Министерстве труда Е.Н. Феокистова была сильно огорчена тем, что в обществе «быстро восстанавливаются патриархальные настроения». Член Совета по правам человека при президенте России С.Г. Айвазова призвала принять документ «как можно быстрее, без всякой общественной дискуссии, на которую сбегутся тысячи представителей якобы родительской общественности», которых она назвала «реакционными силами» и «консервативной угрозой».

Сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РФ З.А. Хоткина призвала «учить девочек про права и про стереотипы в школе, иначе они выйдут в широкое поле, в церковь, и там их будут учить другому». Член совета Минтруда по гендерным проблемам О.А. Воронина предложила помочь в этом обучении, предоставив список людей, «которые прошли переподготовку в Московском Центре гендерных исследований и начнут читать курс с удовольствием и совершенно бесплатно».

Ситуация в обществе стремительно меняется: на 11 марта в Москве впервые готовится проведение «Фестиваля феминизма Fem Fest», организаторы которого ставят задачу «объединить самых разных людей на почве признания ценности феминизма, а также уникальности и свободы выбора человека». В центре столицы будут говорить о том, «как распознать явный и скрытый сексизм, о феномене трансгендерности, о том, почему феминизм нужен каждому, независимо от пола и сексуальной ориентации».

Нужно признать, что феминистский фестиваль — это заявка на новое место в обществе, и важно правильно соотнести возросшую активность феминизма и актуальную общественно-политическую ситуацию.

Тревожные итоги

Попытки ввести новую политику приоритета «гендерных» прав в России происходят постоянно: взамен «зависшего» в

Думе закона о «гендере» лоббисты неоднократно пытались «протолкнуть» закон о сексуальных домогательствах («харассменте»), предусматривающий штрафы для мужчин в размере 50 тысяч рублей даже за ухаживание за женщиной против её воли, а также закон о гендерном квотировании в руководстве акционерных обществ.

То и другое являются статьями всё того же законопроекта о «гендере», а в июле минувшего года по всему миру прокатилась хорошо организованная акция «Я не боюсь сказать», приучающая общество к понятию «харассмент». В 2017 году «гендер» приходит в Россию под флагами феминизма.

Итак, в России подготовлен к принятию документ, нацеленный на то, чтобы создать государственный механизм принудительного реформирования государственно-семейных отношений, заменить биологический пол на социальный, сделать пол человека единственным регулятором социума. А также обучить детей новому взгляду на человека и его жизнь, заменить в массовом сознании ценностные установки и ролевые модели поведения.

«Национальная стратегия действий в отношении женщин» — по сути, модификация закона о «гендере», объединившая «Gender Mainstreaming» и «Пекинскую платформу» под маской «женского» документа.

Эта стратегия ломает отношения в обществе, противопоставляет мужчин и женщин друг другу и предлагает оценивать человека не по интеллекту и труду, но исключительно по полу, причём по полу социальному, переменному.

Понятие «гендер» является средством унификации пола и уничтожения различий. Если пол — уже не постоянный неотъемлемый признак человека, а лишь набор характеристик с временным доминированием одной из них, то его как такового и вовсе нет, и всё зависит только от того, к чему приучили индивида. Отмена пола намного серьёзнее, чем кажется: это отмена мужчин и женщин и создание «поло-варибельного» человека, а прямее говоря — расчеловечивание.

Кроме прочего, «гендерная» теория — эффективное средство для сокращения рождаемости и переидентификации нации. Как только мы запустим в нашу жизнь «права социальных инвалидов», вслед за правами войдут и они сами — те, к кому США и Европа сейчас требуют относиться «толерантно» и кого мы должны называть «политкорректно», игнорируя при этом истинный смысл смертельно опасных для общества явлений. В нашу жизнь войдут те самые «гендеры» во всём разнообразии своих «приоритетных прав», после реализации которых для нормального большинства останется

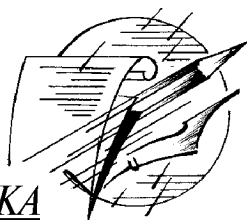
лишь «позитивная дискриминация. Но если снова начать называть их так, как они по-прежнему именовались в медицинских справочниках, то всё сразу встанет на свои места.

С 2016 года в России действует подписанная президентом «Стратегия национальной безопасности», в которой духовно-нравственные и семейные ценности названы объектами национальной безопасности, подлежащими государственной защите. «Национальная стратегия действий в отношении женщин», являясь антидемографической и антисемейной программой, вступает в открытое противоречие с этим документом, а значит, и с курсом государства, и создаёт угрозу национальной безопасности.

ТЕРРОР РЕКЛАМЫ

Реклама заполонила печатные площади почти любых печатных изданий, за счёт грубого изъятия существенной их части, лишая людей полезной и интересной информации. Но на бумаге она менее опасна, потому что при нежелании пачкать и оскорблять свой взор, например, призывами разнокалиберных массажисток, искусниц в организации и проведении досуга, а также прочих истрёпанных ублажательниц скотоподобных самцов с тугими кошельками, нравственно здоровый читатель просто перевернёт скабрёзную страницу или отбросит газету целиком, как ненужный хлам.

Но несравнимо более тяжкий урон здоровой психике наших граждан наносит эфирно-электронная реклама, которой нафаршированы практически все каналы ТВ, радио и Интернет. И как ни противно начинать об этом разговор, однако — сколько же может продолжаться «молчание ягнят»? До каких пор мы должны терпеть ежедневные, ежечасные и даже более того — ежеминутные атаки изготовителей рекламной продукции, которая давно уподобилась *оружию массового поражения?*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Тяжесть воздействия звучащей рекламы усугубляется массированным характером рекламной агрессии и постоянством её воздействия и *круговой порукой* всех причастных к её изготoвлению. Она не даёт ни одного просвета, ни одного окна в воздействии на каждого отдельно взятого человека — обывателя, гражданина, маргинала, vip-персону и т.д., объективно мобилизованных и спровоцированных на тихое сопротивление один на один с телеэкраном либо компьютером. Всё **скопище рекламодателей** действует *синхронно*, не позволяя загнанному в угол телезрителю переключиться на другой канал (хотя и такое переключение — тоже не выход, поскольку рвёт в ключья сосредоточенное внимание и настроение человека, **насильственно поставленного** в зависимое от дельцов положение)...

Надо особо подчеркнуть, что многие рекламно-моральные травмы «профессионалы» ТВ стараются сгладить, подслатить, подать в «обезболивающей упаковке», чтобы смягчить *дуrolомное* воздействие на обывательскую психику, сохранив, тем не менее, их разрушительные свойства. И такой завуалированный психологический дурман срабатывает, успокаивает зрителя.

Смирившись с рекламой как с политическим и торгашеским *гнусом*, от проникновения которого во все поры не спасают никакие доступные средства, народ принимает это **стихийно-развратное зло** как некое мистическое и неустранимое **предопределение**, ниспосланное свыше (подобно урагану, морозу, солнечному затмению и т.п.), и даже не пытается искать пути к сопротивлению. Он уже не обращает внимания на то, что **рекламное насилие** лишает его некоторых весьма существенных аспектов личной свободы и неотъемлемых гражданских прав, стреноживает и обезоруживает перед торгашеским напором.

Вездесущий СМРАД (средства массовой рекламы, агитации, дезинформации) до такой степени вбил в головы граждан России неотвратимость, незыблемость и всемогущество этого чудовищного **психопатологического насилия**, что люди почти стопроцентно оказались зомбированными якобы некой высшей необходимостью в государственных и общественных интересах, не допускающей никакого сомнения в её объективной целесообразности, тем самым безвольно позволяя опустошать карманы приобретением зачастую ненужных предметов, изделий, медикаментов, использованием услуг и др.

Хорошо помню первые рекламные поползновения финансовых структур в момент слома советского социалистичес-

кого уклада: молодая и очень красивая женщина роняла с ладони какие-то золотые монеты, мило улыбаясь, а на экране высвечивалось казавшееся вполне безобидным слово «Инкомбанк».

Незадолго перед тем автору этих строк довелось побывать в Италии и посмотреть фрагмент фильма с участием знаменитого Челентано. Фильм каждые 10 минут прерывался одноминутной рекламой, и это нам, советским зрителям, казалось таким диким произволом, который даже представить было невозможно в нашем быту и культурном обиходе. Мы с первых минут, даже не зная языка, поняли, насколько беззастенчиво реклама **рвёт на части** зрительское восприятие экранного действия.

И никакой фантазии не хватило бы тогда представить себе, что в оккупированном чужеземцами и их отечественной *шабесгойской* прислужкой СМРАДе реклама захлестнёт всё разумное, что в советской жизни перетекало из телепрограмм в души людей, духовно обогащая их, и станет занимать близко к 50% экранного времени, а очень скоро во всём аморально-отталкивающем уродстве покажет своё отвратительное, похотливое, сексуально-озабоченное и ненасытное мурло. Что и произошло — стремительно, агрессивно, нагло — так, как могут действовать только ярые и ненасытно-алчные недруги.

Прежде всего поражает и отвращает запредельная и бездарная пошлость рекламных «перлов», от которых просто скулы сводит и нигде нет спасения. Они буквально круглосуточно преследуют людей, как применяемый в пыточных целях болезненно-назойливый мотив, психологически ранят, закостеневают в мозгу, поминутно заставляют ждать очередного совершенно бессмысленного, *идиотского* повтора — изо дня в день, из часа в час...

Человекообразные особи, причастные к заказам и созданию рекламных кино-, видео- и радиосюжетов, а также властные и законодательные государственные фигуры, попустительствующие этому очевидному и агрессивному **злу**, либо скудоумны до низжайшего уровня и не понимают размеров и уровня наносимого ими вреда психическому состоянию и здоровью народа, либо действуют умышленно, совершая растянутое во времени массовое **преступление** против всего населения страны, которое без малейшей гиперболизации следует причислить к особой — малозаметной — форме геноцида.

Непонятно, по сговору или чьему-либо запрету против этого болезнетворного **зла** не выступает ни одна государственная служба гуманитарной направленности: молчат влиятельные сферы и деятели культуры, не замечают научные светила

отечественной психиатрии, а также фармакологии и фармакогнозии, за глухими шторами спрятались психологи, в глубокую подполье оказалась педагогика, позволяющая развращать детство и юношество, уродовать их вкусы, смещать ценностные ориентиры, бесконтрольно и произвольно дезориентировать в жизненных устремлениях самые разные слои и группы населения.

Примеров, подтверждающих сказанное, эта *смердная* патология даёт бесчисленное множество: каждый читающий эти строки может назвать их многие десятки (если не сотни). Но *творцы рекламы* действуют напролом, осознавая свою безответственность и безнаказанность, а главное — очевидную прибыльность. Приведу лишь некоторые из них.

Уже более двух десятков лет рекламные садисты методично мучают людей наиглупейшим слоганом: «*Не тормози — сникерсни!*», который совершенно не соответствует рекламному действию и только заморачивает и без того одурманенное сознание. Не лучше выглядит дебильное обращение: «*Простамол, просто будь мужчиной!*», в котором рекламные грамотеи не замечают своего весьма темпераментного обращения непосредственно к *простамолу* (оно звучит как призыв не к мыслящему существу — человеку, а к медицинскому препарату, который, по их звучанию, почему-то должен *быть* мужчиной...). И это при том, что рекламируется слабый и малоэффективный, но отнюдь не дешёвый медицинский препарат. В этом же ряду стоит восторженный вопль: «*Мезим — здорово желудку с ним!*». Берут, как говорится, не качеством, а гнетущей неотвратимостью рекламы. Но недавно в рекламном арсенале появился новый перл с туалетным духом: «*Если, сидя в туалете, вы прочли «Отцы и дети», десять басен, пять поэм...»* — и т.д. Тут остаётся только руками развести... Более пошлого слогана даже припомнить не могу. У меня просто нет слов, чтобы достойно оценить подобный рекламный пассаж, который мог родиться только в черепной коробке *недоцивилизованного* дикаря, хотя она и набита обрывками знаний.

К любой — с виду невинной — рекламе обязательно привязывается что-нибудь скабрёзно-пошлое — постельная сцена, вызывающе обнажённые части тела (преимущественно женского), похотливые взгляды и жесты — и всё это идёт вразрез с темой рекламной передачи. Но сексуально озабоченные «мастера» не могут обойтись без такой «клубнички», рассчитывая на привлечение зрительского внимания именно картинками развратных вождлений.

Всё названное, как и многое другое, назойливо вгоняется, вколачивается в людское сознание на протяжении десятков

лет. Под этот оглуляющий аккомпанемент уже выросло целое поколение, считающее *идиотское* и безответственное рекламное капанье на мозги, напоминающее средневековые пытки каплями воды на темя, естественным и неотвратимым условием жизни. А в порядке вредоносной конкуренции рекламное внушение, подкреплённое немалыми суммами, методично долбящее и деформирующее сознание, отвлекает от других, гораздо более полезных и действенных медикаментов и иных методов лечения, приобретения разумно-необходимых вещей, фактически лишая человека осмысленного выбора.

По ходу любой телепередачи идёт безумная, часто повторяющаяся атака на здравый смысл, художественно-литературный и языковедческий вкус, что ведёт к не всегда осознаваемым психологическим сшибкам и, как следствие, к плановой той или иной степени **шизофренизации** *сдвинутого набекрень* сознания.

Так, например, не является редкостью ситуация, когда по ходу кинофильма нежно-эмоциональная любовная сцена либо психологически напряжённое действие прерываются демонстрацией плотоядно облизывающегося кота либо унитаза с отвратительными изображениями микробов величиной с овцу, после созерцания которых разрушается восприятие содержания фильма и вообще пропадает аппетит. А нередко возникает синдром гусиной кожи от приступа брезгливости.

Создатели рекламы, впадая в *торгашеский раж*, доходят до крайних пределов антидуховного кощунства, когда патристическое звучание слова «Россия» (в его высоком сакральном смысле) увязывается... с *перхотью*, борьбу с которой *рекламщики* возводят в степень общественно и даже государственно значимой проблемы — и это всё с той же бессознательной назойливостью агрессивно вколачивается в людское сознание.

Удивляют то ли произвольный продюсерский умысел, то ли безмозглая деструктивная бессмысленность, с которыми экранные распорядители гонят одну и ту же рекламу до десятка и более раз на протяжении следующих одна за другой двух, а то и трёх телевизионных серий, что вызывает крайнее раздражение у любого нормального человека. Подобные атаки особенно возмутительны, когда в виде анонса повторяются фрагменты рекламируемого фильма. Ибо в подобных ежедневных ситуациях сознание долбит совершенно бесцельно и бессмысленно. И таких тупо-бессмысленных ситуаций мир рекламы создаёт многие сотни.

Антиобщественный и антигосударственный переко́с (подмена смыслов) в данном случае не может быть чьей-то случайной ошибкой. Увы — есть все основания полагать, что идёт последовательное, планомерное **наступление на психику** национального большинства — с явной целью изменить индивидуальное и общественное сознание огромных людских контингентов. С каждым днём только нарастает процесс *примитивизации* и *вульгаризации* стиля и образа мышления готовыми словесными блоками и штампами, а в сознании обывательских масс идет насаждение отупляющих заноз долговременного использования и воздействия (так создаются новые ступеньки ко всеобщей *читизации* населения). И всему этому властями даётся благовидное обоснование коммерческой целесообразности и необходимости.

Практически никто, включая высоколобых умников-депутатов, не задаётся вопросом: почему рекламные ведомства и структуры (а также государственные и общественные институты) не используют в конструктивном, а не только в шкурном аспекте мощные возможности рекламы для борьбы с вредными привычками — курением, пивным алкоголизмом и иными его формами, а особенно — с ужасами нарастающей наркотизации населения (и в первую очередь — с вовлечением в этот губительный процесс детства и юношества). Нет в рекламе места и борьбе с другими антиобщественными явлениями.

Это холодное безразличие достаточно красноречиво характеризует и алчно-торгашескую часть общества, и позицию властей всех уровней по отношению к своему народу, который согласно ст. 3 Конституции РФ значится *источником власти*.

Иными словами, вся несокрушимая мощь рекламы направлена не на пользу — спасение и сбережение народа, не на его духовное развитие и процветание, а на умножение прибыли сонмищу разномастных — зачастую иноземных — *парзитов*.

Более яркого — поистине классического! — примера своекорыстного подчинения огромного большинства народа спекулятивным целям ничтожного торгашеского меньшинства в общественном бытии и подобрать невозможно.

И со стороны разномастных инициаторов рекламы, и со стороны властей во всей ясности прослеживается пренебрежение к интересам конкретного человека и всего народа, которых круглосуточно преследует **вездесущая и неотвратимая рекламная агрессия**. И здесь вопрос стоит очень просто: почему я, свободный гражданин, должен своим личным време-

нем платить рекламным наглицам, с которыми не связан никакими обязательствами? Почему мне насильно *впаривают* в мозги и в душу рекламу, которая не только мне не нужна, но и вредит здоровью — моему, моих детей и внуков, портя, испохабливая любую передачу изо дня в день, из вечера в вечер, из часа в час? Если сделать несложные подсчёты, то «рекламщики», в разное время жульнически завладев каналами ТВ, отнимают у меня ежедневно два, а иногда и три часа моего личного времени, ломая восприятие телепрограмм и выбивая из нормальной жизненной колеи? Почему они делают меня соучастником совершенно не нужных, безвкусных и пошлых рекламных сюжетов? Ссылки их на зрительскую возможность переключения каналов неоспоримо ущербны в правовом отношении, поскольку там действует круговая порука, а вопрос связан с **психологическим насилием**.

Антиконституционный характер и направленность многих видов рекламы, а самое главное — повсеместная, бесконтрольная практика её произвольного использования совершенно очевидны и аксиоматичны. Ситуация уже давно стала нетерпимой и требует спокойного, взвешенного анализа и, как результат, общественного и государственного реагирования **в интересах народа**.

Можно уверенно утверждать, что на данный момент реклама — колоссальный **рычаг угнетения русской культуры**, разрушения духовного мира свободных граждан России, их духовного угасания.

Конституцией РФ предусмотрено бесспорное право на получение неограниченной информации без *рекламной нагрузки*, и мне, свободному гражданину свободной страны, совершенно не интересны *шкурно-меркантильные* проблемы заказчиков телевизионной рекламы. Представьте себе, что в супермаркете вам предложили в нагрузку к купленной колбасе дохлую мышь или крысу, а в мебельном магазине к дивану — топорно сляпанный табурет..

Телевидение, радиовещание, киноискусство являются национальным достоянием страны и народа, и никому не дано права делать их средствами подавления психики, морально-нравственного террора, деформации детского и юношеского сознания, орудием массового оглупления огромных континентов взрослого населения страны, ведущим к искривлённому, неадекватному восприятию окружающей жизни. И только *правовая неопределённость* позволяет дельцам-рекламщикам использовать рекламное насилие в качестве наживы за счёт психического и физического здоровья большинства народа.

Лиц, заинтересованных в сложившемся разбойно-насильственном нагнетании рекламы во все радио- и телевизионные программы, непомерном процентном соотношении с продуктивными, полезными теле- и радиопередачами, в обществе насчитывается ничтожное меньшинство, и никто не давал и не может дать этому меньшинству права терроризировать практически всё население страны безудержной пошлостью, безвкусицей, вульгарными слоганами, примитивнейшей и бездарной рифмовкой — причём, не в разовых случаях и ситуациях, а круглосуточно — массивным, никогда не ослабевающим напором с сотнями ничем не оправданных повторов в течение любой тематической передачи.

Поэтому уместно выразить требование к верховной и законодательной власти, попустительствующей безнаказанному произволу **рекламной бесовщины**:

1. Привести безумную ситуацию дикого рекламного разгула в соответствие с конституционными нормами и правами граждан;

2. В Государственной думе исключить лоббирование депутатами всех уровней интересов торгашеского меньшинства, внедряющего рекламу во все сферы жизни, в ущерб многократно преобладающему большинству трудового народа;

3. Выделить для рекламных нужд специальное отдельное время на всех каналах либо отдельный канал — с тем, чтобы каждый свободный гражданин отслеживал интересующую его рекламу в меру необходимости для себя, а не становился жертвой тотального рекламного насилия;

4. Запретить использование в рекламе детей;

5. Ввести на законодательном уровне строгую ответственность за рекламную манипуляцию общественным сознанием и попытками его насильственной деформации (одной из форм таковой ответственности могло бы стать лишение лицензии на предпринимательскую деятельность и иных разрешительных документов), а также определить конкретный механизм получения экспертных заключений на рекламную деятельность.

ДВА РАССКАЗА

КОПАНКА

По степной укатанной дороге Илья-углекоп возвращался из Кубы в свою нору. Устало повизгивали старые велосипедные колеса тачки, встряхивалась на кочках стопка пустых мешков, живым зверьком подпрыгивал на грязных досках тощий рюкзакишко с провизией.

Шахтерский рудник, где лет восемь назад закрыли шахту, на местных картах обозначался поселком Дзержинским, но оставшиеся обитать в нем люди называли его Кубой. Наверное, из-за его отдаленной заброшенности и отношения властей к аборигенам.

Еще крепкие здоровьем и разумно пьющие кубинцы давно подались в чужие края искать заработков на жизнь, а в поселке остались существовать старики, шахтерские вдовы, увечные калеки и невозвратно спившиеся особи обоих полов. Их Илья и снабжал углем для обогрева жилья в долгие и суровые зимы. За мешок собственноручно добытого «черного золота» брал недорого, но ему вполне хватало на харчи, курево и изредка на выпивку.

ПРОЗА

Копанку-кормилицу завещал Илье умиравший от запоев и туберкулеза случайный знакомец, с которым одну зиму обитали вместе на чердаках и в подвалах города.

Осваивая промысел, Илья едва пережил минувшую осень. Когда в конце сентября занудили мутно-зеленые дожди, пришлось ковырять уголь на коленях, по мошонку в холодной и вонючей воде. Выбраться на Кубу, чтобы продать товар и запастись провизией, по расплзшейся, как каша, степи стало невозможно.

Илья варил и обжаривал на костре затопленных в норах сусликов или еврашек, какие-то бледно-голубые рыхлые грибы, кипятил чай из скукоженных ягод шиповника, курил сырые, пахнущие могилой, коренья.

Когда в одну ночь схватило льдом полную воды копанку, Илья в горячке валялся на ворохе пустых мешков, не имея сил разжечь буржуйку в халабуде. Но, слава богу, выжил, хотя и не один раз порывался вернуться в город.

А весной попал на мощную угольную жилу, обзавелся нужным для угледобычи инструментом и почти уговорил плешивого козопаса продать ему остатки старого мотоцикла с коляской.

Паша держал стадо коз и мечтал о спутниковой тарелке, чтобы смотреть по телику порнуху. А Илье позарез нужен был мотоциклетный мотор, который можно приспособить под лебедку, чтобы таскать из норы корыто с углем, и под насос, чтобы откачивать воду.

Непредвиденно удачно начинался год. Но Илья никогда не был удачливым человеком. Жил как карта судьбы выпадет, и к сорока годам понял истину, что деньги к деньгам идут, нужда к нужде, а тюрьма к тюрьме.

Весной в окрестностях Кубы объявились крутые копачи на черных гробоподобных джипах, снаряженные огромными экскаваторами, похожими на гигантских оранжевых пеликанов, и стадом по-звериному ревущих самосвалов. Эти беспредельщики не признавали ни законов, ни власти, а, выбрав уголь, оставляли в степи огромные котлованы, куда нечаянно падали и убивались насмерть коровы, козы и даже нетрезвые кубинцы.

Свою копанку между расплзшимся древним терриконом и глубоким глинистым оврагом Илья замаскировал сухими ветками и дерном так, что и зоркий степной орел не обнаружит.

Он уже добрался до плоского, наискось торчащего из земли камня на обочине дороги, где ему надо было сворачивать в степь, как услышал за спиной нарастающий рокот автомобиля. Он нырнул в пыльные, затянутые сетью липкой паути-

ны кусты терновника. На дороге резко остановилась бывалого вида «девятка» цвета старого террикона. Из машины нервно выскочил накачанный парняга в черной майке и светлых джинсах.

Он рванул на себя заднюю дверь, вытащил за руку и бросил на дорогу растрепанную девицу в короткой юбчонке и расстегнутой нараспашку блузке. Здоровяк с размахом стал пинать ее ногами в белых кроссовках, хрипло приговаривая: «Ах ты, сучонка хитрожолая! Без бабок на глаза мне не попадайся!» Через минуту машина, презрительно фыркнув и попукивая сизым дымком, резво помчалась в сторону города.

«Хорошие бабы на дороге не валяются», — подумал Илья.

Девица, свернувшись кренделем, лежала на боку в увядшей пыльной траве.

— Живая? — носком ботинка Илья коснулся ее бедра.

Дамочка отзывчиво зашевелилась, потянулась к Илье.

— Эй, муж-ж-ик...

Ее тускло-зеленые глаза безуспешно пытались навести резкость.

— О-о, да ты еще и бухая, — покачал головой Илья.

— Мужик, забери меня. Я тебе что хочешь сделаю.

«Вообще-то любая баба в хозяйстве пригодится, — размышлял Илья. — Отвезу на копанку, за ночь откиснет, а утром разберемся...»

От дороги до норы он обычно добирался за полчаса, а с увесистой находкой, по-щенячьи свернувшейся на тачке и не издавшей в пути ни единого звука, прибыл, когда уже чернильные сумерки тягуче растекались по зарослям кустарника. Здесь хоронилась его халабуда, так Илья называл свое жилище: полуразрушенное каменное строение, в котором когда-то находилась шахтная лебедка, таскавшая вагонетки по наклонному стволу.

Илья присел на старую автомобильную шину, закурил плоскую сигарету без фильтра и по привычке устремил свой взгляд в ту сторону густеющего синевой неба, где всходит первая звезда.

Летом он часто устраивался на ночлег на ворохе пустых мешков, сваленных под стенами халабуды. Просыпался он от резкого запаха настоящей на травах росы, когда первые солнечные лучи нежным теплом касались его лица. Умывался водой из пластиковой бутылки, натягивал на голову резиновые ремешки китайского фонарика, бросал в корыто кирку и лопату и спускался в нору. Некоторое время спустя выбирался из нее, волоча за лямки, как бурлаки баржу, корыто, полное угля.

Когда оловянное солнце расплавилось на полнеба, а гора добытого угля закрыла просвет между кустами, сквозь который была видна дорога на Кубу, Илья присел на автомобильную шину и достал из рюкзака пластиковую бутылку.

— Это пиво? — услышал за спиной. — Гостья в его клетчатой сэкондхэндсовской рубашке неустойчивой походкой выходила из-за угла халабуды. Волосы были кое-как причесаны, нижняя губа вывернута и скособочена, белые глаза в лиловых кругах.

Илья молча протянул ей бутылку.

— Зоя, — представилась девица, вытирая грязной ладонью пену с подбородка.

— Илья.

— Так это ты уголь на Кубе продаешь?

Во второй половине дня Зоя, будто это была привычная для нее работа, впряглась в корыто, на четвереньках вытаскивала его из норы и насыпала уголь в мешки — по пять ведер в один, как велел Илья.

Вечером они сидели у небольшого искристого костерка, ели растворимую в кипятке лапшу из пакетов и пили круто заваренный чай.

Когда-то у Ильи были женщины, случайные и которых он добивался или, может быть, даже любил. Простодушные и коварные, бескорыстные и скупые, чистоплотные и неряшливые, но по сути — одинаковые. И расставаясь с ними, Илья ни о чем не сожалел и никого не осуждал.

Зою он совершенно не знал, но почему-то не хотел, чтобы она ушла. Однажды она сказала:

— Ты меня ни о чем не расспрашивай. Я тебе потом сама всё расскажу.

Однообразные дни катились к осени, небо тяжелело и всё ниже опускалось к земле, всё меньше звезд появлялось на нем по ночам.

Как и прежде, дважды в неделю Илья возил на продажу уголь и возвращался с провизией и деньгами, хотя покупателей в кредит к осени становилось больше. Деньги он, не торопясь, пересчитывал и туго сворачивал в рулончик, перетянув его красной резинкой. Рулончик тщательно заворачивал в кусок полиэтилена и прятал в носок, который никогда не снимал. По подсчетам Ильи, необходимая для покупки мотоцикла сумма набиралась к концу осени.

Говорят, чтобы уснуть, здоровому человеку хватает семи минут. Илья камнем погружался в омут сна, как только голова его касалась жесткой стопки мешков, источавших запах угля. Стремительное падение оборвалось, когда он ощутил под боком мягкое тепло и услышал:

— В твоей халабуде одиноко и страшно.

Все отчетливее проявлялись приметы приближавшейся осени. Сквозь багровые космы кустарника уже четко прорисовывались ультрамариновые силуэты Кубы, а по ночам на землю тяжело, как выстиранная простыня с мороза, опускался холодный туман.

Илья перебрался в халабуду. За день надолбавшись увесистой киркой и намахавшись широкой лопатой, вечерами он замертво валился на жесткий топчан, но по утрам, как только ощущал послушное тело Зои, его охватывало непреодолимое желание.

Беда, как обычно, приходит, когда всё в жизни начинает удачно ладиться.

В то утро Илья привычно забрался в нору и уже приладившись стальным клювом кирки к угольному уступу, как спиной почувствовал гнилое дыхание кровли. Он едва успел выскокить наружу, как копанка, утробно прохрипев, изрыгнула из зева дробь мелких камней и дохнула запахом потревоженной могилы.

— Что случилось?! — выскочила из хижины Зоя.

— Полный хандец! — Илья сплюнул тягучую, как смола, слюну, — Кровля села, до пласта не добраться.

— Ну и что теперь? — Зоя присела рядом.

Илья замызанной тряпицей размазывал угольную пыль по лбу, долго выковыривал грязным пальцем сигарету из помятой пачки.

— Теперь топить нам будет нечем, а на носу дожди и морозы, — рассуждал Илья. — Продать нечего. Что жрать будем? Придется тебе на Кубу возвращаться...

— Никуда я не уйду, — прервала его Зоя.

Илья молча курил. Спустя минуту, Зоя тихо, но твердо сказала:

— Илья, не прогоняй меня. Пожалуйста.

— Не успею я до холодов завал разобрать, — сказал Илья. — А до угля еще добраться надо.

С утра сиреневое небо после полудня загустело до грязной синевы и провисло над землей. Низко над степью порывами пронеслся мокрый ветер. В воздухе запахло снегом.

День тянулся долго, каждый сам себе искал занятие. Илья перекладывал с одного места на другое мешки, пересчитывал их. Зоя опустила в овраг к роднику и долго чистила там закопченный чайник.

Ночью она стала рассказывать.

— Мать сошлась с Петровичем, когда мне лет десять было. Отец уехал в Москву на заработки и там растворился. Одни

говорили, что где-то в пригороде под электричку попал, другие — что сидит.

Мать без работы маялась, нищета беспросветная, стала пить. А у Петровича шахтерская пенсия. Квартиру запущенную и в долгах бросили, перебрались к Петровичу во флигель. Стали на пару запоями пить. Мать, хоть и была почти вдвое моложе Петровича, но померла первой, через полгода и он не проснулся.

Я после училища в городе помыкалась: то официанткой-уборщицей в чебуречной у айзеров, то овощами на рынке торговала, то на ремонте дорог горячий асфальт кидала. А жила там же — во флигеле на Кубе.

Однажды мой братец объявился — сын Петровича. Он в городе крутился: то с валютчиками на рынке, то бензином торговал, то стройматериалами. Короче, крутой. «Девятка» у него, музыка из окна бумпает, золотая цепь на шее, гайка на пальце. Говорит: я здесь металл принимать буду. Или освободи помещение, или приемщицей оставайся. Мне деваться некуда, согласилась.

Безработные мужики тащили железо днем и ночью, весь двор завалили. А цветной металл — медь, алюминий — я отдельно в сарайчике под замком держала. Помогал мне один парень... Ну, жила я с ним.

Вроде, всё нормально шло, кое-какие деньги завелись. А как-то Серега приехал и ревизию устроил. Сарайчик для цветного металла открыли, а в нем пусто и в задней стенке две доски сдвинуты. Алкаши по ночам из сарайчика таскали, а утром мне снова сдавали. И со двора тащили. А разве их запомнишь, железки? Ну, Серега и взвился, парня моего побил, наводчиком назвал. А у меня паспорт забрал и сказал: я тебя на счетчик ставлю, до смерти не рассчитаешься.

А как-то нагрянул ночью, пьяный в хлам. Ввалился ко мне в постель, ну и... понимаешь? А потом стал друзей приводить. А что мне делать было? Ни жилья, ни паспорта, ни денег. А весной Серега меня на точку отвез, сказал: будешь деньги отрабатывать. Там еще три девчонки стояли, он их крышевал.

Был у меня один постоянный клиент. Солидный дядечка из начальников. То ли в налоговой, то ли из собеса. Ему на точке светиться ни к чему, а в машине корячиться — возраст не тот. Вот он и приезжал ко мне на Кубу, а Серега это строго запрещал. И деньги мимо его кармана, и посторонних глаз остерегался.

Дядечка был тихим, вежливым и щедрым клиентом. Всегда мне подарки привозил: шоколад, кофе, консервы дорогие. И

платил по высшему разряду. Но, как и все другие, со своей фишкой: у него получалось только если я пьяной была. Смешивал водку с пивом, чтобы я скорее окосела, и вытворял такое, что рассказывать стыдно. Да я и мало что помнила...

Ну, Серега выследил, дождался, когда клиент уедет, ворвался в дом, всё вверх дном перевернул и нашел мою схованку, куда я левые деньги прятала. А я бухая, убивай меня — по фигу! Да ты сам видел.

Серега меня пару раз по анфасу съездил и в машину затолкал. За Кубой выбросил на дорогу: без денег не появляйся, угроблю и зарую! Вот такая история.

Зоя прикурила от окурка новую сигарету, стряхнула пепел на ладонь и стала растирать пальцем.

— Нормальный декамерон, — спокойно сказал Илья. — Переживать о том, что уже произошло, не имеет никакого смысла. Не рви себе сердце напрасно, живи дальше.

Утром Зоя обнаружила Илью, снаряжавшегося в дорогу.

— Попробуем рвануть, — сказал Илья, затагивая шнурки на высоких ботинках. — На Кубе я знаю одного мужика, он взрывником на шахте работал. Наверняка у него что-нибудь подходящее найдется.

— Ты вернешься, Илья? — тихо спросила Зоя.

Илья пристально посмотрел ей в глаза и утвердительно качнул головой.

Оставшись одна, Зоя никак не могла унять охватившее ее беспокойство. Носила воду из родника, начинала уборку в халабуде, бесконечно курила и пила вчерашний чай.

Она выбралась из кустов, окружающих копанку, присела на камень и стала пристально всматриваться в степь, где змеилась еще заметная тропинка, по которой Илья ушел на Кубу.

Внезапно из-за пригорка выкатилась маленькая голосистая собачонка, а вслед за нею показалось стадо коз и низкорослый пастух с выпяченным животом.

Зоя ринулась в кусты, но у халабуды ее догнал жизнерадостный песик, заюлил у ног, заливаясь отчаянным лаем.

Через минуту на площадке у копанки появился козопас. Он устало опустил на автомобильное колесо, снял белую пляжную кепку и стал вытирать ею розовую лысину в росинках пота. Блестевшие под нависшими веками угольные глаза ощупывали Зою и стреляли по сторонам.

— Во, знакомая тачка! — воскликнул пастух. — А меня спрашивают: где Илюха уголь роет? Откуда мне знать, говорю. Мотоцикл у меня хочет купить — это да. А где его копанка — нет мне никакого дела.

Из кустов стали появляться рогатые головы, похожие на чертей, жалобно блеять и обдирать желтыми зубами ветки.

— А ну пошли, идолы! — плешивый замахнулся на стадо длинной палкой.

— Забирай своих коз и вали отсюда! — Зоя вышла из-за халабуды и пнула ногой собачонку.

— А я тебя знаю, — сощурился козопас.

— Ты у Сереги железо принимала. Я про тебя всё знаю.

Пастух поднялся с колеса и сделал несколько шагов в сторону Зои.

— Вали отсюда, козел! Сейчас Илья придет, он тебе плешь на жопу натянет!

— Илья на Кубу подался, я видел, — спокойно сказал пастух. — Ну кого ты из себя корчишь, простипома?! Если я подскажу пацанам, где ваша копанка, то завтра от нее воронка останется. И тебя с Илюхой в ней закопают. Серега теперь с ними в доле. А насчет мотоцикла я могу и передумать...

Козопас вплотную приблизился к Зое, короткими руками обхватил ее за ягодицы. Зоя напряженно застыла, опустив руки и рассматривая пульсирующие жилки на желтой лысине.

— Ну так что? — не поднимая головы, спросил плешивый.

Зоя стряхнула его с себя, повернулась к входу в халабуду, тихо сказала: «Ну ладно, пошли».

Спустя короткое время козопас выскочил из халабуды, затягивая на ходу ремень на широких штанах.

— Эй, козлодоев! — окликнула его Зоя. — Смотри, если выйдет что-то не так, как мы договорились, то я собственными зубами...

— Ну, это понятно, — не оборачиваясь, согласился пастух.

Вечером Илья вернулся с добычей: колбаской взрывчатки, карандашом электродетонатора и мотком цветной проволоки.

Пока он пристраивал взрывчатку в копанке, наступили сумерки.

— Завтра с утра рванем, — сказал Илья. — Тут-то и дел — два проводка к батарейкам присоединить.

Долго сидели на колесе, прижавшись друг к другу, накинув на плечи одну телогрейку. Грязно-фиолетовый, почти черный купол неба был густо проколот искристыми звездами. Луна куда-то исчезла.

— Как думаешь, получится? — спросила Зоя.

Илья только пожал плечами.

— Я вот что подумала, Илья. Мы могли бы пока пожить за те деньги, что ты на мотоцикл откладывал. А до угля доберемся, вернем.

— Могли бы, но их уже нет, — сказал Илья. — Часть за взрывчатку отдал, а потом твоего брата отыскал. Договорились, не тронет он тебя, если что... Остальное я ему потом выплачу.

— И ты ему отдал деньги?! — подскочила Зоя. — Да с ним ни о чем нельзя договариваться! Он же конченный урод!

Утром они проснулись от натужного рева автомобильного мотора. Илья выскочил из халабуды. Черный, в комьях грязи, джип занял всю площадку перед копанкой. У машины стояли трое, похожие не только одинаковыми кожаными куртками и бейсболками, но и щетинистыми рожами.

— Давно не виделись, стахановец! — приседая, развел руками тот, что постарше, и направился к Илье. — «Кю, четланин! А Паша говорил, что без него не найдем. Земля, она ведь круглая, верно? А ее роют все кому не лень.

— Мы же с тобой договорились, — с укоризной сказал Илья.

— Ты кто такой, чтоб я с тобою договаривался? За два мешка угля договориться хотел? — Серега ударил Илью в лицо, и углеком свалился под стену халабуды.

— Не трогай его! — выскочила из хижины Зоя.

— И ты здесь прописалась... — Серега поймал Зою за волосы, ударил лицом о колено, и с размаху всадил носок ботинка в живот. Зоя клубочком покатила в кусты.

— Что же ты делаешь, тварь?! — подскочил Илья и тотчас же получил резкий, как выстрел, удар в висок, свалился на бок, и тяжелые ботинки Сергея гулко и часто застучали по его груди.

— Да брось ты этих убогих. Надо в нору заглянуть, — позвали компаньоны.

Серега сбросил с себя куртку, достал из джипа шахтерскую лампу и на четвереньках спустился в копанку.

— Здесь провода какие-то, — глухо донеслось из норы.

И в этот миг тихое дождливое утро взорвалось так, что низкорослые акации у копанки фейерверком взлетели в небо. Черная огненная лавина вырвалась из норы, навалилась и перевернула на бок джип. Когда машина разорвалась и дымящиеся жестяные осколки разлетелись по кустам, из-за стены лачуги на четвереньках выползла Зоя. В руке она сжимала, как связку гранат, несколько батареек, скрепленных вместе синей изоляционной лентой. Цветные провода, как жилы, тянулись за ней...

По раскисшей от дождя степи тащить за собой или толкать вперед себя тачку с неподвижным телом взрослого мужика — не для женских рук. Но Зоя тащила и толкала, ибо дороже этого груза не было для нее ничего на свете.

Мокрая голова Ильи болталась по грязным доскам, он дышал редко и порывисто, а в груди сипело и булькало, как в закипающем чайнике.

Велосипедные колеса, облепленные комьями травянистой грязи, не вращались, а скользили, но Зоя, переламываясь в поясе и падая на колени, всё тащила и тащила тачку в глубь мглистой степи.

В апреле, когда на месте копанки Ильи уже зиял огромный котлован, Паша выгнал на первый выпас свое стадо. Поздно вечером ошалелые козы в сопровождении пёсика вернулись на Кубу без пастуха.

Только на третий день кто-то из кубинцев обнаружил в мелком овражке обглоданное зверьем тело. Пашу опознали по сандалиям с металлическими пряжками. Говорили, что на пастуха напали дикие кабаны или степные волки...

МИЛЕНЬКИЙ

Городок рассыпался цветными мелками трехэтажных домиков по склонам пологого холма, на макушке которого тянулась потускневшим куполом в небо деревянная церквушка. Слева дымились трубы полуразрушенной электростанции, похожей на мрачный крейсер, потерпевший крушение в океане леса. От электростанции через штабеля брикетов торфа убежали по широкой просеке в лесу кресты столбов электропередачи.

До войны в городке проживало тысячи полторы коренного населения. Народ трудился на электростанции, на торфоразработках и на конном дворе.

Из призванных на войну мужиков мало кто вернулся в городок. Кто-то погиб на фронтах, кто-то попал в плен, а кто-то потерялся на военных перекрестках. Те, кто выжил и вернулся, кто по разным причинам не воевал, кто возмужал за годы войны, те работали в городке на руководящих должностях — начальник милиции, заведующий конным двором, директор школы, начальник торговли, заведующий торфяным складом. А женщины трудились на восстановлении электростанции и на заготовке торфа.

В начале войны, не дождавшись немцев, оставленные райкомом подпольщики электростанцию взорвали. Но вражес-

кая армия по каким-то причинам городок обошла стороной. То ли гитлеровцы торопились на Москву, то ли на их фашистских картах не был обозначен городок, затерявшийся в древних лесах, то ли они со своей тяжелой военной техникой боялись утонуть в здешних бездонных болотах.

Как бы там ни было, но оставшиеся без электричества обитатели городка за все четыре года войны ни единого фрица живьем не видели, хотя и оказались в глубоком тылу.

Восстановление электростанции, которую подпольщики пустили на воздух за считанные минуты, шло уже третий год. Специалисты приехали из Москвы. Строители тоже были столичные, а на подсобке работали местные женщины.

Аня Сотникова после десятилетки пришла на электростанцию. Ей бы учиться дальше, но бросить большую маму с двумя сестрами и братом, родившимся накануне войны, Аня не могла. Отец погиб под Ленинградом, а мать, страдая невыносимыми болями в ногах, работала дежурной на конном дворе.

Из-за подростковой внешности и хрупких пальчиков, какие бывают у секретарш-машинисток, Аню ни на торфозаготовку, ни в подсобницы не взяли, а поставили на проходную проверять пропуска и отмечать работников в журнале. Вместе с нею у турникета стоял в солдатской шинели и с пустой кобурой на ремне дядя Яша, изображающий кустистыми бровями и размашистыми усами строгого и бдительного охранника.

И табельщица, и охранник всех работников хорошо знали в лицо, но свои функции выполняли очень ответственно. А все работающие на электростанции отлично знали Аню и дядю Яшу, который до войны служил в пожарной части, и потому на проходной подшучивали над их усердной ответственностью. Особенно преуспел в этом главный энергетик Лев Борисович Гринев. Он быстрым шагом входил в тесное помещение проходной и обращался к охраннику: «Как дела, Яков? Врагов, вредителей и расхитителей не обнаружил?». Дядя Яша вытягивался в струнку, насколько это позволяли ему возраст и хронический радикулит, прикладывая растопыренную ладонь к виску и строго говорил: «Так точно!». С серьезным выражением лица Лев Борисович продолжал: «Смотри в оба, Яков. И не болтай!» Последняя фраза повергала охранника в ступор, и он едва выдавливал из себя: «Так точно!» В довершение ко всему дядя Яша трепетал от того, что Гринев курил такие же папиросы, как и товарищ Сталин — «Герцеговина флор» и носил такую же бородку, как и молодой революционер Сосо Джугашвили.

К Ане Лев Борисович обращался как к ребенку: «Что же ты такая худенькая, деточка?» Аня только смиренно улыбалась, зная, что главному энергетiku не больше двадцати пяти лет — рассказывали те, кто работал с ним в Москве и знал его безбородым.

Дядя Яша отвечал за Аню: «Ей гулькизы не хватает, товарищ Гринев».

После этого, каждый раз появляясь на проходной, Лев Борисович протягивал девушке то ириску, то карамельку, приговаривая: «Вот тебе гульказа».

Высокое двухэтажное здание с белыми колоннами вдоль фасада, с черным колоколом репродуктора, торчавшим из круглого чердачного окна, стояло в центре городка. Это был клуб энергетиков. Здесь и поселились командированные специалисты. В зрительном зале с наклонным полом в четыре ряда елочкой стояли скрипящие железными суставами кровати. Посреди сцены, на кирпичном постаменте, возвышалась закопченная бочка печки-буржуйки.

Директор электростанции жил в кабинете — поближе к телефону прямой связи с Москвой. Главный энергетик Гринев поселился ближе к трудовому народу — в клубе. Но обосновался он не в зрительном зале, а в узкой комнате с одним высоким окном, на втором этаже. Раньше здесь был кабинет заведующей клубом.

Худосочный, немалою роста Гринев как-то размещался на ночлег на узком и коротком диванчике. Центром его жилья был огромный двухтумбовый стол со столешницей, обтянутой такой же потертой кожей, что и диван. Здесь царил невообразимый холостяцкий беспорядок: гора окурков «Герцеговины» в глубокой общепитовской тарелке, растрепанная кипа газет и раскрытых книг, несколько мутных стаканов с недопитым чаем, замшелый ломоть хлеба, банка, из горлышка которой торчал зонтик укропа, а в сывороточной мути тонули, ворочаясь, коричнево-зеленые снаряды соленых огурцов.

Через телефонный аппарат свисал до пола полосатый галстук. То там, то здесь можно было заприметить заткнутые куда попало бутылки из-под коньяка. А в выдвинутых ящиках стола можно было обнаружить скомканные рубашки, задубевшие носки и сатиновые трусы.

На широком подоконнике, среди разбросанных коробков папирос и спичек, стоял, прислоненный к стеклу, большой фотопортрет в рамке: девушка в шляпке, тень от полей которой наискось легла на удлиненное лицо. А над столом висела огромная картина в багетовой раме цвета «старой бронзы».

На холсте был изображен товарищ Сталин с усами полководца Семена Буденного. Вождь в белом френче и с трубкой в руке возвышался на фоне панорамы здешней электростанции, густо дымящей трубами.

То, что Гринев поселился в кабинете заведующей клубом, стало поводом для домыслов досужих обитательниц городка. Бледнолицая и манерная, с крутыми линиями фигуры, завклубша Елизавета Сергеевна, пребывая в благополучном замужестве за директором школы, отличалась повышенным вниманием к мужскому полу, особенно принадлежащему к руководящему составу. Никаких явных фактов порочной связи приезжего молодого энергетика с молодящейся энергичной дамой от местной культуры, конечно, не было. Но слухи Гринев не опровергал, а только ухмылялся. А Елизавета Сергеевна таскала из дома в свой кабинет какую-то еду, брала стирать рубашки энергетика.

В шесть утра обитателей городка будил перезвон кремлевских курантов, который доносился из репродуктора-колокола. И весь день он вещал новости и надрывался известными советскими песнями. Чаще всего звучала особо популярная — «Летят перелетные птицы».

По субботам в клубе обязательно был вечер танцев. Танцевали в просторном фойе под аккордеон, на котором играл местный музыкант: узкоплечий, кудрявый с залысинами, в круглых очках с толстыми зеленоватыми линзами, в вельветовом пиджачке и широких штанах на подтяжках. Музыканта звали Гришей. Он почти ничего не видел и на работу его никуда не брали. Летом Гриша ловил раков и, вареных, продавал у пивного ларька по копейке за штуку.

Там же он и играл на своем аккордеоне. Деньгами мало кто давал музыканту, но он не отказывался и от горбушки хлеба для себя и малой сестры, с которой они квартировали у каких-то дальних родственников. Они появились в городке еще до войны. Говорили, что жили они с родителями в Москве. И что Гриша как будто учился в консерватории. По слухам, родители-врачи оказались вредителями, и где они сейчас — неизвестно.

Когда Гриша играл, вокруг него ничто не существовало. Большую кудрявую голову на тонкой шее он склонял к красно-черному перламутру своего инструмента, прижимался к нему ухом, и его чуткие пальцы ласкали костяного цвета клавиши. Когда коротко и длинно всхлипывали аккорды, Гриша напрягался и встряхивал кудрями. Играл он какую-то удивительную и неизвестную обитателям городка музыку, а на танцах в клубе охотно исполнял все, что заказывали.

По воскресеньям иногда крутили трофейные и наши довоенные кинокартины. Буржуйку на сцене занавешивали белым полотнищем экрана, а зрители располагались на кроватях командированных. Обычно киносеанс несколько раз прерывался из-за того, что рвалась пленка или гасли угли проектора. Когда в зале внезапно зажигался свет, то поднимался визг, крики и смех, а на некоторых кроватях можно было увидеть парочки, расположившиеся отнюдь не для просмотра кино.

Дым папирос клубился над закопченным лепным потолком, пустые бутылки выкатывались из-под кроватей по наклонному полу, тонко звенели граненые стаканы.

В клуб Аня приходила с двумя школьными подружками. Собираясь на танцы, девушки обменивались нарядами и украшениями. Но как ни наряжались девушки, внимание на них обращали только прыщавые парни-одногодки. У командированных популярностью пользовались зрелые девушки с выпирающими формами и призывным блеском накрашенных губ. Ане с подружками, конечно, хотелось бы привлечь к себе внимание взрослых мужчин, от которых пахнет папиросами и одеколоном «Красная Москва». Но ее только один раз приглашал на танец бригадир электриков в бостонском костюме с ватными плечами, и тот был изрядно подвыпившим и все пытался соскользнуть рукой с ее талии вниз.

На танцах бывал и Гринев. В полосатом пуловере с выпущенным из-под горловины воротником белой рубашки, в широких брюках с манжетами. Лев Борисович, прислонившись плечом к белой колонне и скрестив руки на груди, стоял в дальнем углу фойе и наблюдал за танцующими. Иногда Елизавета Сергеевна объявляла «белый танец», когда дамы приглашают кавалеров, и сама устремлялась к Гриневу, но ее опережали более расторопные дамы. Аня не отрывала глаз от Льва Борисовича, мысленно посылая ему призыв обратить на нее внимание.

И однажды это сработало.

Левой рукой Гринев едва ощутимо обнимал Аню, и она беспокоилась, чтобы его подвижные пальцы нечаянно не нащупали под тонкой тканью платья грубоватые пуговицы-застежки самостоятельно сшитого лифчика.

Другой рукой, чуть приподняв и отведя в сторону, Гринев поддерживал узкую ладошку девушки за запястье там, где сбиваясь с ритма, бьется голубоватая жилка пульса.

Растерянная Аня, чтобы не потерять равновесие в подруж-киных великоватых туфлях на неустойчивых каблуках, по-

рывисто подалась к Гриневу и уцепилась хрупкими пальчиками в его полосатый пуловер.

Приладившись к беспорядочному топанию партнера, Аня думала, что долгое ожидание того дня, когда Гринеv пригласит ее на танец, было более приятным переживанием, чем этот «тур танго».

— Как всякому плохому танцору, мне колени мешают, Аннушка, — признался Гринеv.

До него ее Аннушкой никто не называл. Дома она была Ньюрой, в школе ее звали Анкой, подружки называли Анютой.

«Тур танго» как-то быстро закончился, или девушек просто пошадил музыкант Гриша, который весь танец пристально смотрел на нее сквозь зеленоватые стекла круглых очков. Иногда Гриша снимал очки, пальцами растирал выпуклые веки и растерянно смотрел по сторонам большими черными глазами с розоватыми прожилками на белках. Встречаясь с ним взглядом, Аня думала, что Гриша притворяется слепым.

Гринеv под руку повел Аню не к ее подружкам, а к высокому окну с широким мраморным подоконником. Там стояла консервная банка с окурками и пустой граненый стакан. Гринеv присел на подоконник.

— Как работается, Аннушка? — спросил он, прикуривая папиросу.

— Очень хорошо работается, Лев Борисович, — с облегчением сказала Аня. — Спасибо, что взяли. И дядя Яша очень хороший человек.

— Яков? Ну да, как поэт сказал: «Гвозди бы делать из этих людей!»

— А я больше Симонова люблю, — радостно сообщила Аня.

— Симонов здесь ни при чем. — сказал Гринеv, всматриваясь в темное окно, где тревожным маячком вспыхивал огонек его папиросы.

Аню несколько смутил тон сказанного Львом Борисовичем, и она снова почувствовала себя скованной и напряженной.

Обернувшись к девушке, окинув ее оценивающим взглядом, Гринеv сказал:

— А «гулькoза» пошла тебе на пользу, прав был Яков. Женственнее становишься. Сколько тебе лет?

— Скоро восемнадцать будет, — простодушно ответила Аня.

— Надо же, — покачал головой Гринеv. — Но все равно танцевать с тобой я больше не буду. Не люблю я танцев, букетов и вообще — ухаживаний.

— А вы хотели за мной поухаживать?

— Не люблю я этого, — сказал Гринев и закурил новую папиросу.

— А что же вы любите?

— Люблю одиночество, коньяк, осень и дожди. — Что-то я продрог, — сказал Гринев. — Пойду согреться в свое одиночество.

Так они и встречались на подоконнике. Их отношения казались странными для завсегдатаев танцевальных вечеров. Гринев и Аннушка не уединялись в полутемных углах, а сидели у окна на виду у всех.

Гринев больше молчал, часто курил, слушал Аню и, похоже, больше думал о чем-то своем. Иногда он рассказывал о Москве, о ее бульварах и прудах, о парках и театрах. Но это был неизвестный Ане мир. Понятны были рассказы Гринева о жизни в эвакуации на Урале и в Ташкенте, где он работал на военных заводах. Там он потерял свою любимую девушку — она с каким-то военным начальником уехала на Дальний Восток, вышла замуж, родила ребенка.

— Она предала вас, изменила! — искренне сочувствовала Аня.

— Да никто никого не предавал. Просто пути наши разошлись, — спокойно говорил Гринев.

— Как это? Вы же любили ее!

— Тогда я так думал.

Ане многое было непонятно в рассуждениях Гринева. Она рассказывала ему о доме, маме, подругах, вспоминала школьные истории. А он молчаливо слушал, то бесконечно курил, то пристально смотрел на нее, то отворачивался к окну.

В городке стали судачить о непонятных отношениях главного энергетика с табельщицей.

«Гляди, Нюрка, выставят со станции за аморалку, как жить будем? У меня здоровья нет, а детишки совсем малые. Нашла бы себе равного...» — бурчала мать.

И даже вахтер дядя Яша однажды сказал напарнице: «Эти ширли-мырли, Анютка, не одного хорошего мужика сгубили. А он же партийный. Отступись».

За неделю до Нового года на городок обрушился снегопад. Снег сыпался так обильно и густо, что ни горизонта, ни неба нельзя было различить в белой канители. Потом из-за леса налетели порывистые ветры и запуржило, завертелось всё вокруг, будто над городом пронеслась белая конница. Посиротски заскулили поземки, шныряя по извилистым улочкам и кривым переулкам, занесли снегом все пути-дороги.

По-старчески покряхтывала пустая колокольня церквушки, а ее серебристый купол без креста унесся по снежной круговерти в небеса.

На третий день снегопад унялся, на электростанции налаждался обычный режим работы, но утром Гринев не появился. Всегда приветливая и разговорчивая Аня затаилась за деревянным барьером, беспорядочно листая страницы толстой амбарной книги.

— Слышал, что Гринев на станцию поехал, — прихлебывая чай из алюминиевой кружки, как бы между прочим обмолвился дядя Яша. — Говорят, оборудование получать. Еще до метели уехал, должно, к вечеру вернется.

Зимой в этих краях ранние вечера коротки, а чернильные ночи разливаются внезапно. Работники электростанции заканчивают смену, когда в разбросанных по холму домам разноцветными прямоугольниками светятся окна.

Дядя Яша, перекинув через плечо ремень офицерского плашета, ушел, не попрощавшись как обычно, а только пробурчал: «Не положено здесь оставаться. Может, он утром вернется. Шла бы домой...»

До полночи Аня неподвижно сидела у маленького оконца проходной, не отводя глаз от едва заметной дороги, убегающей в черный зев лесной просеки. А после полуночи небо потемнело, и снова густо посыпались голубые хлопья. Порывы ветра поднимали снег с земли, перемешивая его с тем, что сыпался с неба, и спящие дома объяла снежная пурга. Уже нельзя было различить дороги в лохмотьях снежного кружева, брошенного ветром в оконце проходной. Уже ледяным страхом схватывало грудь от хищного завывания ветра в щелях оконной рамы.

Аня выбежала во двор, придерживая руками то вязаный берет, то ворот телогрейки. В деревянном здании конторы оранжево светилось большое окно на втором этаже.

По широкой лестнице с шаткими перилами Аня поднялась на второй этаж и заглянула в щель при открытой двери. Аня открыла ее пошире и увидела лысого мужчину в замызганной на большом животе майке и застиранных синих трусах. Он сидел на большом кожаном диване с высокой спинкой, опустив желтые с вздувшимися лиловыми венами ноги в белый таз.

— Выйди за дверь, я штаны одену, — сипло сказал он, и Аня поспешно прикрыла дверь. Через минуту услышала:

— Проходи.

Ане редко приходилось бывать в конторе, а на второй этаж, где был кабинет и одновременно жилье директора, она никогда не поднималась.

— Ты кто? — натягивая на покатые плечи ремни подтяжек, которые держали широкие черные брюки-галифе, спросил директор.

— Табельщица Аня.

— Чаю хочешь? — спросил лысый и, не дожидаясь ответа, налил из чайника кипятка в тонкий стакан в металлическом подстаканнике.

— Присаживайся, — пригласил к столу, натягивая на распаренные босые ноги белые бурки, прошитые полосками красной кожи.

— Чего стоишь? Проходи. Сахара нет, но есть черничное варенье.

— А где Гринев? — оставаясь у двери, спросила Аня.

— Энергетик? А ты ему кто? — взяв Аню за локоть и подведя к столу, спросил директор.

Аня пожалала плечами и робко присела на стул.

— Понятно. Вот варенье, а вот печенье.

Директор подвинул к девушке банку с торчащей в ней ложкой и печенье на блюде. Снял со стула черный френч с Красной Звездой боевого ордена, набросил на себя, не застегивая золотистых пуговиц.

— А ты подумала: сбежал. Напроказничал и деру дал?

Директор взял из открытой коробки «Казбека» папироску и закурил.

— В райцентр я отправил твоего Гринева оборудование на станции получить. Вчера звонил: получили и выехали. Выходит, застряли где-то. Грузовичок у них дохляк, по снегу не ездок. Я им трактор навстречу послал, на колесах — цепи, а тут опять запуржило.

Директор сел за стол под большой картиной: Ленин у карты Страны Советов, пошарил рукой в тумбе стола, за горлышко вытащил начатую бутылку водки.

— Не обращай внимания, — махнул рукой в рыжих волосах.

Директор опрокинул в себя с полстакана водки, потрогал седую кисточку усов под мясистым в черных дырках носом и продолжил.

— Гринев, конечно, еще этот крендель, но... без подлянки мужик. Этот пробьется. Два грузчика с ним, шофер, тракторист.

— А когда пробьется? — робко спросила Аня.

— Ну не знаю. Может, к вечеру. — Директор встал из-за стола и подошел к окну. — Вроде, унимается. Но ты, детка, домой уже не ходи. Приляг здесь на диване, а я к дежурным энергетикам — руководить надо.

Аня так и не сомкнула глаз. Сидела на краешке дивана и тупо смотрела на Ленина у карты ГОЭЛРО.

Когда потускнел свет настольной лампы под желтым абажуром, а заметённые снегом окна посеребрил зимний расцвет, Аня на цыпочках вышла из директорского кабинета, стремглав бросилась вниз по лестнице, утопая в снегу, пробралась к домику проходной и стала ожидать работников первой смены.

День был тихим и морозным. Снег серпантинном осыпался с проводов, вороны, нахохлившись, сидели на крышах домов поближе к трубам, от людей, входивших на проходную, валил морозный пар. Но ни днем, ни вечером Гринев так и не вернулся.

Латунное сито луны, просеяв звезды, повисло посередине лазурного неба. Черные тени, надломаясь, падали на голубой снег от похожей на шахматную ладью пожарной каланчи, от пушечного дула водопроводной башни, от скелета колокольни и репы купола без креста.

Тесная кухонька еще хранила тепло давно погасшей печки. Узкий прямоугольник лунного света освещал подоконник, на котором то гулко, то звонко отбивал время бочонок будильника с мутным треснутым стеклом. Узорная часовая и тонкая минутная стрелки показывали второй час ночи.

Аня сидела на табурете у окна и до слез всматривалась в едва заметную в синих сугробах змейку дороги, которая растворялась в ультрамариновой полоске леса. Кружевные снежинки бились в стекло и сползали к нижнему краю рамы, образуя там пушистую гряду.

В соседней комнате тихо спали дети, да иногда посапывала и шептала что-то, будто молилась, мама. Желтые опухшие ноги уже плохо слушались ее, и она, возвращаясь с дежурства, остаток дня проводила в постели. Маме было чуть больше сорока и, наблюдая за ее мучениями, Аня не желала себе дожить до таких преклонных лет.

В углу, между окном и стенкой посудного шкафа, отражала золотистый свет луны небольшая иконка под тусклым в черных точках от мух стеклом.

Аня никогда не молилась и не знала, какие слова надо проносить при этом, но иногда, отрываясь от окна, про себя повторяла: «Боженька, справедливый и милосердный, помоги ему добраться домой. Прости меня, Господи, если грешила, но, пожалуйста, помоги ему».

Аня хотела помолиться и на церковь, пустая колокольня которой мешала ей видеть дорогу, но она подумала, что там ее

Боженька не услышит. В храме с сырыми стенами и отпавшей штукатуркой много лет уже находится продовольственный склад, а на колокольне живут голуби и коты.

Аня сидела у окна, одетая в ватное пальтецо и обутая в подшитые резиной валенки, готовая в каждую минуту выскочить из дому. Иногда она подхватывалась, когда ей мерещились оранжевые сполохи света на синих сугробах вдоль двух темных бороздок колеи, но потом она догадывалась, что это от редких порывов ветра болтается фонарь на воротах торфяного склада.

Аня и сама не могла объяснить внезапно охватившее ее чувство, затмившее всё происходящее вокруг. Оно возникло, как только она перестала видеть Гринева, и нарастало с каждым днем, доводя ее до безумия. Гринев никогда не говорил ей нежных слов, а обо всем судил с сарказмом, порою цинично. Они ни разу не целовались и даже не касались друг друга.

Ей нравились его неторопливый глуховатый голос, его неспешная уверенная походка и легкий наклон головы, движения худых пальцев, когда он прикуривал папиросу. Она привыкла к тому, что при разговоре Гринев лишь мельком смотрел в глаза собеседнику, а потом отводил взгляд в сторону и продолжал говорить, вглядываясь куда-то в даль.

Дни без Гринева превратились для Ани в единый мучительный комок времени. Утром она приходила на проходную, машинально отмечала работников, не отрывая взгляд от окошка. Слышала, как что-то бормочет дядя Яша, как, причмокивая, он пьет чай из железной кружки, как, прощаясь, уходят люди. Вечером она жарила картошку в огромной сковороде, что-то стирала детям, мыла ноги маме. Но думала только о Гриневе. Аня верила в судьбу, которую невозможно предсказать или изменить, но она уже понимала, что в этом беспощадном мире судьба наиболее жестоко распоряжается жизнью людей искренних, открытых, ранимых. Таким был Гринев и такою была она. И это главное, что связывало их. Любовь это или нет — она не знала.

За ночь Аня придумала, что будет делать утром. Она не была уверена в том, что мама позволит ей взять мерина с санными, на которых возят хлеб. Но девушка надеялась убедить конюха Семена — младшего брата дяди Яши — отправиться с нею навстречу застрявшей экспедиции Гринева.

Улетев в своих размышлениях далеко от окошка кухни, Аня возвратилась в реальность, когда стала различать две прыгающие красноватые точки на изумрудной полоске между синей землей и золотистым от лунного света небом.

Аня еще подождала секунду пока красные точки пожелтели, стали лучистыми, и тогда она бросилась из дома.

Ближе к утру желток луны потускнел и оплыл к горизонту. Длинные фиолетовые тени покромсали весь городок, и Аня пролетела их, будто преодолевала барьеры, видя перед собою только два оранжевых искристых огонька, которые уже плясали у поворота дороги к электростанции. Ей уже слышалось тарахтение трактора, и она свернула с колеи на пунктиром протоптанную в снегу стезжу через школьный сад к клубу.

Аня выскочила на вытопанную у фасада клуба площадку, свернула к дороге и попала под пляшущие лучи фар похожего на паучка трактора.

Трактор остановился, продолжая недовольно рычать, из кабинки-скворечника лихо выскочил низкорослый тракторист в толстых ватных штанах, куцей телогрейке и танкистском шлеме:

— Вот так встреча! А почему без оркестра?

Из-за трактора сквозь тарахтенье кто-то выкрикнул:

— Чего стоим?

Аня ринулась мимо тракториста и наткнулась на нелепую долговязую фигуру в тулупе и нахлобученной до ушей шляпе с поникшими полями. Она уцепилась в рукав тулупа, свисавшего с колен, и обняла его, почти шепотом произнося одно слово:

— Миленький, миленький.

— Аннушка? Как ты здесь оказалась? — спросил Гринев, приподнимая ее. Аня не отпускала рукав и бесконечно повторяла: «Миленький, миленький...» От Гринева пахло промокшей овчиной, табаком и водкой.

— Ну что ты, Аннушка? — прижимая к себе голову девушки, говорил Гринев. — Всё нормально. Застраили под хутором Брюховичи, сутки в избе просидели — пили-ели, спали. Хозяева хлебосольные попались. Хорошо, директор догадался трактор прислать. Да и впереди с лопатами шли.

Но Аня не слышала, что говорил ей Гринев. Сквозь овчину полушубка она ощущала его живое тело. Губы ее беззвучно повторяли: «Миленький, миленький...» Она и сама себе не смогла бы объяснить, почему именно «миленький». Это слово пришло к ней неведомо откуда, как и слова молитвы, которых она никогда ранее не знала.

— Борисыч, ну ты уже дома, — крикнул из-за своего трясущегося агрегата тракторист. — Чего тебе на электростанцию ехать? Разгружаться все равно утром будем. Я к командиру зайду, доложу, он по ночам не спит. А ты лечись, горишь

весь. Водочки с перцем подогрей и хлопни, к вечеру как огурчик будешь.

— Малосольный, — ухмыльнулся Гринеv.

Трактор, а за ним на прицепе и грузовик, крытый брезентом, потряслись мимо клуба в сторону светящихся огней электростанции.

— Свет не включай, от луны видно, — попросила Аня, когда Гринеv по привычке потянулся к выключателю. Он сбросил тяжелый и сырой тулуп на пол у дивана и присел, обняв себя руками. Лицо Гринева пылало жаром. Волосы под шляпой сбились в мокрые космы, а голова тяжело откинулась на спинку дивана.

— Что же ты, миленький? — засуетилась Аня, укладывая Гринева на диван.

— Там где-то коньяк на подоконнике и папиросы подай, — попросил Гринеv.

— Что ты, миленький! Курить не надо, а коньяк пригодится.

Аня стащила с него свитер и стала расстегивать ремень на брюках.

— Э-э, нет! — отстранил ее Гринеv. — это я уж как-нибудь сам.

Аня присела на корточки и прямо из бутылки стала поливать коньяк на грудь Гринева, растирать его ладонями.

— Оставь хоть немного вовнутрь! — взмолился Гринеv.

Пока он прямо из горлышка допивал остатки коньяка, девушка стащила с себя шерстяные носки и кое-как натянула ему на ноги, сняла с себя растянутую мамину кофту и накрыла грудь.

Быстренько набросала на него свое пальтецо и тулуп, и стала перед ним, как свеча, в одной сорочке. Но луна уже не заглядывала в их узкое окно...

Аннушку разбудил трескучий звонок. Сразу она не поняла, откуда трескотня, но, выбравшись из-под навалившегося на нее плечом Гринева, приподнялась, ударила головой о полочку на высокой спинке дивана и поняла, что звонит телефон.

Она потрясла за плечо Гринева:

— Э-эй, звонят!

Лев Борисович подхватился и едва не свалился с дивана. Сел на край, встряхнул взлохмаченной головой, взглянул на будильник и хрипло произнес:

— Елы-палы, первый час! Ал-ле, Гринеv у аппарата.

— У аппарата он, видите ли, начальник, — услышал он всегда недовольный голос директора. — А почему не на элек-

тростанции? Под суд пойдешь вместе со шмакодявкой с проходной. Знаешь, сколько за прогул дают? Поедешь лес шкурить на Соловки, понял?

Гринеv молчал, нащупывая на столе коробку папирос.

— Чего молчишь? — после паузы спросил директор. — Должен я строгость проявить? Должен, я тебя спрашиваю?

— Ясное дело, товарищ полковник, — ответил Гринеv, прикуривая папиросу.

— Вот то-то же. Не хочется, небось, на Соловки к врагам трудового народа? Правильно, туда мы всегда успеем. Не могу же я отдавать под суд хороших людей, когда столько всякой мрази на свободе живет. — Усталый голос директора сорвался, он захрипел, закашлялся, через минуту продолжил: — Твою соратницу как зовут?

— Аннушка.

— Разве? Кажется, она иначе назвалась.

— Наверное, Анной.

— Да-да, как я мог забыть? Мою мать Анной звали. Она умерла в голодовку, — директор снова замолчал. — Ты вот что, Гринеv, выходи в ночную смену, сутки подежуришь, заодно и с оборудованием разберешься. В шесть вечера, чтобы как штык у меня был. И Аннушку с собой прихвати, ей тоже работа есть. Ты понял?

— Так точно, товарищ полковник!

Гринеv присел на стул, стал натягивать на себя майку и свитер. Аннушка выбралась из-под пальто, уже одетая в кофту и юбку.

Яркий солнечный свет сделал пыльную и прокуренную обитель Гринева серой и неудобной. Хозяин жилья, чувствуя себя неловко, суетился у печки, приговаривая:

— Ничего, сейчас протопим, чайку заварим, время у нас есть.

Вскоре в печке весело затрещали сосновые ветки, сипло запел чайник, тепло стало подниматься к потолку и растекаться по комнате, растворяя в запахе горящей хвои дурной дух холостяцкого жилья.

Гринеv подошел к Аннушке, робко сидящей на самом краешке дивана, присел перед ней на корточки и спросил:

— Как теперь будем дальше жить, Аннушка?

— У тебя еще температура, — тихо сказала она.

Гринеv поднял голову:

— Ты меня так и будешь называть «миленьким»?

— Я не знаю.

— Да, имя у меня зверское.

Гринеv встал, поднимая за собой Аннушку, но в это время шумно распахнулась дверь и на пороге возникла раскрас-

невшаяся Елизавета Сергеевна в широкой, местами лысеющей шубе из черного кролика.

— О, господи! А я думала, вы на станции, Лев Борисович. А вы вот. Мы ёлку перед клубом устанавливаем, звезда на макушку нужна. Она где-то здесь за шкафом была... Вы потом посмотрите, ладно? А я исчезаю, извините.

Елизавета Сергеевна, пятясь задом, удалилась, плотно прикрыв дверь, и нарочно громко затопала по коридору.

— Вот звезда для макушки! — язвительно сказал Гринеv.

— Я, наверное, пойду. Маму надо успокоить и дети дома одни.

— Давай хоть чаю попьем, — засуетился Гринеv.

Чай заварили расплавленным в ложке жёлтым кусочком сахара. Новости в репродукторе закончились, и стали передавать песни советских композиторов. Как обычно, концерт начался популярной «Летят перелетные птицы...».

Аннушка согрела руки о кружку с чаем и неотрывно смотрела в окно.

— Тебе нравится эта песня? — спросил Гринеv.

— Да, — ответила девушка. — Как ты думаешь, что будет с нашей страной и с нами лет через пятьдесят?

— Мы будем старыми, а страна — молодой.

— Это девушка, которую ты любил? — кивнула Аннушка на фотографию, что стояла на подоконнике.

— Это моя сестра. Она погибла.

— Ее убили на войне?

— Ее убили еще до войны. Она была художницей, училась в Строгановке. Осенью с компанией ездила на этюды в Абрамцево. Там были дачи военных начальников. Пьяные командиры Красной армии развлекались стрельбой по птичкам в кустарниках. А там писали этюды юные живописцы. Одна из пуль попала в затылок самой талантливой студентки. Ее звали Надеждой.

Гринеv отхлебнул из кружки и закурил.

— Убийцу, конечно, не нашли, — продолжил он. — Надя была светлым человеком. Писала и жила широко. Как сама выражалась, «без подмалёвка, а сразу во всю силу цвета». Ее живопись была рельефной, размашистой, сочной. Когда кто-нибудь из ее друзей просил помочь разобраться с цветом, Надя говорила: «Сейчас я пару репинских мазков брошу, и всё оживет».

— Я пойду, ладно? — поднялась Аннушка.

Гринеv подал ей пальто и стал застегивать его от воротника вниз.

Десятиметровую ель срубили и установили перед клубом, вокруг залили каток. Елку со звездой на макушке украсили гирляндой электрических лампочек, покрашенных зелёной, синими и красными чернилами. Лампочки светились пятнисто и походили на разноцветных лягушек. Такой же гирляндой обвили и большой портрет Сталина, который укрепили между колоннами на фасаде клуба.

Держался легкий морозец, из черной бездны неба летел прозрачный снег, бодро издавал песни советских композиторов громкоговоритель, кто на коньках, а кто на подошвах катались вокруг елки.

В пустом фойе поставили буквой «П» столы, накрыли их красным сатином в прошлогодних масляных пятнах, поставили зеленые бутылки и тарелки с небогатой закуской.

Когда пробили полночь кремлевские куранты, выступил директор электростанции. Он долго перечислял всех, за кого поднял свой бокал: за вождя, за партию и правительство, за недавнюю победу, за дружбу народов, за начальство в Москве. Директор разошелся было делать доклад о проблемах с поставкой оборудования, о выполнении планов, о производственных неполадках, но кто-то из уже хвативших лишку дурашливо проголосил: «Горька! Горька!».

Жаждающий выпить народ дружно расхохотался, завклубша чмокнула директора в мясистый нос, стали целоваться и другие, кокетливо зазвенели бокалы и сурово звякнули граменные стаканы.

Директор, закусив солеными грибочками, тихо удалился, и празднующие почувствовали себя вольнее. То и дело кто-то просил внимания, постукивая вилкой по краю тарелки, но единство застолья уже разрушилось, люди стали сбиваться в тесные компании, раздвигать столы.

— Пусть мы и коллективные существа, но вбиваться в стадо не хотим, — заметил Гринев и чуть ослабил намотанный на шее шерстяной шарф. Он надрывно кашлял и лицо покрывалось икринками пота, почти не курил и не ел, а водку пил глотками, как горячий чай.

Букву «П» окончательно разрушили, раставив столы в углы танцевального зала, куда почти не доставал свет большой люстры.

У колонны, грубовато расписанной «под мрамор», присел на шаткий табурет музыкант Гриша и стал пристраивать на колени аккордеон.

— А помнишь, как ты меня на тур танго приглашал? — спросила Аннушка.

— Не-а, это было давно, — вздохнул Гринев, взяв ее за запястье: — Ты у меня останешься?

— Мама и так подозревает, — пожалала плечами Аннушка.

— А что подозревать? Завтра пойдем и распишемся.

— Ты что, мне предложение делаешь? — вскинула брови Аннушка. — Думаешь, я так сразу и соглашусь? Много вас тут таких, командированных!

— А я буду настойчивым, — тряхнул головой Гринев. — Новый год, как праздник посередине зимы, мне не нравится, но я не отношусь к нему, как к началу чего-то нового, и ничего не загадываю на будущее. Любое начало от календаря не зависит. Но если бы мы расписались завтра, то Новый год приобрел бы для нас смысл.

— Я не знаю, — растерялась Аннушка. — А как же мама, дети?

— Мама понимает, что рано или поздно ты выйдешь замуж и начнешь самостоятельную жизнь. Мы не оставим ее с детьми. Я обо всем позабочусь. Ты будешь жить в Москве, учиться...

Аннушка прижалась к Гриневу и негромко сказала:

— Давай уйдем отсюда. Не люблю я коллективное чавканье и танцы.

А танцы были в разгаре, пары вальсировали, обвевая других запахами духов и подмышек. Гриша, прижавшись ухом к аккордеону, вдохновенно играл свою необычную музыку.

Они только уснули, когда свинцовым отливом подернулось черный глянец окна и последнее тепло «буржуйки» улетучилось под потолок. В дверь кто-то барабанил и кричал:

— Борисыч, тревога! Пожар на электростанции!

Надрывался трескучий звонок телефона. Аннушка освободилась из объятий Гринева, стала тормошить его за плечо:

— Просыпайся, миленький!

— Ты что там — умер, Борисыч!

Но Гринев не открывал глаз, обнимал Аннушку, притягивал к себе.

— Да просыпайся же ты! — Девушка дергала Гринева за уши, за нос, пока он не подхватился, соскочил с дивана и заюлил по комнате, не зная: к двери ли ринуться или к телефону.

Дверь размахисто распахнулась, в комнату влетел мужик с ошалелыми глазами в телогрейке на голое тело.

— Борисыч, торф горит на складе, — с запалом начал он, но Гринев махнул рукой и поднял трубку телефона:

— Да-да, Гринев. Слушаю. Хорошо.

Гринев стал натягивать на себя одежду, разбросанную где попало по комнате.

— Что случилось? — Аннушка высунула голову из-под одеяла.

— Торф горит! — снова заорал мужик в телогрейке, ничуть не удивившись появившейся из-под одеяла девичьей голове. — Ты представляешь, что это такое?! Это же пороховая бочка под боком электростанции!

Мужик хлопнул себя по голым ногам и исчез. У двери уже нахлобучивал шляпу Гринев.

— Не оставляй меня здесь, миленький! — воскликнула Аннушка. Она выскочила из-под одеяла и прильнула к Гриневу.

— Дождись меня здесь, пожалуйста.

— Мне так тревожно, миленький! Я с ума сойду! — Аннушка вцепилась в его свитер, и он с усилием оторвал ее от себя.

— Мне надо быть там. Я позвоню...

Но Гринев не позвонил и не вернулся ни в этот день, ни на следующий.

Новогодняя ночь задержалась над городом почти на двое суток, и чистое небо люди увидели только вечером второго января.

Черно-сизые облака клубились над лесом, пористый бурый снег лежал на крышах домов и у дорог.

Вначале с пожаром на торфяном складе пытались справиться собственными силами, но первый день нового года выдался ветреным, и бушующие над штабелями брикетированного торфа огненные языки стали жадно лизать крыши построек электростанции. Со звуком артиллерийских залпов лопалась черепица. Огненные сосульки свисали с оплавившихся электрических кабелей. Стены деревянных построек в мгновение превращались в обугленные скелеты. Всё вокруг взрывалось, бурлило, стонало и завывало. Черный снегопад обрушился на землю. Порывы раскаленного, пропитанного запахом гари воздуха вынуждали отступать суетившихся от беспомощной растерянности людей в обледенелых одеждах.

Уже некоторых недосчитались, а некоторых, завернутых в полосатые одеяла, грузили на сани и отправляли в больницу. Кто-то, уже махнув рукой на бушующий пожар, бросился на поиски пропавших.

Единственная в городке пожарная машина, вся схваченная ледяной коркой, стояла у ворот, и с десятков пожарных в громоздких робах и рыцарских шлемах, путаясь в скользких кольцах шланга, толпились вокруг кабины, понимая свою абсолютную бесполезность.

К полудню в городке появились крытые брезентом грузовики с военными и милиционерами, несколько пожарных машин. На площади у клуба в свете автомобильных фар замельтешили грузные фигуры военных командиров в серых каракулевых папахах и энкэвэдэшников в синих фуражках с красным околышем.

Всех работников удалили за территорию электростанции и оцепили ее солдатами и милиционерами.

Аннушка металась по кучугурам снежного месива, бросалась к торопливо идущим людям, спрашивая: «Гринева не видели?». Кто-то неопределенно пожимал плечами, кто-то видел энергетика с багром у горящего склада, кто-то видел, как он укладывал обгоревших людей на сани.

В больнице Гринева не оказалось. У проходной стоял молоденький солдат с большим для его тощей шеи воротом шинели, в шапке-ушанке, натянутой до бровей. Аннушке он загородил путь: «А ну иди отсюда, а то как стрельну!»

У входа в клуб тоже стоял постовой. Через окно Аннушка видела тускло освещенное керосиновыми лампами фойе, набитое военными и милиционерами. За новогодними столами сидели какие-то военные чины в шинелях и кожаных пальто, пили чай и дымили папиросами.

Уже вечерело, когда над электростанцией взметнулся в светлеющее небо последний сноп искр. Еще сыпались редкие хлопья пепла, повлажневший снег разъезжался под ногами, мрачными стояли дома без света в окнах и подрагивали деревья, осыпая с ветвей черный иней.

На следующий день запустили аварийный генератор, и в городке появилось электричество. Командированных из клуба под конвоем повели на электростанцию.

На проходной Аннушку встретил все тот же солдат с худой в лиловых крапинках шеей. Сказал то же, что и накануне: «Иди отсюда, а то как стрельну!»

Каждое утро Аннушка приходила на электростанцию, но на проходную ее не допускали. Она стояла у ворот в ожидании работников первой смены, расспрашивала у них о Гринева, но командированные только разводили руками. Одни говорили, что энергетик с начальством уехал в райцентр, где выясняют причины пожара, другие предполагали, что все руководство вызвали в Москву.

Дядя Яша после пожара оказался в больнице с сердечным приступом и чувствовал себя худо. На работу он возвращаться не собирался. Разговора о Гринева он избегал, всё хватался за сердце и отворачивался к стенке: «Погано мне, Анютка. Ты ступай себе домой...»

Однажды, отстояв у ворот электростанции до сумерек, Аннушка, подойдя к клубу, обратила внимание на светящееся знакомое окно. Она бросилась на второй этаж, толкнула дверь и застыла на пороге — за столом сидела раскрасневшаяся Елизавета Сергеевна в зеленом из какой-то тяжелой ткани платье с отливом, в вязаной шали на голых плечах, грудь ее двумя дынями лежала в глубоком декольте.

Рядом с завклубшей сидел мужчина с вытянутой бритой головой, в нижней рубашке и подтяжками поверх нее. На столе поблескивала бутылка коньяка, рядышком стояли налитые до половины рюмки на тонких ножках, маслянилась какая-то закуска.

— Драсьте, — сказала Аннушка. — А где Гринев?

Елизавета Сергеевна что-то прошептала на ухо лысому.

— Присаживайтесь, барышня, — жестом пригласил незнакомец, и она обратила внимание на его руку, усеянную гречкой родимых пятен. — Кто такой Гринев?

— Лев Борисович, энергетик.

— Не знаю такого, — сказал лысый.

— А вы кто? — с вызовом спросила Аннушка.

— А я, милочка, заместитель директора по хозяйственной части, — протяжно произнес заместитель и растянул тонкие губы в улыбке. — Да вы присаживайтесь к столу, угощайтесь.

— Можно я портрет заберу? — кивнула Аннушка на фото на подоконнике.

Заместитель вскинул рыжие брови на лысый лоб.

— Да ради бога, милочка. А чей это портрет?

— Да это артистка какая-то, я ее фамилию забыла, — сказала Елизавета Сергеевна.

Аннушка сунула портрет за пазуху и удалилась. Каждое утро торопилась она на электростанцию. Занимала место под старой сосной слева от проходной и стояла там до темноты.

Как только она появлялась, выходил постовой солдат и покрикивал:

— Опять явилась, чокнутая? Сказано тебе: не ходи.

Но Аннушка не обращала внимания на меняющихся постовых и уже ни о чем не спрашивала торопящихся на электростанцию работников. Некоторые сами подходили к девушке и сочувственно говорили:

— Шла бы ты домой, Аня. Мама у тебя болеет, дети одни. Всякое бывает, надо терпеть.

Но она не слышала, что ей говорят, а только крепче сжимала ворот своего пальтеца.

Рано утром к электростанции подъезжал черный трофейный автомобиль, из проходной выскакивал постовой, отда-

вал честь и торопливо открывал ворота. Это приезжал на работу новый директор — высокий широкоплечий мужчина в кожаном пальто и военной фуражке.

Однажды его черное авто остановилось в двух шагах от Аннушки. Директор грузно выбрался из тесной для его комплекции машины, и, прихрамывая, подошел к девушке.

— Ты не ходи сюда, ладно? — мягко сказал директор. — Гринев в Москву уехал.

— Дайте мне его адрес, пожалуйста, — быстро проговорила Аннушка.

Директор взял ее под руку и увлек за сосну:

— Какой адрес?! Осудили его, понимаешь, в тюрьме он сидит. Забудь! И не ходи сюда, а то доходишься.

Утром следующего дня Аннушка снова стояла под сосной.

По субботам Аннушка приходила в клуб на танцы. Первое время она просто молча стояла у колонны, замызанной спинами завсегдатаев. Гриша никогда не начинал играть, если не видел Аннушку. Обменявшись с нею взглядом, он припадал щекой к инструменту и начинал «В лесу прифронтовом».

Аннушка стояла, напряженно вытянув по швам худенькие руки, отрешенно глядя поверх голов танцующих.

В перерывах, когда кавалеры выходили покурить или набраться мужества из запасенной впрок поллитровки, а дамы сбивались в стайки, чтобы поделиться впечатлениями об ухажерах и подтянуть резинки на чулках, Гриша лихо наигрывал импровизации из мелодий популярных песен.

Как-то он стал наигрывать «Летят перелетные птицы», и Аннушка тонким подрагивающим голоском затянула:

*Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой...*

Как только Аннушка запела, в фойе воцарилась оторопелая тишина. На шумно входящих парней шикали притихшие девушки. Некоторые из них доставали из рукавов платочки и прикладывали к повлажневшим глазам, когда Аннушка особенно жалостливо выводила «остаюсь».

*Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.*

*А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона,
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.*

С того вечера Аннушка всегда пела, но это уже не производило того впечатления, только завклубша Елизавета Сергеевна, поднимаясь по лестнице, приостанавливалась, вздыхала и говорила, покачивая головой: «Совсем тронулась девка».

К странностям Аннушки в городке стали привыкать.

Случившееся с дочерью горе привело больную мать к новому директору. Она просила его взять Аннушку хотя бы на какую-нибудь работу.

— Ну куда я ее возьму? — разводил руками директор. — Ее лечить надо, пока не поздно, а ты о работе хлопочешь.

Директор распорядился выписать со склада картошки, муки и крупы, но женщину это не обрадовало, и она поковыляла домой, причитая и всхлипывая.

Вскоре ноги у нее совсем отказались ходить, с неделю она пролежала в постели и тихо умерла. За детьми приехали две рослые мужеподобные дамы из райцентра и увезли их в детский дом. Аннушку забрали в машину с желтой обшарпанной будкой прямо у ворот электростанции.

Весна в тот год объявилась раньше обычного срока. К середине марта набиравшее обороты солнце растопило последние узловатые сосульки, а по просыхающим, но еще липким тропинкам детвора уже всю гоняла ржавые обручи с прогнивших кадушек и каталась на дребезжащих самодельных самокатах с колесами из подшипников.

Электростанцию запустили в эксплуатацию накануне дня рождения Сталина и присвоили ей имя Вождя. На открытие приезжало начальство из столицы и из райцентра. Весь день у клуба бодро играл духовой оркестр, и трубы отбрасывали золотые «зайчики» на лица прохожих. Обновленный зрительный зал от потолка до пола был увешан кумачовыми полотнищами и портретами вождей пролетариата. Директора наградили каким-то орденом. Других начальников — грамотами и отрезами на костюмы, а работягам выписали премию облигациями.

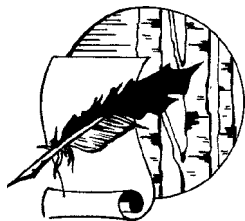
После затянувшегося собрания показали концерт приезжие артисты. Больше других народу понравились лилипуты-циркачи с голубями и собачками.

Командированные уехали, электростанция стала работать как и до войны, а городок зажил своей привычной жизнью.

Люди, как это обычно бывает, погрузились в свои заботы и стали помалу забывать пережитое минувшей зимой. Всё реже вспоминали и историю с Аннушкой. Доподлинно о судьбе Ани Сотниковой никто ничего не знал. А со временем она уже никого не интересовала.

Года через три после кончины Сталина, поздней осенью, в городке объявился незнакомец — высокий сутулый мужчина в кепке с большим сломанным козырьком, в длиннополном плаще болотного цвета и в кирзовых сапогах с рыжими залысынами на носках. Мужчина полдня просидел в пивнушке на базаре с музыкантом Гришей, зашел в клуб и уехал на попутке. Больше в городке он не появлялся. Говорили, что это был Лев Борисович Гринев, а может быть, и не он. Его уже мало кто помнил.

г. Кировск, ЛНР

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

КИСТИ ЧЁРНОЙ БУЗИНЫ

* * *

Твои глаза — литая сталь...
О, нрав на суд и слово скорый!
Прости мне долгую печаль,
В ней нет обиды и укора.

Мне просто хочется молчать.
И в этой строгости не надо
Искать намеренно опять
Причины нашего разлада.

Не оставляй меня одну.
Я так люблю с тобою рядом
Безмолвно слушать тишину
В глухую пору снегопада...

* * *

В каждом шорохе, ноте, звуке
Слышу явно твои шаги:
Всем привыкшим любить в разлуке
Нет спасения от тоски.

Но и в радости жить могли ли?
Редкий миг — и тебе и мне...
Белый ворох увядших лилий
Взгляд печалит в моём окне.

ОТТЕПЕЛЬ

Апрель нагрязнул в январе
По тротуарам, водостокам,
Коснувшись ивы во дворе
Своим дыханием до срока.

И, часто кланяясь, она,
Невольню скинув сон печальный,
Шептала, что пришла весна
Седмицей Светлою Пасхальной.

Земную радость не тая,
Проходим сонным тонко пела
О том, как в мрачные края
Вернутся птицы оголтело.

Кружа над крышами домов,
Паря под небом снежно-серым,
Протяжным эхом голосов —
Наполнят улицы и скверы.

Сорвутся буйные ветра
И, вторя ливневым потокам,
Затеют с ночи до утра
Гулянье с посвистом у окон.

Пойдут плясать на все лады!
А на земле, дождём согретой,
В разгул весенней чехарды
Взойдут повсюду первоцветы.

Бескрайность мягкого тепла,
Нарушив зимние устои,
Всех от велика до мала
Лишит привычного покоя.

Так пела, взгляд к себе маня,
Под шум капли говорливой
На склоне солнечного дня
Теплом обманутая ива...

Но время холода уйдёт..
Весна не может не случиться!
И, зная это, в свой черёд,
Взрывая слух,
вернутся птицы.

ИЮЛЬ

Сумрачно.

Ночь заступила давно...
Туча, за город легко уходя,
Через открытое настежь окно
В доме оставила запах дождя.

Тихая свежесть, увы, до поры —
Утро наступит и в окна опять
Томного ветра горячий порыв
Буйно влетит и начнёт целовать...

НА ПЛОЩАДИ

С томной горячностью южного пыла
То ли цыганка, то ли креолка
В танце на площади в вихрь закружила
Лёгкие складки красного шёлка.

Там, где стояли толпою зеваки,
Тонкие руки неистово, жгуче
Вверх поднимали не алые маки —
Жаркие сполохи ткани летучей.

В дикой подвижности гибкого стана,
Кругом порхая под звуки напева,
Девочка-пламя наигранно-пьяно
Резко бросалась то вправо, то влево.

Птица, горящая болью случайной
В крохотном сердце, лишённом покоя...
Чудо! Живое. Крылатое... Тайна,
Вмиг уводящая всё за собою.

Гнулись открытые смуглые плечи...
С каждым наклоном, внезапным порывом
Длинные волосы, облака легче,
Струйно метались, как дивное диво.

* * *

Над оградой у осины,
Словно в косу, вплетены
Гроздья красные рябины
В кисти чёрной бузины.

После Яблочного Спаса
Слышно стало в вечера
До полуночного часа,
Как срываются ветра.

Облетающие листья
В безмятежности своей,
Желтизной тропинки выстлав,
Ждут исхода летних дней.

Август первую прохладой,
Шумным ливнем говоря,
Вслух поведал птицам сада
О приходе сентября...

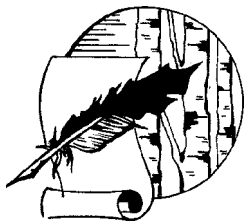
ИДУЩЕМУ С МЕЧОМ

*Без вести павшим в Великой Отечественной войне
посвящается*

Помню всё...
 Переходы, бои, рубежи —
От реки до реки,
 от межи до межи...
Я, как эхо, летящее в гулких лес
Я — не призрак,
 я — твой зародившийся страх!
Я — земля зарастающих братских могил.
Я — вода,
 что ты в озере только что пил.
Я, как ты, тоже был!
 Я, как ты, тоже жил!
Но от пули упал...
 Не дошёл, не доплыл...
Там, где умер от раны
 с таким же, как я,
Через годы стояли мои сыновья.
И тремя
 непокорными
 парами глаз
Я смотрел и задолго
 предчувствовал вас...
И я знал, что бессмертен,
 покуда живёт

В сыновьях и во внуках
 продлившийся род!
И пускай мы безвременно
 в землю легли,
Но от этой солёной
 и горькой земли
Всходы ранней весенней
 зелёной травы
Крепки в стебле
 и прочны, как гладь тетивы.
Не ходи!
 Не пройдёшь.
 Никогда не пройти...
Будет алой дорога на этом пути.
Я — земля,
 я — вода,
 я — стихия огня!
Я вернувшийся ветер вчерашнего дня —
Суховой, ураган...
 И тебя от меня
Не укроет ни щит,
 ни стальная броня!

г. Кострома

Ольга ШМАКОВА

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ...

ПЛАЧ АНГЕЛА

Мела, безумствуя, метель
В холодном поле опустелом.
И снежных вихрей карусель
Скрывала мир за танцем белым.

Лишь голос вьюги, впавшей в раж...
А день назад, ревя, с налёта,
Здесь «Мессершмитт», входя в вираж,
Азартно бил из пулемёта

По людям, вязнушим в снегу.
И, в спины беженцев впиваясь,
Смерть их косила на бегу,
Охотой жуткой наслаждаясь.

Закончив, «мессер» улетел...
Поднявшись в ночь, метель седая
Носилась между мёртвых тел,
Их лёгким снегом заметая.

А над девчушкой чуть живой,
В метельных вихрях незаметный,
Рыдал, от горя сам не свой,
Её хранитель — ангел светлый.

От пуль он девочку сберёг,
Укрыв заботливо крылами.

Лишь отвязать её не мог
От детских санок. Вот бы маме

Подняться, доченьке помочь.
К утру дошли бы до деревни...
Убита мама... Стонет ночь.
И стонет с нею ангел древний...

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

Когда зияет пропасть пред тобой,
И глубины туманной не измерить,
Вниз не гляди... Над бездной голубой
Есть тайный путь. В него лишь нужно верить.
Канат судьбы протянут сквозь провал
Меж скальных стен. Все страхи презирая,
Ступай. Ты слышишь? Ветер пролетал,
С той стороны ущелья нёс, играя,
Негромкий вздох, как будто чей-то зов.
Быть может, в нём твоё звучало имя.
Быть может, там — пристанище и кров,
Что назовёшь когда-нибудь своими.
Не всем дано увидеть тайный путь.
Спасибо тем, кто, сердцем замирая,
На тот канат отважился шагнуть
И путь прошёл от края и до края...

ИГРА В ПРЯТКИ

Я мчусь вперед, стучат босые пятки
По доскам пола дробью озорной.
Всю жизнь свою я с ним играю в прятки.
А он, мой враг, крадётся вслед за мной.

Еще до цели так ужасно долог
Мой тяжкий путь. О, как опасен мир!
Но ждет меня средь лабиринта полук
Мой вкусный приз. Там я устрою пир!

А враг всё ближе — грозный, черно-белый.
И за углом его мелькает тень.
Глаза его — как зоркие прицелы,
А я — его желанная мишень.

Эй, сердце, сердце! Бейся чуть потише.
Не выдавай меня! Еще чуть-чуть,
И для геройской бесшабашной мыши
Закончен будет столь опасный путь:

Вон цель моя! Пора решать задачу.
Шанс лишь один. Решаюсь на бросок!
И кот в прыжке!..
...Я жив! Со мной удача!
Привет, мой сыр, мой лакомый кусок!

ВЕРШИТЕЛЯМ СУДЕБ

Смотрите, вы, вершители судеб,
На нас, убогих, указуя пальцем,
Как дорог нам наш горький черный хлеб
Покрытый сверху огурцом и салыцем.

Вам вкус его не оценить вовек.
Мы этот хлеб по-братски делим с другом.
Лишь тот для нас желанный человек,
Кто в чёрный час кусок пускал по кругу,

А не жевал жадобою тайком,
Свой каравай, за пазуху «ховая».
У вас душа сроднилась с кошельком,
У нас душа — по прежнему живая.

На лизоблюдов, прбдавших страну,
Надежда ваша золотом излита.
Но ведь когда свобода на кону,
Не им вставать с оружием на защиту.

Вам землю нашу не завоевать.
Мы все — родня, не связывайтесь с нами!
Во тьме веков стоит за нами рать,
Смотрите, в небе реет наше знамя!

Мне жалко вас, хозяева судеб.
Вам не спасти себя от власти злата.
А мы печём себе наш чёрный хлеб
И снова делим поровну на брата.

У НОЧНОГО КОСТРА

В костре моём, переливаясь цветом
Мерцают угли. Искры, торопясь,
Стремятся в небо с пламенным приветом.
Горячий дым, таинственно клубясь,

От комаров спасает кровожадных.
Ночь над лесной притихшею рекой
Плывёт, слегка касаясь струй прохладных,
Своей незримой звёздной рукой.

А за спиной, во тьме, за гранью света,
Что очертил пылающий костёр,
Густой туман до самого рассвета
Свои объятия лесу распростёр.

Царит покой. Лишь где-то дышит ветер,
Да чуть слышны русалок голоса.
Лес задремал. Блистая в лунном свете,
Пригнула травы зябкая роса...

Земля заснула тихим сном ребёнка.
И снятся ей прекрасные миры,
Где нет ни войн, ни слова «похоронка»,
А крови жаждут только комары...

ЛЮБОВЬ

Нет для неё преград и нет людских законов.
Она сама себе — и Право и Закон.
Она явилась к нам ещё во время Оно,
И с именем её весь мир наш сотворён.
Подвластны чарам все: крестьяне и бароны,
Да что там! За Любовь не грех отдать и трон:
Слагали короли к ногам её короны.
Познает счастье тот, кто ею окрылён.
Сильна, как ураган, что рвёт деревьям кроны,
Хрупка как тонкий лёд, что только что рождён,
То бьётся и бурлит рекой по горным склонам,
То робка и нежна, как тихий детский сон.
То ласково-тепла, то пламенем дракона
Сердца сжигает тех, кто в сеть её пленён.
Жизнь без неё тиха, разумна и спокойна,
Но я желаю вам, чтоб каждый был влюблён!

ОГОНЬ

(Триптих)

1. Друг

Я печь топлю. В ней плещется огонь ,
Ему в горниле муторно и тошно.
Я им люблюсь, и неосторожно
К огню тяну озябшую ладонь.

Прости меня, что ты горишь в плену.
Прости, что не узнать тебе свободу,
Не убежать лисой по дымоходу,
Лишь выть в трубе , как волки на луну.

Мне по душе твой дикий буйный нрав.
Я знаю, как твой гнев порой опасен.
Но здесь, в плену у печки , ты прекрасен.
О, не мечись как в клетке. Ты не прав.

Не рассыпайся искрами вокруг,
И в жаркой пляске не таи угрозы.
Мне без тебя не пережить морозы.
Согрей меня, мой старый пленный друг...

2. Огонь

Она пришла, и тонкою рукой
Из слабой искры возродила пламя.
И ожил я, и потерял покой,
Взметнувшись вверх, как огненное знамя.

Я заточён обманом в эту печь!
Как в конуре здесь скучно мне и тесно.
Мне б не дрова, мне б эту избу сжечь!
А я в тюрьме кирпичной! Так нечестно!

Я с треском рву поленья на куски,
Я вместе с дымом рвусь по дымоходу,
И голос мой, исполненный тоски,
Гудит в трубе: Свободу мне! Свободу!

Но я слабею... Что это со мной?
О, где же та, что печку затопила?
Приди ко мне! Мне в камере печной
Без новых дров не напиться силой...

...Привет, хозяйка! Дай, лизну тебя.
Я слишком слаб, не вырваться из плена .
Клянусь, твой дом я буду греть, любя.
Ты лишь подбрось, пожалуйста, полено...

3. Печь

Не верь ему! Речей его не слушай!
И притвори мне дверцу поплотней.
Пока он мал — теплом он греет душу.
А уж взметнётся — нет его страшней.

Стихия — он, нет для него закона.
Не уходи, мою послушай речь!
Я стерегу опасного дракона!
Я — страж огня, тепла хранитель — печь.

Вот он, во мне, за дверцею чугунной
Горячим сердцем бьётся и трещит.
Мир замерзает зимней ночью лунной,
Огонь тебе — от белой стужи шит.

Но ты к нему так близко тянешь руки,
Ведь так чарует его зыбкий пляс,
И в дымоходе шепчущие звуки.
Не верь! За зверем нужен глаз, да глаз!

Оставишь щёлку — вырвется голодный,
Съест занавески, стены, крышу съест!
Лишь я из пепла в небосвод холодный
Трубой грозиться буду, словно перст.

Да будет поздно. Головешек груда
Вокруг меня останется дымить.
Ворчи, ворчи, что печь твоя — зануда!
Зато пока мне есть кому грозить.

г. Чехов Московской обл.

О ДУХОВНОМ СОСТОЯНИИ РУССКОГО НАРОДА

Нынешний 2017-й — год столетия Октябрьской революции, события планетарного масштаба. Отношение к нему до сих пор раскалывает наше и без того болезненное общество. «Русское Имперское Движение» объявило 2017-й годом столетия русской национальной катастрофы, коль скоро, по их мнению, «свержение Монархии превратило Россию из Святой Руси в «посмешище бесам». Свой долг лидеры этого движения видят в коренном изменении ситуации. Приверженцы революции 1917 года полагают, что Советский Союз был эталоном для многовекового существования России.

Реальность такова, что большинство граждан России боятся её будущего: оно пугает их своей неожиданностью и непредсказуемостью. Поэтому они готовы искать будущее в прошлом: в имперской или советской эпохе истории страны.

В чём причина этих страхов? По мнению публициста Татьяны Воеводиной, *«мы сегодня находимся на разрушительном этапе и на этапе латания дыр. Восстановительный рост — нужное дело, но это пока не строительство новой жизни. Продажа Роснефти — это не строительство, а латание дыр. То, что этим*

РУССКИЙ МИР

предписано гордиться, — стыд и срам. Ожидание иностранных инвесторов — та же история».

Россия, подрываемая внутренними недругами и окружённая внешними врагами, продолжает неуклонно катиться к опасной черте, за которой начнётся её распад и колонизация. Либеральное правительство блокирует социально-экономическое развитие страны, выводит деньги налогоплательщиков в финансовые системы враждебных нам стран, разрушает системы образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, создаёт бюджетный кризис в регионах. По определению философа Ивана Ильина, всякая власть плоха, если она выдвигает наверх худших. Причина нынешних наших бед уходит в глубину веков, кроется в духовном состоянии русского народа, в надломе его веры в Бога и воли к достойной жизни.

В настоящее время необходимо дать ответы на важнейшие вопросы: какова взаимосвязь религии, идеологии, литературы с духовным состоянием русского народа на протяжении ряда исторических эпох? Какова роль революций в исторической судьбе страны? Как менялись в России формы власти и собственности? Почему в результате ослабления твёрдой веры, сильной воли и созидательной энергии народа верховная власть становилась преобладающе антинародной? Каковы пути выхода из нынешнего кризиса, переживаемого Россией?

Каждой стране на планете Земля Творцом уготовано было своё предназначение: дать добрый или худой пример другим народам и странам. Христианство изменило весь ход мировой и, особенно, русской истории, когда в X веке, в эпоху Киевской Руси, нашими предками принят был его восточный, неискажённый, правый вариант, именуемый Православием. До сих пор противники его не устают повторять многовековую ложь о «неверном» выборе Русью религии «слабых духом людей», выборе, якобы повлекшем за собой неисчислимые беды в грядущих столетиях, тогда как страны, принявшие католический или, особенно, протестантский вариант христианства, сумели обеспечить себе экономическое процветание. Противникам Православия и ранее, и до сей поры не дано понять, что Господь уготовил народу России не материальное богатство, как странам западной, торгово-колониальной цивилизации, а духовное спасение наряду с достойной жизнью.

Согласно православной антропологии, человеку дано от рождения смертное тело, бессмертная душа и дух, что соединяет нас с миром вечных смыслов и сущностей, на вершине которых сверхсущность и сверхреальность — Бог. Духовное состояние русского народа включает в себя крепость его

веры, силу воли, душевное и физическое здоровье, уровень образования, позволяющий дать верную оценку всему происходящему в стране и в мире, созидательную энергию, направленную на качественное улучшение и количественное увеличение народа, стремление создать независимое и сильное государство, способное защитить своих граждан.

Истоки и корни Православия на Руси восходят к Святой земле, где зародилось христианство. По справедливому утверждению писателя Василия Дворцова, *«христианство — самая мужественная вера. Христос дал нам пример величайшего, бескомпромиссного мужества, когда принимал мучения во искупление наших грехов. После Его распятия на кресте ученики разбежались и попрятались, но, узнав о Воскресении Учителя, они вновь собрались и, укрепленные Духом, пошли на апостольское служение, смело принимая крестные муки»*.

В Древнем языческом Риме первые христиане сознательно шли на смерть: их подвергали чудовищным пыткам, их терзали на аренах Колизеев дикие звери, но мученики Христовы ценой своих жизней доказывали, что миру насилия, жестокости и злобы противостоит мир любви, милосердия и доброты. Человеческой алчности противостоит честность и бескорыстие. Греху и блуду — добродетель. Праведность, сила веры и крепость воли, жизнь по Священному Писанию и Преданию быстро умножала ряды христиан: стремительно распространялось оно по странам Ближнего Востока и Запада. После падения Древнего Рима оплотом христианства стала Византия, но вера и воля её христиан под воздействием разного рода земных соблазнов вскоре ослабла: Византия пала под натиском турок в середине пятнадцатого века.

России Господь уготовил судьбу православного Третьего Рима, что означало отнюдь не политическую, а духовно-нравственную преемственность подвигов первых христиан, создание православной цивилизации во всём её величии и красоте. Этот исторический процесс начался в 988 году, когда в Киеве, на берегах Днепра, состоялось всемирно-историческое событие — крещение Руси по православному обряду. Вместе с крещением родилась идея спасения, невозможная без твёрдой веры в Христа-Спасителя. Ещё задолго до формирования русской нации эта идея была нацелена на духовно-нравственное становление и преображение человека в земной и вечной жизни, а в идеале — на создание «Святой Руси». Позже получила она название «русская идея спасения» как спасение каждого смертного от собственных грехов, спасение своей семьи и рода, своей земли и оказание благотворного воздействия на всё человечество.

Преображение бывших язычников в православных христиан было воистину беспрецедентным в мировой истории. Благой пример своим подданным подал киевский князь Владимир, огромное воздействие на которого оказал выбор истинной веры его бабушкой, княгиней Ольгой, и рассказы послов о великолепии православного богослужения в византийском соборе Святой Софии. Не случайно князь, бывший ранее разбойником и насильником, преобразившись, стал Крестителем Руси, Красным Солнышком для своего народа за созидание во благо людей. Примеру его следовали тысячи современников и сотни тысяч потомков. Первыми, принявшими крещение, были именно воины — князья и дружинники.

Правильная вера делала людей неискаженными духовно, Православие воспитывало и направляло человека на правый, «узкий» путь, обновляя в нём образ Божий, вытравляя греховные страсти и помыслы. Идея спасения и добротолубия стала идеологией наших предков. Зодчество, иконопись, литература, знаменные распевы Древней Руси легли в основу русской культуры.

Жестоким нашествиям извне противостояла сила веры и крепость духа наших далёких предков. Воины шли на битвы и побеждали после неустанных молитв в храмах. Могли ли слабые духом люди покорить земли Сибири и Дальнего Востока? Они продвигались на Восток с иконами в котомках, с молитвами на устах, с оружием в руках, но воинов опережали проповедники. Предпочтительным был мирный путь освоения дальних земель, за оружие брались лишь в случаях крайней необходимости. Так постепенно присоединяла к себе Русь другие народы и страны, такими были духовные подвиги Стефана Пермского, Трифона Вятского, Симеона Верхотурского и многих других святых.

Православной Руси веками противостоял католический Рим и западная торгово-колониальная цивилизация с их постепенным умалением христианства, стяжением земных благ.

Для ярых защитников этой эпохи до сих пор главными её героями являются Петр Первый и Екатерина Вторая, названные в официальной историографии Великими. В заслугу им ставится завоевание и освоение территорий на Севере и Юге России, укрепление государства. Безусловно, страна избавилась от многих нашествий извне, но как изменилось при этом духовное состояние народа, уровень его прав и свобод?

Главный миф имперской эпохи до сих пор связан с ничем не оправданным восхвалением и возвеличением личности Петра I. Философ и публицист Иван Солоневич, автор замечательной книги «Народная монархия», справедливо отме-

тил по этому поводу, что ни одно имя не обросло таким количеством литературы, легенд, апокрифов и вранья. Если до Петра российская экономика развивалась по общемировым законам и порой даже опережала их, то при Петре Первом за границу вывозилось исключительно сырьё, как и в нынешнюю эпоху полукOLONиальной и криминальной России. Рабский труд породил военную, техническую и научную отсталость страны, прямые и косвенные налоги с населения возросли в пять с половиной раз. Рекрутов в петровские времена вели на службу в кандалах, а сама воинская повинность длилась пожизненно.

В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина воины-инвалиды в Белогорской крепости — не кто иные, как солдаты петровского «призыва». Рабский труд широко применялся не только в сельском хозяйстве, но в промышленности, и в армии, и при строительстве Санкт-Петербурга. Населению активно прививалась алкогольная и табачная зависимость, ярким примером для подражания послужили скверные привычки самого Петра. С введением коллегий государственное управление в стране сделалось насквозь бюрократическим, взяточничество и казнокрадство достигли огромных размеров. В январе 1721 года был учрежден Святейший синод, управляющий церковными делами, во главе которого встал гражданский чиновник, обер-прокурор, без согласия которого было бессильно любое начинание Русской Церкви.

В имперскую эпоху коренным образом изменились формы власти и собственности. Время правления династии Романовых ознаменовано было созданием огромных помещичьих угодий. Своего рода олигархами сделались Строгановы, Демидовы и другие крупнейшие владельцы земель, а позднее — заводы, с приписанными к ним крепостными рабочими и крестьянами. Правление Романовых повлекло за собой дальнейший раскол общества, социальный расизм западно-ориентированных дворян по отношению к их крепостным.

Екатерина II взошла на престол, свергнув своего мужа Петра III и через двое суток после переворота задушив его в Ропше руками брата своего любовника. Ее скандальные связи и кураж фаворитов вряд ли могли научить подданных христианским основам жизни, поэтому призыв Пугачева «истребить проклятый род дворянский» вызвал огромное воодушевление среди крестьян. Подавление бунта 1773—1774 годов превратилось в настоящую гражданскую войну, предвосхитившую войну 1917—1922 годов. Путешествие Екатерины II в Крым в 1787 году поглотило всю государственную казну, сопровождающим её иностранным послам раздавались бриллианты,

дабы утвердить в их сознании миф о благополучной и процветающей России, царский поезд купался в роскоши, народ тем временем стонал под крепостным игом.

О бесправном положении крепостных рабов наглядно повествовала книга Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», автора которой Екатерина Вторая назвала бунтовщиком страшней Пугачева. До сих пор актуальны слова сына Отечества А. Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

Духовный надлом, пережитый русской православной церковью после Раскола в XVII веке, нашел многочисленные отклики в отечественной культуре. В пушкинской сказке «О попе и его работнике Балде» справедливое возмездие получил сатирически изображенный жадный и алчный поп. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» священники обманывали Пьера Безухова во время его поездки по собственным имениям. В рассказе А. П. Чехова «Человек в футляре» красноречива фраза, что «духовенство стеснялось при нём (Беликове) кушать скоромное и играть в карты». В книге И. С. Шмелева «Лето Господне» описывается царящее в церкви веселье в день Преображения Господня, яблочного Спаса, выпадающего всегда на строгий Успенский пост. Выпады в адрес служителей церкви можно обнаружить во многих рассказах и повестях И. А. Бунина, Л. Андреева, А. И. Куприна.

Главными темами русской литературы «золотого» и «серебряного» веков стало правдивое изображение крепостного рабства крестьян, паразитизма дворян и неустроенности социальных низов: «Вот придет барин — барин нас рассудит...»; «...И пошли они, солнцем палимы, // Повторяя: «Суди его Бог!», // Разводя безнадежно руками. // И покуда я видеть их мог, // С непокрытыми шли головами...»; «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся // Над великою русской рекой?»

Иван Солоневич в книге «Народная монархия» задался справедливым вопросом: «Что — Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские «лишние люди» строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки — русскую промышленность? Или толстовский Каратаев крестьянскую кооперацию?». Речь шла о том, что создатели в эпоху правления Романовых, среди которых было немало выдающихся полководцев, флотоводцев, ученых и мыслителей, остались вне поля зрения отечественной классики. При надломе народного духа верх одержали разрушители традиционных устоев.

Ослабление религии, падение нравов среди служителей церкви самым пагубным образом отразилось на духовном

состоянии народа, стремительно терявшего веру в Бога. По прогнозам Д.И. Менделеева, русских к середине XX века должно было бы быть **595 миллионов** человек. Но их оказалось менее одной трети от этой цифры. Ф.М. Достоевский в своих романах провиденциально предвидел трагедийную власть атеистов в двадцатом веке — сбылся прогноз писателя, а не ученого.

В России в последней трети XIX века началось брожение атеистических марксистских идей. Новая идеология повсеместно внедрялась в массы, всё это неизбежно привело к революции 1917 года, ставшей прямым следствием Раскола середины XVII века. По мнению публициста Татьяны Воеводиной, революция — это не заря новой жизни, а зримое разложение старой. Теория и практика российских революций сводилась к почти полному отрицанию и уничтожению всего лучшего, что было в прежних исторических эпохах, прежде всего — истинного Православия и русской идеи спасения. В 1917 году отрицание религии, внедрение новой идеологии, изменение форм власти и собственности произошло в кратчайший отрезок времени. Достаточно вспомнить книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

Идеология вождя Октябрьской революции Владимира Ленин, атеиста до мозга костей, была глубоко противоречива, неслась в себе в большей степени разрушительное, а не созидательное начало. Ленин свято верил в пролетарский интернационализм, а русских считал шовинистами, отказав им в своей собственной республике, конституции, партии, столице, академии наук, поставив их в неравноправное положение с другими коренными народами. Отказ от национальной сущности русских позднее привёл к нежизнеспособной общности советских людей, многие из которых вскоре переродились в космополитов. Ложное убеждение большевиков-ленинцев, что рабочие прогрессивнее крестьян, повлекло за собой гибель тысяч деревень и стремительное уменьшение численности русских.

Заслугой Ленина вслед за учением Маркса и Энгельса оказалось понимание бесперспективности капиталистического и империалистического пути развития человечества с горсткой миллиардеров и обнищавшими народными массами, стремление к социальному равенству людей, предоставление им равных прав на труд, отдых, образование и лечение.

Однако после победы революции 1917 года отнятой у помещиков и фабрикантов собственностью стали распоряжаться не рабочие, не колхозники, не интеллигенция, а партийная номенклатура. Марксизм-ленинизм и «научный» атеизм надолго сделали официальной идеологией всей Советской эпохи. В царской России подавляющее большинство населения,

за исключением старообрядцев, было неграмотным. Следует отдать должное большевикам, объявившим курс на ликвидацию безграмотности, однако, вся система образования была насквозь пронизана официальной идеологией. В одном из произведений Андрея Платонова девушка-комсомолка, осваивающая азы грамоты, повторяет: «А — авангард, Б — большевик...» В каждой диссертации для успешной её защиты необходимо было цитировать труды Маркса, Энгельса, Ленина и последующих генеральных секретарей КПСС.

Следует отметить, что в первые десятилетия Советской власти развернулась ожесточённая борьба созидателей и разрушителей. Большевики-разрушители во главе с Львом Троцким рассматривали Россию лишь как запал для мировой революции. Идеология атеизма повлекла за собой разрушение сотен тысяч храмов и церквей, икон, книг, нанесла колоссальный урон русской культуре, уже не говоря о красном терпоре против всех инакомыслящих. Но, по Божьему промыслу, победу одержали созидатели во главе со Сталиным: они поставили своей целью построить мощное государство, своего рода «красную империю».

Наиболее идейные коммунисты, отвергая существование Бога, наивно полагали, что путь в светлое будущее лежит исключительно через достижения техники и науки, но ещё в конце XIX века русский философ В.С. Соловьёв предсказал, что наука не может стать высшей целью человеческой жизни и что **высшая цель — нравственная**. Без духовной, религиозной доминанты советских русских не спасли ни НТР, ни космические достижения, ни современные машины и технологии. Век научно-технических побед стал для русского человека веком катастрофических поражений в религиозной, духовно-нравственной, экологической, социальной и эстетической сферах.

Характерно, что на протяжении 74 лет Советской эпохи несколько раз менялись ведущие идеи. Бредовая идея всемирной революции вскоре сменилась идеей построения социализма в отдельно взятой стране. Несостоятельной и анекдотичной оказалась выдвинутая Никитой Хрущёвым идея построения коммунизма в СССР. В годы правления Леонида Брежнева её сменила идея развитого социализма, которая при последующих генеральных секретарях постепенно сошла на нет.

На практике социалистический способ производства, в основе которого лежало распределение всех благ, не оказался эффективнее капиталистического: партийная номенклатура не смогла перевести страну на рельсы многоукладной экономики, как это произошло в Китае.

Советскую эпоху, как и имперскую, невозможно воспринимать однозначно, только в белых или только в чёрных красках: она глубоко противоречива. Высшие её достижения в области культуры, науки и социальной защиты базировались на историческом фундаменте русской духовности и нравственности, порождённых православной верой. И всё же на чаше весов истории минусов в ней оказалось намного больше, нежели плюсов. Все союзные республики были созданы по национальному признаку. И только русскому народу, ставшему донором для них, было отказано в собственной национальности.

Утрата твёрдой веры и сильной воли в русском народе, отсутствие подлинного самоуправления на местах привели к тому, что на вершине власти оказывались одиозные правители: самодур Никита Хрущёв, стареющий Леонид Брежнев, больные Юрий Андропов и Константин Черненко, позже — предатели народных интересов Михаил Горбачёв и Борис Ельцин. Отсутствие народной инициативы и строительства государства снизу повлекли за собой военную авантюру в Афганистане, разбазаривание миллиардных денежных сумм на помощь сомнительным режимам ряда стран Азии и Африки. Положение усугубила катастрофа на Чернобыльской АЭС: ряд территорий на Украине, Белоруссии и в России был заражен радиацией.

Дальнейший развал сельского хозяйства, пустые прилавки магазинов, введение талонов не могли не вызвать стремительного роста прозападных настроений у интеллигенции, безбожной и неукорененной на собственной национально-культурной почве.

Герои Гражданской войны стали героями анекдотов: особенно не повезло тут Василию Ивановичу Чапаеву. Половина населения Советского Союза с восторгом слушала «Голос Америки», голос страны, всеми способами разрушавшей экономику СССР. Идеология социализма окончательно рухнула — таков был печальный закат Советской эпохи. Крах идеологии и подрыв народного духа не мог не отразиться в литературе. Писатель Василий Дворцов так отозвался об этом: *«В конце советского периода русская литература вошла в опасный крен: из нее стал уходить герой-мужчина. Пляда «деревенщиков», пришедшая на смену писателям-фронтовикам, слишком многое возложила на героинь, не видя в хрущевско-брежневской России иной силы, кроме материнской, удерживающей русскость посреди сплошь «лишних людей» — пьющих, неверных, безвольных, слабохарактерных мужиков-чудаков.*

Затянувшийся плач по умирающей деревне постепенно превратился в плач по умирающей России, обессиливая, заражая

пессимизмом уже новые поколения читателей. Это при том, что предшествующая фронтовая литература дала огромное количество истинно эпических героев, людей, удивительных по красоте своего поведения и на фронте, и в тылу».

Россия — едва ли не единственная в мире страна, которая пережила в XX веке две революции. И в 1917-м, и в 1991-м году революционерами была взята на вооружение идеология извне — западная, а не фундаментально русская по своему происхождению. И в 1917-м, и в 1991-м году никто на Западе не хотел, чтобы Россия была сильной страной, как не хочет этого и сейчас. Революция 1991 года стала закономерным итогом эпохи имперской и эпохи советской России. Подготовлена она была союзом бывшей партийной номенклатуры с американскими идеологами, и этот симбиоз породил новый по своей структуре антирусский, антинародный мир. Массированная идеологическая обработка населения началась с критики почти всех достижений Советского Союза и со словесной трескотни о ценностях демократии, рыночной экономики, открытого общества. Была объявлена свобода религии, и в Россию тут же хлынули представители самых разрушительных сект, деятельность которых оплачена была Америкой.

Очередная идеологическая диверсия сопровождалась кардинальным изменением форм власти и собственности. Тотальному разрушению подверглись многие реальные достижения социализма. Класс олигархов — раковой опухоли России — создан был по прямой указке США. Официальные заявления, что частная собственность на средства производства является намного эффективней государственной, оказались очередной ложью. Уже к 1996 году экономический ущерб, нанесенный России в результате приватизации, в два с половиной раза превысил ущерб от Второй мировой войны: российская приватизация оказалась самой грандиозной аферой за всю историю человечества — у народа просто украли его страну.

По данным газеты «Профсоюзный курьер», «к 2003 году в России в частные руки было передано 90% собственности, а по объёму полученных от приватизации доходов страна заняла лишь двадцать пятое место в мире, далеко отстав от Бразилии и Китая. 85% всех национальных богатств России стали принадлежать кучке богачей. Разрыв между доходами богатых и бедных увеличился в пятнадцать тысяч раз. Такого социального неравенства и такого крупномасштабного ограбления собственной страны и народа не знала ни одна страна мира: бедствующее население и жирующие долларовые миллиардеры. Упадок народного духа привёл к тому, что власть в России была захвачена бандой спекулянтов и бес-

принципных проходимцев, доведших страну до полураспада. Реальные денежные доходы граждан и поныне не достигли уровня 1990 года.

Вся официальная идеология постсоветской России основана была на встраивании в «цивилизованный мир», в ослепительный край «наших западных партнёров». Туда качались углеводороды, туда переводились на банковские счета огромные деньги, вывезенные из России, там обучались дети российской «элиты», там покупались особняки и строились замки. Как тут не вспомнить библейскую фразу: «Где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». «Ведущей» идеей стала расхожая фраза Дмитрия Медведева: «Россияне должны жить комфортно!», но комфортно жила лишь правящая верхушка, прочно вцепившаяся во власть, перекрывшая честным профессионалам все социальные лифты.

В отечественной истории было три революции, каждая из которых приводила к смене исторической эпохи. Если переход от эпохи Киевской Руси к Руси Московской увенчался созданием великого государства, то революции 1653-го, 1917-го и 1991 годов существенно подорвали духовную доминанту народа и экономическую мощь России. В результате последней революции наша страна попала в долларовую зависимость от Америки и понесла колоссальные потери. За четверть века постсоветской эпохи и особенно за последние её годы Америка и страны Запада окончательно отбросили всякую мораль в борьбе за наши души и ресурсы: лес, чернозёмы, чистую воду, углеводороды

Вероломным ударом от «благословенного Запада» стал государственный переворот на Украине в феврале 2014 года. Утрата военно-морской базы в Севастополе и натовские войска под Харьковом могли отбросить Россию в XVII век. Идти на Запад оказалось незачем: Запад сам был готов подкатить на танках к Белгороду и Курску. Воссоединение Крыма с Россией по волеизъявлению его жителей оказалось едва ли не главным достижением периода правления Владимира Путина. Ожесточённое столкновение двух цивилизаций: христианской и антихристовой вылилось в информационные, политические, экономические, религиозные сражения и кровопролитную войну на Донбассе. Русский писатель Владимир Крупин провиденциально сказал об этом: «Война — время и Божия наказания, и человеческого искупления». В новейшую русскую историю, мужецентричную по замыслу Божию, вновь вернулись героиполченцы и их мужественные лидеры. Вернулись они в литературу и публицистику.

Война в Донбассе разделила всё наше общество на ополченцев и пораженцев, на тех, кто поддерживает проект Новороссии, и, тех, кто считает ошибочным присоединение Крыма и помощь истекающему кровью Донбассу. От победы в Донбассе зависит будущее России: за спиной киевской хунты — Америка и Запад, принудить которых к миру можно только превосходящей силой. Это не только сила оружия, это, прежде всего, духовная сила, немыслимая без твёрдой веры в Бога и мобилизации на победу, где от веры, воли, мужества каждого бойца зависит исход общего сражения.

В чём сложность и потенциальная угроза нынешней ситуации в стране? Достаточно прочесть лишь названия статей в социальных сетях: «Бедность в России», «Обманутые дольщики», «Дебилизация народа», «Демократия или шоу?», «Есть ли польза от выборов?», «Куда уходит государство?», «Россию распродадут», «Российские миллиардеры», «Воры во власти», «Дело Улюкаева», «Четверть века национального позора», «В стране назрел левоцентристский поворот» и т.п.

Нетрудно заметить, что ситуация во многом напоминает начало XX века: нищebroды, как называют большинство населения разжиревшие на грабеже народных ресурсов нувориши, испытывают беспредельную ненависть к тем, чьи несправедно нажитые доходы в пятнадцать тысяч раз выше общенародных. Дальнейшее падение жизненного уровня народа действительно может спровоцировать революцию.

Что такое революция? Это не только зримое разложение старой жизни, но и новое состояние народного духа, новая господствующая идеология и отношение к религии, новая литература и искусство. Это кардинальное изменение форм власти и собственности, происшедшее в минимально короткий отрезок времени как военным, так и мирным путём. Революции могут быть не только разрушительными, но и созидательными. Такова была национально-освободительная революция в Индии, возглавляемая философом и мудрецом Махатмой Ганди. Таковы были освободительные революции в ряде стран Латинской Америки.

Но нынешняя верховная власть в России упорно не идёт на изменения в Конституции, написанной под диктовку заокеанских советников, не спешит избавиться от долларовой зависимости. Ей, власти, чужда идея возвращения народу несправедно присвоенного олигархами общенародного имущества и привлечения к ответственности тех, кто разграбил страну, как и идея принятия Закона о государствообразующем русском народе. Она, власть, разделившая всех на политических «орлов» и ползающих «червей», будет зубами и клыками драться за незыблемость своего статуса.

Как тут не вспомнить слова из «Тилемахиды», взятые Александром Радищевым в качестве эпиграфа к своей книге: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

И всё же нам надо не бояться собственного будущего, а активно создавать его. С чего надлежит начать? Изменения прежде всего должны произойти в духовной сфере. Надо напрочь отказаться от навязанного нам сверху положения бессловесных «винтиков», «шурупиков», «колёсиков» и ощутить себя гражданами, ответственными за будущее страны. Вертикаль власти должна опираться на её горизонталь, на мнение народа.

Прежде всего должен возрождаться русский дух — православный, героический и подвижнический. Наступило то время, когда настоящее и будущее страны зависит от поступков каждого из нас.

Что должны отстаивать мы? Нашу землю, политую кровью многих поколений предков. Нашу святоотеческую веру, наш язык, разрушаемый либералами, нашу историю и культуру. Наши национальные богатства — общенародное достояние.

Против чего должен единодушно выступить народ? Против власти воров на всех уровнях, против разрушителей во власти.

Каково единственное условие нашего выживания? Построение шестой эпохи в нашей истории — эпохи **духовно-нравственной и социально справедливой России**. Россия может состояться только как великое государство. Иного пути у нас нет.

Наше будущее — национально-объединительная держава. Русский народ — это основополагающий хребет нашего общества, который объединяет вокруг себя все другие коренные народы, помогая им сохранить свою национальную и религиозную самобытность. Идея замены пресловутого «россиянства» на словосочетание «гражданин России» ускорит формирование гражданского общества, как и возвращение в паспорта графы «национальность».

Нас спасут не государственные перевороты, не майданы, а добровольное объединение всех здоровых сил русского и других коренных народов России. Этим здоровым силам надлежит выдвигать своих кандидатов и свою команду честных профессионалов на предстоящих выборах.

Уже сейчас нам насущно необходимо искусство, дающее молодёжи позитивные примеры, воспевающее святых, праведников, героев, созидателей державы. На смену антигероям: алкоголикам, наркоманам, продажным женщинам, коррупционерам, бандитам в литературу должны прийти подлинные герои. Так было во времена Великой Отечественной войны, так должно быть и сейчас: война нам уже давно объявлена. Когда корабль опасно кренится на один бок, его необ-

ходимо выпрямлять, иначе — угроза потопления. Эпоха начинается с возрождения религии, идеологии и культуры в массовом сознании.

Вслед за изменениями в духовном состоянии народа должны последовать социально-политические и экономические изменения. Эксперты справедливо предлагают срочно перестроить фундаментальные принципы управления страной, гнать либералов отовсюду, в том числе из правительства. Должно быть сформировано правительство народного доверия, куда вошли бы ведущие экономисты, способные избавить страну от долларовой зависимости.

Для победы нынешней мирной революции нам отпущен кратчайший исторический срок, и прежде всего это должна быть победа над внутренним врагом. На смену казнокрадам, взяточникам, коррупционерам должны прийти честные, компетентные, дельные люди, цель жизни которых — служение Отечеству. России нужна новая элита, кристально чистая и неподкупная, готовая ответить перед Богом и людьми за все свои дела. Твёрдая вертикаль власти должна опираться на сильное местное самоуправление, что немыслимо без подъёма духовного состояния народа.

Юрий БАРБАШОВ

ЗАЧЕМ РОССИИ УКРАИНА

Сотни лет понадобились русскому народу, чтобы воспринять и реализовать на практике жестокие уроки имперского строительства, перенятые у монголо-татарских захватчиков. Чтобы собрать под единой властью, в одном государстве всех русских.

Сделать это оказалось возможным только путём ограничения власти внутренних боярских элит, не заинтересован-

ных в централизации и усилении царской власти. Сотни лет потребовались для того, чтобы отвоевать части русского народа, захваченные Литвой и Польшей.

Причём главными врагами, мешающими этому воссоединению под единой властью, на протяжении веков были русские князья Литвы, русская же шляхта Польши, казацкая старшина Малороссии, русское боярство Московского княжества, протестовавшее против «разорительных» войн и «напрасных трат».

Преодолев это сопротивление, собрав русский народ и объединив его единым письменным языком, единой культурой, российское государство достигло мирового величия. Соединённые воедино человеческие и природные ресурсы России обеспечили создание одной из сильнейших империй Европы.

А потом интересы российских элит и русского народа вновь кардинально разошлись. Что толку было неграмотному русскому крестьянину от величия русской литературы? Что за выгода была для русского рабочего, живущего в скотских условиях, от промышленного подъёма России в начале XX века перед Первой мировой войной? Поэтому и удалось убедить рабочих в том, что они в первую очередь — пролетарии, часть всемирного пролетариата, стонущего под игом мирового капитала. Именно поэтому и победила в массах русских людей идея «сжечь Россию в топке мировой революции» для того, чтобы освободить угнетённых всего человечества. Потому что другой национальной идеи русскому рабочему и крестьянину предложено не было. Во-первых, по причине их неграмотности, во-вторых, по причине отсутствия самой идеи — зачем единая и великая Россия нужна русским крестьянам, рабочим, дворянам, разночинцам, интеллигенции?

Идея мировой революции тоже быстро выдохлась бы среди по-прежнему нищих и бесправных рабочих и крестьян, если бы на смену ей не пришла идея вертикального социального прогресса общества. Миллионы людей, которые поколениями до этого копались в навозе и гробили своё здоровье на подневольном труде ради куска хлеба, усаженные за парты, в университетские аудитории, поставленные за станки и за чертёжные столы, за короткий срок создали из отсталой аграрной державы мировую индустриальную и научную сверхдержаву. Издержки этого процесса в виде насилия над обществом, над целыми классами были невероятно велики. Однако и результат оправдал ожидания — реализовалась извечная мечта человечества: на протяжении нескольких поколений каждое следующее жило лучше предыдущего.

От понимания секрета национального успеха в тридцатые годы были недалеко немцы. Гебельс видел в Советской России прежде всего конкурента для возрождающейся Германии. Темпы роста экономики СССР, обеспеченные мотивированными и качественными, образованными трудовыми ресурсами, казались неправдоподобными и настолько опасными в плане мировой экономической конкуренции, что Россию просто необходимо было любыми методами остановить.

Попытались остановить, но не смогли. Объединённый прогрессивной идеей русский народ мобилизовался и напрягся сверх всяких сил ради национального самосохранения. Сломал, казалось, непобедимую силу, на которую работали ресурсы всей Европы. Но то, что не смогла сделать в ходе вторжения Германия, сделала собственная государственная элита Советского Союза. Правящим кругам огромной страны пришла в голову идея, что ресурсы этой страны без всякой блажи о прогрессе, социальном равенстве и справедливости, можно использовать для собственного обогащения и вхождения в круг мировой экономической и финансовой элиты. Именно с подачи правящей элиты в советском обществе и возобладала идея неограниченного ничем личного обогащения, которая привела к развалу СССР на национальные феодальные княжества, а коренных территорий России, где абсолютное большинство говорит и думает по-русски, на удельные феоды, подчинённые олигархическим криминальным кланам. Наиболее показательна в этом плане судьба Украины как еще недавно наиболее развитой части России.

Развитие русского государства, российской экономики во все времена затрудняли природно-географические факторы. Есть огромные природные ресурсы, но есть и гигантские расстояния, по которым доставлять эти ресурсы долго и дорого. Многолюдный и трудолюбивый народ большую часть своего времени, сил, прибавочного продукта тратит на то, чтобы выживать в неблагоприятных природных условиях. По сравнению с другими народами, огромную часть из того, что русские зарабатывают, они тратят на обогрев. В масштабе экономики это отражается в гигантских, по сравнению с Европой, энергозатратах на единицу произведённого продукта. Русским дороже обходится всё — отопление собственного жилья, производственных цехов, объектов инфраструктуры, создание этой самой инфраструктуры и поддержание её в условиях, в которых бетон и асфальт разрушается огромной годовой температурной разницей.

И вот, благодаря тому, что российским государям взбрело в голову в течение нескольких сотен лет тратить ресурсы не-

только на собственное потребление и прихоти боярской и дворянской знати, воевать за воссоединение русского народа и собиранье его земель, у России появилось собственное Эльдorado.

Отвоеванные Малороссия и Дикое поле оказались выгодными приобретениями не только для использования человеческого ресурса, для прогресса русской цивилизации, но и благоприятными местами для жизни, где меньше сил и времени требуется тратить на поддержание этой самой жизни. Территории эти оказались богаты природными ресурсами и наиболее выгодными для концентрации экономически активного населения, а значит, и размещения производств.

Здесь оказалось всё необходимое для экономического успеха, всё, чего недостаёт другим территориям бескрайней России: руда, уголь, комфортные условия для проживания, для ведения сельского хозяйства, короткие транспортные связи.

Именно поэтому в индустриальной модели России, а затем СССР, именно Украине была отведена роль всесоюзного обрабатывающего центра, где были сконцентрированы машиностроительные мощности, научные центры, со всей России и Союза сюда свозились трудовые и научные ресурсы.

В отличие от других регионов России, где тоже иногда на время выглядывает солнце и можно найти какую-нибудь ягоду в лесу, население Новороссии, а особенно Причерноморья, рождалось, работало и жило на курорте всю свою жизнь. И вот это самое Эльдorado у России отобрали победившие её в Первой мировой войне немцы. Они-то понимали, какого ресурса лишают Россию и приобретают в своё колониальное пользование.

Происходило это при сопротивлении населения Новороссии, о котором в учебном курсе советской и нынешней российской истории даже не упоминают, чтобы не бередить раны и не пробуждать историческую память расчленённого русского народа.

Одновременно с Украинской Народной Республикой в 1918 году образовалась Донецко-Криворожская республика, объявившая себя частью РСФСР. Эта республика была уничтожена немецко-австрийскими оккупантами, на штыках которых и была установлена по всей отвоёванной немцами территории «украинская государственность». В маленьком провинциальном Николаеве в марте 1918 года против немецко-австрийских войск восстали невооружённые рабочие судостроительных заводов. При подавлении восстания немцы расстреляли несколько тысяч рабочих. Рабочая крас-

ная гвардия Донецко-Криворожской республики не смогла оказать николаевцам помощь, так же как не смогла месяц спустя защитить от оккупационной армии свою собственную землю.

Сведений об этих событиях не найти ни в советских, ни в российских, ни в украинских школьных учебниках истории. Потому что эта история изгнания России из Новороссии и Малороссии, уничтожения единого русского народа слишком оскорбительна и болезненна для сохранившейся ещё части русских.

Куда девался существовавший веками даже в составе Речи Посполитой русский субэтнос малороссов? Был подвергнут подлому этноциду, обманом лишён русского имени, сознания, чувства единства с остальными русскими и превращён в ту уродливую карикатуру над русскими и над людьми вообще, которую весь мир смог увидеть после революции украинской национальной «гидности». И какой части русского народа есть до этого дело, кроме тех русских на Украине, которых не удалось «украинизировать», забыть о своей национальной принадлежности, лишить любви к другим русским и России? Именно сейчас, на наших глазах довершается процесс очередного исторического разгрома России.

На территории оторванных в очередной раз от тела России Новороссии и Малороссии были воспитаны несколько поколений людей, думающих на русском языке, но ненавидящих Россию и русских. Политический кризис и кровавая бойня так называемых «украинцев», но на самом деле русских, с остальной Россией, лишили русскую цивилизацию не только самых благоприятных территорий для жизни и развития. Они лишили её главного ресурса для этого развития — почти трети русских людей.

Сегодняшние ненавидящие Россию украинцы, разрушающие своими собственными руками свою страну, уничтожающие вокруг себя всё, что было построено Россией за века на территории Украины, вот эти самые ужасающие своим видом и чудовищными испражнениями подобия мыслительного процесса смешные «хохлы» — это несостоявшиеся русские учёные, высококвалифицированные рабочие, военные, музыканты, писатели, фермеры. Это отобранный у России и испоганенный до неприличия, лишённый пользы и качества человеческий интеллектуальный и трудовой ресурс.

Производства и технологии, которые утеряла Россия на территории Украины и которые судорожно пытается воспроизвести на своей территории, — это время и ресурсы. Время и ресурсы, вынужденно потраченные на возмещение потерь, а

не на развитие. В напряжённом мировом цивилизационном соперничестве их можно было бы использовать для импортозамещения, создания других, конкурентных на мировом уровне производств и технологий. Однако самое страшное — то, что «отряд не заметил потери бойца». Русский народ призывают и практически уже убедили смириться с нанесённым увечьем и потерей. Вместо здоровой, холодной и острой как сталь русской злости, страшной во все времена для завоевателей, вместо подготовки к скорому и неотвратимому историческому реваншу, русских успокаивают и предлагают смириться. Злость и обида катализируются и направляются в бесполезные словоизвержения, презрение, оскорбления. Вместо мобилизации в национальном масштабе русским предложено существование в нынешнем инвалидном состоянии. Страшнее всего то, что это предложение принято и, как видно из публичной риторики, вполне устраивает многих русских, которыми пока ещё нам разрешено оставаться и называться.

Кто же совершил и продолжает совершать такое надругательство над русским народом? Новый Батый? Коллективный Запад? Мировое правительство? Сионисты?

Да нет, как и во все времена, самое страшное надругательство над русским народом совершают те, кто использует и его самого, и принадлежащие ему ресурсы для личного обогащения — его собственные российские элиты, имущие князья. Те, кто веками его делил между собой, стравливал и манипулировал им.

И доманипулировались до того, что русский народ, вдруг внезапно «вставший с колен» и возгордившийся славой предков Бессмертного полка, не заступился за самого себя, когда его начали резать, убивать и бомбить на Украине. Вот в эти самые минуты в русских людей на Донбассе летит очередной снаряд или пуля. Русских в Николаеве, Одессе, Харькове пытаются в застенках за то, что русские. И что же мы слышим из Москвы и даже из Кремля в ответ на крики о помощи, стоны истязаемых, слова обиды, доносящиеся из Новороссии и Донбасса? «Россия никому ничего не должна».

Россия, которая никому ничего не должна, не имеет права называться Россией, потому что ею не является! Россия должна русскому народу! Должна ему защиту, гарантии продолжения существования, полноценного национального, культурного, цивилизационного развития. Должна обеспечение достойного места среди других народов мира. Иначе это не Россия.

Русский народ, в свою очередь, должен своим предкам не только память о них, их завоеваниях, свершениях, но и

защиту этих завоеваний и свершений, продолжение их. Должен быть достоин своих предков, иначе он не имеет права называться русским. Стыдно и больно так называться.

Нельзя рассказывать детям о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове, призывая их быть достойными потомками «суворовских богатырей», умалчивая о том, куда подевалась завоёванная им для русского народа Новороссия. Нельзя вычеркнуть из истории России Киев. Нельзя выдрать из курса её истории основание и заселение русскими городов в Причерноморье, там, где сейчас за русский флаг убивают.

Россия действительно ничего не должна Украине и ничего не должна украинским янычарам, но должна сама себе возвращение Малой России и Новороссии, материнское поучение, защиту и исправление испоганенным и изнасилованным на этой территории русским.

Для этого нужна мобилизация всего русского народа, осознание себя в национальном масштабе, готовность за себя бороться, претерпевая трудности и лишения. Способность оторвать часть дохода из своего сегодняшнего уровня потребления. Не для того, чтобы послать его в качестве милостыни на Донбасс или на Украину, а для того, чтобы построить за счёт него танк и вернуться к себе домой в Новороссию и Малороссию. А потом ещё купить станок и комбайн, с помощью которых русские, ставшие снова русскими, прокормят себя, и не только себя, но и преумножат богатство и могущество России.

Возвращение Крыма и отступление России из Донбасса и Новороссии вскрыло пренеприятнейший, но очевидный факт отсутствия у самой Российской Федерации полноценной государственной независимости. Оказалось, что сегодня на международной арене Россия с её ядерным оружием, космическими технологиями, лучшими в мире танками и самолётами, более зависима от воли своих «партнёров», то есть злейших врагов и конкурентов, чем во времена Екатерины Второй. Это раньше она могла себе позволить оторвать кусок Османской Империи, разделить Польшу, не оглядываясь на мнение тогдашних мировых сверхдержав.

Россия сегодняшняя — не может. Потому что оказалась критически зависима от европейских «партнёров». Зависима от экспорта энергоресурсов, импорта технологий, производственного оборудования, капитала. Не может себе позволить не продавать нефть и газ и вынуждена покупать станки, производственные линии, продукцию химической промышленности. Зависима потому, что энергоресурсы, которые она

может предложить на экспорт, страны-потребители могут купить и в другом месте, а вот организованные «партнёрами» санкции привели к мощному удару по экономике России и проявили во всей красе её зависимость. А для того, чтобы вернуть себе независимость, истинный суверенитет, недостаточно проложить ещё несколько веток по поставке энергоресурсов в обход недружественных стран. Потому что те страны, которым Россия поставляет свои ресурсы, и являются в худшем случае её врагами, в лучшем случае конкурентами в цивилизационном соперничестве. И в этом соперничестве она сумеет занять достойное место только тогда, когда сможет позволить себе не продавать Европе газ и нефть, для того чтобы купить произведённые из этих энергоресурсов высокотехнологичные товары. Когда сама будет производить их на своей территории и за счёт дешёвизны ресурсов и высоких технологий, когда сможет обеспечивать хотя бы саму себя высокотехнологичным оборудованием и критически необходимыми товарами.

А для этого нужны в первую очередь качественные человеческие ресурсы — образованные, трудолюбивые, занятые русские. Интеллектуальные и трудовые ресурсы, получающие за свой труд достойную оплату, чтобы обеспечить функционирование внутреннего рынка, способные сами покупать то, что производят, и производить для своих нужд вещи конкурентного мирового уровня.

По оценкам экономистов, для того, чтобы вложения в производственные технологии окупались, необходим потребительский рынок не менее двухсот миллионов потребителей. Торговая война между Россией и Украиной лишила экономики этих стран общего рынка именно такого объёма.

Одним из необходимых условий для конкуренции на мировом уровне является снижение издержек производства, а значит — российское производство выгодно размещать там, где требуется меньше энергозатрат для производственных нужд и для обеспечения трудовых ресурсов, то есть в комфортной климатической зоне. Для российской экономики таким местом традиционно является Малороссия и Новороссия.

Создание собственного технологического уклада, технологически и импортнезависимого внутреннего производства требует включения большого количества людей в научно-техническую деятельность. Как показывает практика развития наций, идущих по такому пути, такие страны значительно опережают и в экономическом, и в социальном развитии более людные государства и народы, которые исполь-

зуют недоступные трудовые ресурсы в качестве дешёвой, но неквалифицированной рабочей силы.

В ходе двадцатого века русские доказали всему миру, что способны на великие свершения и могут очень неприятно удивлять зазнаек, считающих русских технически отсталым и диким народом.

Разве нормально, что финны покупают у России лес и продают ей же мебель? Разве не стыдно, что нация, которая уже много лет делает лучшие в мире танки и самолёты, не может реализовать себя достойно в автомобилестроении? Космические корабли русские делать умеют, а станки для своих собственных нужд неужто не способны?

Немцев меньше, чем русских. И если немцы покупают у России энергоресурсы, и за счёт них продают русским и всему миру задорого высокотехнологичную продукцию, и живут лучше, чем русские, — значит, русские, в массе своей, просто не тем заняты. Ведь ресурсы они могут получать дешевле, а значит, и продукция их может быть более конкурентна.

Только вместе с Украиной Россия сможет создать за короткий срок свой технологический уклад и внутренний рынок достаточного объёма для того, чтобы окупались затраты на новые разработки высокотехнологичных потребительских товаров.

Может ли Россия обойтись без Украины? Конечно может! Россия настолько велика, что она может без многого обойтись. Не только без значительной части своей территории, но и без большей части населения, не задействованного в добыче и транспортировке природных ресурсов на экспорт и в производстве оружия. Вот только те страны, которые будут покупать у неё газ и нефть, и будут диктовать ей её внешнюю, а затем и внутреннюю политику.

Если у СССР не получилось конкурировать со всем миром в производстве качественных потребительских товаров, имея внутренний потребительский рынок под триста миллионов, то кто мешает России попытаться сделать то же самое с населением, в половину меньше?

Со всеми перечисленными уже природно-географическими издержками российской экономики, почему бы не попробовать опровергнуть учебник экономической географии, раз не хватает духа на национальное возрождение? Вот только российские имущие элиты, которыми были продиктованы Минские соглашения и отказ от Новороссии, уже очень давно нарисовали и опубликовали план по расчленению остальной территории России. План этот популяризируется так называемой «оппозицией». Его реализация является входным

билетом для российских нуворишей в клуб западных капиталистов. Россия по этому плану, как и другие государства, должна быть совершенно лишена государственного суверенитета, как сегодня его лишены, например, члены Евросоюза, и расчленена для большей управляемости на меньшие куски.

Так называемым глобалистам, стремящейся к установлению мирового господства кучки финансовых мешков, не нужны суверенные страны, и тем более самобытные народы. В их планах — превращение человечества в многомиллиардное однородное стадо «экономических животных».

Российская Федерация в конце 90-х годов XX века просто чудом спаслась от дальнейшего разделения и покорения в интересах олигархов. Украина же — не смогла, и сегодня её разорили и опустошают в интересах глобалистских элит свои собственные криминально-олигархические элиты. И русских с её территории, во избежание нового воссоединения и укрепления России, изгоняют или превращают в нерусских.

И в то же время русских в России упорно отвлекают от этого факта и убеждают, что в происходящем нет ничего страшного для России или в том, что уже поздно, и спасать на Украине некого. Именно потому, что не поздно и ещё можно вмешаться и спасти.

Сегодняшнее политическое положение — это «момент истины», точка выбора. В результате этого выбора русские или смирятся с нанесённым им поражением и продолжат существование в покалеченном виде с урезанным вариантом истории в качестве одной из наций Российской Федерации, которая никому, даже русским, ничего не должна.

Либо нация осознает себя, свою историю, вспомнит, кому она чего должна и что должны ей. И станет бороться, не прозябать во временном затишье и довольстве на нефтяной игле, проживая нажитые предками ресурсы, а бороться — внутри со своими элитами, вне границ — с врагами, за возвращение своих территорий и миллионов своих людей в лоно единой России. Пролитой и льющей кровью русских Украины и Донбасса куплен для России Крым И нынешнее отступление, даст Бог, — может быть, лишь временная передышка для накопления и возвращения всей Малороссии и Новороссии домой. Причём передышка для нас — короткая, потому что через поколение возвращаться будет уже некуда и не за кем. Русских, помнящих о своей русскости, уже не останется, а территория будет освоена «партнёрами» под защитой НАТО, и повторить варианты с Речью Посполитой и Литвой не получится.

Нынешнее положение — это либо затишье перед контрнаступлением, либо закрепление существующего положения, и осталось лишь добиться отмены европейских санкций и забыть про Украину вместе со всей протекавшей на её территории русской историей и когда-то жившими там русскими людьми. Выбор этот предоставлен сегодня правящей российской элите. Голоса русского народа по этому поводу не слышно. То мнение, которое навязывается через социальные сети о том, что на Украине русских нет и что России она не нужна, — это выбор правящей элиты.

Русский народ, если мнение свое и имеет, то никак его пока не выражает. Ни в виде общественной декларации, ни в виде создания политической партии, выражающей его волю, ни даже массовыми манифестациями. Голоса своего по этому поводу народ пока не проявил. Сидит, как и в прежние времена, когда его делили, молча. Ждёт — чего князья порешают. Чтобы потом, увидев результаты, в сто миллионов голов самооправдаться: «А что мы могли?!»

Украина и всё происходящее сегодня в ней — для того, чтобы русские вспомнили о самих себе и поняли, что они пока еще есть в этом мире, чтобы решили для себя — зачем они живут и зачем им Россия.

Татьяна АКИМОВА,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ

Воспоминания в Год экологии

(Фрагменты книги)

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

...1957 год, принесший столько страданий моим землякам. Но это я поняла намного позже. А тогда... Тогда было столько света и надежд в моей душе. Как сейчас помню, яркий ясный августовский день. От Шадринска (это городок такой между Курганом и Свердловском) до деревни Максимовка я добиралась на попутной грузовой машине. Школу нашла быстро. Первые же встреченные ребята привели меня напрямик к директору школы. Директор, Иван Михайлович Колосов, внимательно посмотрев на меня, сказал:

— Жить будете в комнате, в школьном доме, оклад ваш 50 рублей, за дрова, за квартиру и подоходный налог — 7 рублей, получать на руки будете 43 рубля.

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

— Хорошо — сказала я, — стипендия в педучилище была всего 20 рублей.

Иван Михайлович самолично проводил меня. Дом был старый деревянный, в комнате стояли стол, кровать, заправленная зеленым фланелевым одеялом, и одна табуретка. На стене у двери была вешалка для одежды.

— Я смотрю, у тебя нет ничего из вещей, — он покосился на мою тощую сумку. — Посуду, ведро, тряпку возьмешь у тети Нины — технички нашей. Пойдем, я тебе аванс выдам, купи кое-что по мелочи, самое необходимое. Картошку, мёд, овощи получишь на складе колхозном под зарплату, потом вычтут.

Вот так, в первый же день мне выдали аванс — 25 рублей. Я купила, чай, сахар, хлеб, мыло и туфли — все это за 19 рублей. До следующей получки осталось 6 рублей. В голове всё время свербило: в чем пойду в школу. Ведь теперь я уже учительница. Мое старенькое темно-синее платье было заштопано на локтях, а потёртые обшлага явно выдавали его возраст. Из оставшихся денег пришлось еще потратить почти два рубля. Но зато я купила 20 сантиметров искусственного синего шелка в белый горох и сшила себе воротничок и манжеты к моему единственному платью.

Первый мой урок. Как я волновалась! Я решила провести первым уроком — урок рисования. По методике, как нас учили в педучилище, я проходила между партами и помогала, одобряла, поощряла каждого из детей. Но, подходя к одному мальчику, Коле Бурнашеву (Господи, я все еще помню его имя!), я всякий раз получала от ворот поворот. Долго разглядывая его рисунок, я никак не могла понять, что он рисует. Я осторожно и ласково спросила его:

— Коля, ты что рисуешь?

— Шмотри шама, — коротко ответил он и продолжал рисовать. Я долго смотрела, но, не поняв, отошла. В следующий свой проход между рядами я снова, наклонившись к нему, робко спросила:

— Коля, а что это у тебя получается?

Коля уже более сердито ответил:

— Шкажал, шмотри шама.

Я с позором отошла к учительскому столу, обиженная на грубое ко мне отношение. Наконец настала пора выставить оценки. Я рассказала, что оценки будут от единицы до пятерки, объяснила, что 5 — это очень хорошо и так далее. Рисунки детей были простоватые и смешные, я ставила, как нас учили в педучилище, мотивированные оценки, т.е. объясняла, почему три, четыре или пять. И вот к моему столу подо-

шел Коля Бурнашев и положил свой листочек передо мной. Я долго смотрела, изо всех сил стараясь сообразить, что бы это могло быть, но в голову ничего подходящего не приходило. Но как ставить оценку, если я не знаю, что это? И я снова с надеждой спросила:

— Коля, а что это у тебя?

Коля с презрением посмотрел на меня и сказал:

— Нош жайша.

Я не поняла и жалобно посмотрела на Маню Нечунаеву, которая сидела за первой партой, прямо перед моим столом. Маня, пожалев меня, сказала:

— Это нос зайца. Он нарисовал нос зайца, — объяснила она мне.

— Ах, так это нос зайца, — обрадовалась я. — Коля, ты меня прости, я зайца видела только издалека и не поняла. Коле я мотивированно поставила за рисунок четверку и отпустила всех на перемену. Мой первый урок...

Сейчас, когда я могу посмотреть на свою жизнь как бы со стороны, я убеждена, что самое добротное образование и воспитание я получила в педучилище и в те первые годы работы в школе в качестве учительницы начальных классов. В педучилище меня научили воспитывать детей, научили слушать музыку, стихи, научили отличать хорошее от плохого, научили шить, вязать, рисовать. Всех своих учителей я помню до сих пор. Петровское педучилище, которое мне посчастливилось закончить, находилось в селе Петровском, в бывшем доме конезаводчика Петрова. Каждый год набирали всего двадцать человек, обучение длилось четыре года. Так что всего, на всех четырех курсах, учащихся было человек семьдесят пять — восемьдесят. В педучилище учились в основном дети из ближних деревень и поселков. Мне крупно повезло, что за тридцать пять километров от моей родной деревни комитет по образованию Курганской области устроил в бывшем особняке конезаводчика педучилище для сельских детей. А попала я туда волей случая. В деревне нашей была только семилетняя школа, а чтобы учиться дальше, надо уезжать в ближайший районный центр. Но там уже учились моя старшая сестра и брат. За каждого надо было платить 150 р. за полгода. Когда подошла моя очередь, мама сказала: «Не на что тебя учить. Пойдешь в ремонт, разнорабочей». Папа виновато молчал. Работа «в ремонте» означала, что я буду, как мой сосед Валька Петухов, полоть траву на обочинах железнодорожных путей, зимой убирать снег и всё, что придется. «В ремонт» я не хотела и, забрав свой аттестат, ушла за 35 км пешком в село Петровское, где, как мне сказала учительни-

ца по литературе, было педучилище: «Тая, тебе надо учиться, там будешь стипендию получать». Так и оказалась я в Петровском педучилище.

Дом, в котором располагалось педучилище, был двухэтажный, большой, белый. Колонны, заораживающая лепка под крышей. Слева от дома бывшие просторные деревянные конюшни, в которых и располагалось наше общежитие. Справа — старый заросший пруд со склонившимися к нему раскидистыми деревьями. Весь дом, вместе с прудом и вспомогательными постройками, был окружен старым парком. Забравшись в дальний укромный уголок этого парка, я часто готовилась к урокам или просто мечтала, пела, сочиняла. Эта, окружающая меня гармония навсегда оставила в моей душе негасимый свет, который спасал меня в трудные дни и годы.

Тогда, еще не оторвавшиеся своей пуповиной от деревенского сурового быта, от простых, не получивших образования своих родителей, мы попадали в волшебный мир литературы, музыки, живописи. Наш учитель рисования, Виктор Яковлевич Кузнецов научил нас видеть мир своими глазами. Моя память хранила и хранит яркие картинки из той жизни.

Весеннее утро, распахнуты окна педучилища, из окон вместе с ласковым весенним ветерком доносится музыка. Это наш учитель музыки Марк Осипович Гольдберг аккомпанирует моей подруге Светочке Балашовой. Они готовятся к концерту. «Не искушай меня без нужды...» Удивительно прозрачный, хрупкий и нежный Светин голосок дотрагивается до нас, до наших душ. Я и сейчас, через полсотню лет, как будто рядом вижу Марка Осиповича, его необыкновенные руки с необыкновенно длинными пальцами.

Марк Осипович все четыре года был куратором нашей группы. Он знал о нас всё, он заменял для нас и отца и мать. Он учил нас благородству, справедливости и терпению. Именно он заставил меня заглянуть в мое будущее, заставил впервые осознать, что оно, это самое будущее, наступает каждый день, и я его главный архитектор. Его уроки музыки были уроками жизни. Старый допотопный патефон, пластинки с лучшими образцами классической музыки. Мне, деревенской девочке, посчастливилось приобщиться к настоящему искусству. Всю жизнь, где бы я ни слышала знакомые с той поры мелодии, я представляла старый парк, пруд, старинное фортепьяно и склонившуюся над ним, совсем лысую голову Марка Осиповича.

И литературные вечера, которые организовывала учительница литературы и русского языка Валентина Прокопьевна, которая всех нас считала талантливыми... Она не переставала-

ла повторять, что Россия испокон веку держалась на детях крестьян и дворян, а, как известно, и те, и другие росли на природе. Природа для Валентины Прокопьевны была главным учителем, и она убеждала нас, что мы все, выросшие на природе, получили от нее — нашей матушки, много-много полезного. «Городские будут учить по книжкам, да могут никогда и не выучить и не понять. Природа в ваших мозгах, в ваших светлых головках уже многое начертала, многому вас научила. Богатство России в ее деревнях и селах, где в трудах и заботах живут простые русские люди...» Примерно так любила она повторять. И мы по-другому начинали воспринимать себя, свою бедную жизнь в деревне.

На уроках рисования мы изображали деревенскую жизнь, быт. Мы никогда не завидовали городским. Нас готовили быть учителями для маленьких деревенских школ. И готовили по-настоящему. Еще была жива школа подготовки сельских учителей. Учитель на селе был фигурой из первого ряда. Сейчас я бы сказала, что тогда, именно тогда заложили во мне эту неугасимую любовь, сердобolie и сострадание к сельским жителям, к нашей, теперь уже изрядно загубленной деревне и к замученной «техническим прогрессом» природе. Никогда, даже в очень благополучные годы моей жизни, не было мне покоя от разорения деревенского уклада и жизни села. Оценивать свою жизнь в отдельности от жизни моей родной деревни, где я выросла, я не научилась.

И вот я в школе. Я учительница. Я растеряна. На дворе осень. У меня нет осеннего пальто, нет обуви, зарплата уходит на питание, и к тому же дети меня не очень слушаются. Коля Бурнашев и еще несколько учеников обращаются ко мне на «ты», мои ученики, когда встречают меня на улице, здороваются не все. Я не знаю, как их заставить видеть во мне учительницу. Весь сентябрь на переменах я торчала в школьном коридоре и страшилась входить в учительскую. Вместе с детьми водила хороводы и пела песни. Тогда, говоря современным языком, была такая мода. Дети, взявшись за руки, водили хоровод в коридоре и пели песни, иногда играли в какие-нибудь игры, типа «ручеек», или в «третий лишний» и в другие. Песен было много — от «Землянки» до «Ах, вы сени, мои сени». Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, пока однажды меня за руку не привела в учительскую Мария Васильевна Кривоногова, учительница русского языка и литературы из старших классов.

— А вот и наша Таисья Алексеевна, я ее с трудом выловила: от семиклассников-то наших ее не очень отличишь.

Мария Васильевна, усадила меня на стул и спросила:

— Как дела, Таисья Алексеевна, как детки, слушаются?

— Нет, не очень, — сказала я. Они, когда меня в деревне встречают, не здороваются, а некоторые меня на «ты» зовут.

— А вы им, Таисья Алексеевна, рассказывали, что к взрослым следует на «вы» обращаться, что, когда на улице встречаются знакомые люди, то их надо приветствовать. Рассказали, как приветствовать и какими словами?

— Нет, не рассказывала. Разве это и так непонятно? — удивилась я.

— Им непонятно. Многие родители не учили их этому. Вот они и не знают. Они ведь первый месяц в школе, и их всему-всему надо научить. Так что не переживайте, это всё исправимо — научатся, если вы их научите.

Она немного помолчала и, заговорщически посмотрев на других учителей, продолжила:

— А мы вот тут хотели вас пригласить в магазин. Там вчера привезли товар. Пальтишко такое приятное, прямо на вас шито.

— Нет-нет, у меня есть плащ. В плаще до снега проходить можно, а под ним теплый свитер — и всё.

— Нет-нет, — в тон мне сказала Марья Васильевна, — это пальто такое, что его можно будет и зимой носить.

После уроков они потащили меня в магазин, объяснив, что взяли ссуду в кассе взаимопомощи, что постепенно я рассчитаюсь... Они купили мне это пальто и новое шерстяное платье. Ох, как долго я носила эти вещи! Два года, пока работала в этой школе, и потом почти пять лет в институте. Как я любила эти вещи, они напоминали мне о прекрасных людях, которые навсегда остались в моей душе. Потом, намного позднее, мне как-то попала в руки статья в «Литературной газете», и там было такое определение: душа, это все люди, которые оставили вам свой свет. Ну, как-то так по смыслу. То есть все люди эти живут в душе, озаряя ее своим светом.

Первый год работы в школе я помню очень хорошо, я даже помню многие лица детей. В моем классе учились дети из соседней деревни Кондаково, которая была в шести километрах от нашего села. Детей утром подвозила колхозная машина, специально выделенная для этого. После уроков их тоже забирали. Запомнился мне ярко один случай, который связан с моим первым страхом за доверенных мне детей. Был октябрь, утро. Первый урок, всё как обычно. В классе тихо, детки считают, пишут — выполняют задание. Перемена. Второй урок. Мани нет. Той самой Мани Нечунаевой, что сидит за первой партой. «Где Маня?» — спрашиваю у детей. Никто

не знает. Я начинаю урок. Мани нет и нет. Я выхожу в коридор, в туалет, во двор. Нет нигде. Я не знаю, что делать. Мани из деревни Кондаково нет нигде. В то время телефонов-то в деревне не было. Телефон был только у председателя колхоза, да и то для того, чтобы ему из района мог начальник позвонить.

Я начинаю вести урок, постоянно заглядываю в окна, детки заняты делом... Через полчаса в дверях появляется Маня.

— Маня, где ты была? — сердито спрашиваю я. — Мы все волнуемся.

Маня смотрит на меня счастливыми карими глазами, такого же цвета веснушки рассыпаны по носу и щекам, щеки блестят от масла или жира. Маня радостно сообщает:

— Я у тетки Дуси шаньги ела.

Дети весело смеются, у меня отлегло.

— А где же твоя тетя Дуся? — спрашиваю.

— Дома она, здесь, в Максимовке живет. Я к ней в гости ходила.

Пришлось Мане объяснить, почему нельзя во время уроков ходить в гости.

Но самое важное событие в те первые месяцы моей работы в школе была встреча, которая и определила мою судьбу.

Десятое октября 1957 года. Этот день навсегда запечатлен в моей памяти. Я иду вдоль берега реки домой после занятий. День удивительно солнечный, шуршат под ногами листья. Мне навстречу бежит один из учеников, Толя Верхозин, и кричит:

— Таисья Алексеевна, вас у школы ждет какой-то солдат.

— Какой солдат?

Я быстро иду к школе и вижу... Лёньку Казакова.

— Лёнька, ты как здесь оказался?

Я счастлива его видеть.

— Да нас в связи с аварией прикомандировали на «Маяк». Предприятие такое, под Челябинском, слышала?

— Да? Это там, где случилась авария?

Позавчера у нас в школе инструктаж проводил инженер с этого самого предприятия, говорил, что информация вся закрытая, особо об аварии распространяться не следует. С одной стороны, людям надо объяснить, что все контакты с рекой опасны, а вот почему река стала опасной, говорить нельзя.

Я рада ему и не скрываю этого, смотрю на него влюбленными глазами.

— Лёнька, я так рада тебя видеть! А ты почему здесь оказался?

— А мы... по границам зараженной зоны заграждение делаем. После аварии — зараженная зона... Двадцать тысяч

квадратных километров, свыше тридцати деревень вошли в эту зону. Кстати, ваша деревня, к счастью, в эту зону не вошла, но река... в нее впадает сильно загрязненная радиоактивными отходами Теча...

— Это же опасно, Лёня!

— Думаю, опасно. Никто ничего не рассказывает...

— Как же так, Лёнь?

— Холодная война, Таичка. Вооружаемся... А это, так сказать, издержки плохих отношений между державами... Ради достижения большой государственной цели...

— А я думала, ты в универе... Ты же на физфак поступил.

— Поступил и думал, дадут закончить. Ан нет. Сразу после первого курса, после сессии, в июне забрили. Я же тебе из своей части писал. Ты что же, письмо мое не получила?

— Нет, я всё лето не была дома. Сразу после диплома уехала в пионерлагерь, а потом сюда. Лёнька, пойдём ко мне, я тебя буду кормить, и поговорим. Тебя на сколько отпустили?

— Через два часа мой поезд...

— Через два часа? Господи, мы даже и поговорить не успеём. Ты как относишься к селедке с картошкой?

— Мечта моей жизни!

Мы идем ко мне, мы летим, мы счастливы. Я быстро накрываю на стол.

— Лёнь, а дальше-то что? Ты только через два года вернёшься в универ...

— Видимо, так, — улыбаясь и кивая, говорит он. — А ты же тоже мечтала в институт.

— Да я поступлю на заочный. Я уже почти определилась с институтом, он совсем недалеко от твоего.

— Это здорово! Да, совсем забыл. Какая у тебя главная идея жизни? — чуть насмешливо, но, как всегда, доброжелательно спрашивает он.

— Главная идея — воспроизводить хороших людей для страны. — Я отвечаю нарочито серьезно.

— И сколько же ты хочешь их воспроизвести? — удивляется он.

— Дурак, я же говорю о детях, которых буду учить.

— Это достойная задача... Но на берегу речки, к которой и подходить-то опасно...

— Ты думаешь, этот запрет надолго?

— Никто ничего не говорит, возможно, наверху и сами не знают, чем дело кончится.

Он внимательно смотрит на меня и нарочито торжественно продолжает:

— Итак, единица измерения твоей жизни — количество духовно и физически здоровых и образованных... Прямо по Бисмарку: все войны выигрывает школьный учитель...

— Лёничка, всё-то тебе надо измерить. А единица измерения твоей жизни?

Лёнька на минуту задумывается и весело отвечает:

— Если мне позволят самому распоряжаться своей жизнью, то я бы для всех людей изобрел настоящий телепортатор. Представляешь, у каждого человека за плечами такой рюкзачок, кнопку нажал — и взлет! И летишь куда хочешь... И летят люди по небу, и друг другу рукой машут и говорят: «Здравствуйте! Доброго вам здоровья!» А небо чистое-чистое, без труб и дыма... И никаких границ и запретов...

— А ты всё такой же фантазер. Да, рюкзачок такой — это здорово. Сейчас могли бы в нашу деревню, к маме на пироги слетать.

— Тая, мне пора на вокзал.

— Я тебя провожу.

— Не надо, не люблю долгих проводов. — Он подходит ко мне, кладет руки на плечи и говорит, глядя мне в глаза: — Главное, ты не забывай меня, Тайка.

Я целую его родственным поцелуем, каким мама обычно целует меня при расставании:

— Забыть тебя? Нет, Лёничка, не дождешься.

Та наша встреча и определила наше общее с ним будущее.

Сейчас, когда меня придавливает груз моих знаний об отравленной на сотни лет моей родной земле, о безвременно ушедших односельчанах, об отравленных реках... я вновь и вновь кожей ощущаю страх за будущее моих детей и внуков. Я вновь и вновь сталкиваюсь с трагическим непониманием мира, в котором живу. Впервые я столкнулась с этим именно тогда, в конце сентября того года. Да, именно тогда я впервые по-настоящему содрогнулась от непонимания реальности.

Когда-то в одном хорошем советском фильме один мальчик сказал: «Счастье — это когда тебя понимают». Сейчас, когда основной путь моей жизни пройден, я могу сказать, что подобное счастье для меня почти недостижимо. Даже самые близкие люди часто не понимали меня. Может, что-то со мной не так? Или каждый из нас сотворен по индивидуальному лекалу, которое не годится для другого...

Я и сама часто не понимала и не принимала доводы рядом живущих. В детстве я не понимала своих родителей: почему мы никуда не можем уехать из нашего страшного железнодорожного барака, почему на мои восклицания «Давайте

куда-нибудь уедем!» родители сердито спрашивали: «Тебя где-то ждут?» Я надолго замолкала и угрюмо думала, почему нас нигде не ждут.

Но по-настоящему изумило меня, заставило содрогнуться от непонимания реальности то страшное событие, произошедшее солнечной осенью 1957 года, и обыденность поведения служивых людей с того самого «Маяка», которые побывали в нашей школе за два дня до приезда Лёни. Они инструктировали нас: как себя вести и какую разъяснительную работу надо проводить с жителями деревни в связи с аварией.

В тот незабываемый день нас всех собрал в учительской директор Иван Михайлович Колосов.

— Зачем я вас всех сегодня собрал? Под Челябинском, на производственном объединении «Маяк» произошла авария. Ситуация чрезвычайная. Вот инженер объединения Иван Васильевич Пронин сейчас вас проинформирует.

Поднялся человек в кожаной куртке с большой залысиной и острым носом. Он внимательно окинул нас взором и начал:

— Вы, вероятно, уже слышали об аварии. Много радиоактивных сбросов попало в речку Теча. (Он развернул карту, показал Течу, которая впадала в Исеть, и нашу деревню, расположенную всего в десяти километрах от устья Течи.) Из этого следует, что в Исеть также попали радиоактивные отходы, — продолжал он. — Надо провести работу с населением, с детьми. Нельзя есть рыбу, раков, использовать воду из речки.

— Это как же? Вся наша жизнь на реке испокон веку. И сколько же будет действовать этот запрет? — удивилась учительница химии Нина Львовна.

Пронин долго молчал, затем произнёс неуверенно:

— Думаю, надолго... Пока могу сказать, что на ближайшие лет пять точно...

И тут встала та самая Мария Васильевна, преподаватель литературы, и вежливо спросила:

— Уважаемый, вы-то сами кем там работаете?

Пронин как-то замешкался, но потом ответил:

— Я... в отделе технической безопасности и охраны окружающей среды.

— Что же это за охрана такая. Вы и задолго до аварии пять любимых населением озёр использовали как приемники для радиоактивных отходов! Вместо озера Лаптево, теперь водоем номер 1, вместо озера Белое — водоем номер 2, вместо озера Долгое...

Но Пронин не дал ей договорить и резко прервал:
— Я не знаю, откуда у вас такая информация.
— Да родственники у меня на этих озерах жили... Переселили их. Ты сам-то откуда будешь? Не местный?
— Да, я не местный.
— А местные там среди начальства есть? Или все приезжие?
— При чём здесь... местный, не местный... Мы все стараемся выполнять законы государства. У нас есть жёсткие предписания по защите окружающей среды...
Тут на защиту Пронину встал Иван Михайлович:
— Мария Васильевна, ну что вы... Это несчастный случай. Для всех большая беда. — Он обратился к Пронину: — Иван Васильевич, спасибо за информацию, мы всё поняли...
— Да ничего мы не поняли, воду из реки не брать, рыбу не есть, а где воду-то брать. Вы водопровод, что ли, с чистой водой подведете к нашей Максимовке? — резко продолжала Мария Васильевна...
— Марья Васильевна, ну успокойтесь! Откуда Иван Васильевич знает ответы на ваши вопросы? Будем как-то это решать... — неуверенно сказал Иван Михайлович.
Но Марья Васильевна не унималась:
— А надо бы знать!..
Тут опять встал Пронин и обратился уже к Ивану Михайловичу:
— Вы должны выделить человека для связи с нами. Мы будем высылать информационные листки и формы для отчета... Кто-то должен эти формы заполнять, быть с нами на связи.
Начали совещаться, кого назначить. Желающих не было... И после недолгой паузы Иван Михайлович решил:
— Думаю, мы это поручим нашей молодой учительнице Таисье Алексеевне.
Я от неожиданности встала.
— Да, да, именно вам, Таисья Алексеевна. Вы у нас молодая активная комсомолка...
— Но я, я же совсем не знаю, что надо делать...
Пронин, видимо, был доволен, что это будет не Мария Васильевна, и тут же, обращаясь ко мне, сказал:
— Я вам всё объясню.
Именно в те первые месяцы работы в школе, когда запрет подходить к реке, ловить рыбу, пить речную воду был жестко прописан во всех бумагах, на самом деле в деревне не было другого источника воды... И никто не собирался обеспечивать жителей какой-то другой водой... Именно тогда я впер-

вые поняла, что власть лукавит и что у нее есть более приоритетные задачи, чем люди, оставшиеся без своей кормилицы-реки...

И никого не наказывали за пользование рекой. Сельчане продолжали брать из нее воду и ловить рыбу. Я месяцев пять добросовестно заполняла присланные для отчета бланки. Но потом бланки кончились, и никто с меня ничего не спрашивал. И все затихло... И именно тогда впервые я ощутила полное непонимание действительности. Я не понимала, почему всем надо молчать и даже не попытаться сообща найти выход из трагической ситуации, в которой оказались жители деревень, попавших в радиактивно загрязненную зону. И почему от меня и всех остальных скрывают информацию о действительном положении...

Меня заинтриговали эти бесконечные запреты на правдивую информацию о качестве воды и почвы... Городские власти боролись не с теми, кто продолжал сбрасывать радиоактивные отходы в реку, а с теми, кто об этом говорил и пытался найти пути выхода сообща, всем миром...

Жителям тех сел и деревень не говорили правды, всё было под строжайшим запретом. Именно тот солнечный сентябрь 1957-го, та авария, после которой были лишены своих домов и своего векового уклада десятки русских, татарских, башкирских сел и деревень, когда-то поселившихся на берегах тихой реки, не давали мне покоя всю жизнь. Иногда под грузом собственных личных бед и волнений всё это уходило на задний план, отступало, но память упорно хранила растерянные, убитые горем лица крестьян, которых в одночасье выселяли из собственных домов, ликвидируя всё, что составляло их жизнь. О массовых забоях домашнего скота, птицы, об уничтожении домашней утвари и самих строений рассказывали шепотом, передавали родственникам по секрету.

Никогда я не забывала этих людей и их боль по оставленной родной земле, просоленной их слезами и их потом. Всё это надолго зародило во мне искру сопротивления неправильным действиям властей, построенным на лжи, недоверии и страхе. Именно с той поры я стала участвовать в разных общественных движениях по сохранению природы. Моя одержимость вместе с моим несдержанным нравом часто дала мою жизнь невыносимой...

...Весь первый курс я догоняла свою группу, не выходила из библиотеки. Только к весенней сессии, наконец, сдала все накопившиеся «хвосты». В Свердловске мы с Лёней стали часто встречаться, ходили в основном в оперный театр. Уди-

вительно, что билет на галерку в один из лучших оперных театров страны стоил 30 копеек.

После зимней сессии второго курса я под нажимом Лёни начала переводиться из своего института в Уральский политехнический, где на физфаке учился Лёня. Он всё чаще говорил: «Ну зачем тебе диплом учителя, опять зашлют в какую-нибудь глухомань. Давай, переходи к нам на механический, будешь инженером». В те годы получить диплом инженера было очень престижно.

— Но меня же не возьмут, у меня были другие дисциплины, — возражала я.

— На первых двух курсах идут в основном общеобразовательные, кое-что досдашь. Я помогу.

Он записал меня на прием к декану механического факультета УПИ. Декан выслушал меня, ему понравилось мое горячее желание работать на заводе, двигать в цеха инженерную мысль. Он долго рассматривал мою зачетку. Глядя на меня в упор, спросил: «А что тебе в твоём институте скажут?» Я ответила, что не знаю и что я все равно хочу оттуда уйти. Выслушав все мои доводы, декан сказал, что меня могут зачислить в группу сварщиков. «Вам придется кое-что досдать». «Хорошо» — согласилась я. В коридоре меня ждал Лёня.

— Ну что?

— Могут зачислить в группу сварщиков. — Я вопросительно посмотрела на Лёню.

— Да разница небольшая, в дипломе всем пишут: инженер-механик.

Сейчас, если уж быть совсем честной с собой, то надо признать: я поступила подло по отношению ко всем тем, кто так старательно готовил из меня учителя. Я в мгновение ока всё и всех предала ради того, чтобы быть поближе к Лёне.

Но мне еще предстояла встреча с деканом моего факультета в пединституте, с Александром Матвеевичем Кушнером, и я боялась этой встречи: я знала, что поступаю подло. Но в тот постыдный день я вела себя как баран. Стоя перед Александром Матвеевичем, я твердила одно: хочу быть инженером.

— Почему же, Тая? Вы хороший учитель. Отзывы из школ, где вы работали, говорят о том, что это ваше дело.

— Они всем хорошие отзывы пишут.

— Неправда, я-то знаю, что неправда.

— Я все равно уйду, если не отпустите.

Вконец рассердив Александра Матвеевича, я дождалась желаемого:

— Забирай свои документы. Но если вдруг надумаешь обратнo, не возьмем. Школе не нужны предатели, которые по воле моды будут бегать из профессии в профессию.

Вышла я от него красная как рак. Радости от того, что получила документы, не было. Но дело было сделано. Так я и стала студенткой политехнического института механического факультета. Именно здесь в Уральском политехническом начнётся вторая моя жизнь.

УПИ был для меня еще одной прекрасной школой. Там умели заставлять думать. Преподаватели были остроумны и веселы. Может, оттого, что профессор шестидесятых годов — это по всем параметрам не профессор конца девяностых. По крайней мере, у тех, кто учил меня, не было проблем с зарплатой и с кабинетом для работы.

Учиться в политехническом было для меня сложнее, добавилось много дисциплин, которые я одолевала с большим трудом. Например, курс по электротехнике и электронике до сих пор вызывает у меня страх и панику... Сложнейшие каскадные электронные схемы, в которых я так и не разобралась, но трояк получила. Этот трояк я запомнила надолго.

Была весенняя сессия, к экзаменам мы готовились на Шарташе. Уходили на целый день, купались, загорали и понемножку читали учебник. За день до экзамена по электронике рядом с нами расположился наш преподаватель, молодой симпатичный аспирант нашей кафедры. Именно он читал нам электронику. Увидела я его поздно, так как увлеченно гадала на картах своей подружке Лерке Юсиченко. Гадать на картах было для меня такой творческой игрой. Я этому никогда нигде не училась. Мама иногда разбрасывала на себя: на даму червонную, и я просто знала, что означают некоторые карты. Видимо, поверхностное знание карточной премудрости давало полную свободу моей неумной фантазии. Я, глядя на карты, говорила то, что считала нужным сказать в текущий момент тому или другому клиенту. Лерке выпало сразу три короля разной масти. Мы шумно обсуждали, кто конкретно это мог бы быть, и тут слышим знакомый голос:

— Так вот вы где готовитесь к экзаменам? Может, и мне погадаете?

— Можно, — сказала я. Он подсел к нам поближе, и я, внимательно посмотрев на него, определила масть и начала гадать на бубнового короля. Дело в том, что об этом короле мы кое-что знали, знали, что он дружит с Ниной, студенткой из параллельной группы, знали, что у Нины есть еще парень с физфака. Этого мне было достаточно, чтобы карты нарисовали остросюжетную ситуацию, в которой нашему электрон-

щику надо было срочно действовать, а не загорать на пляже. Карты упали так, что дама сердца предпочитала явно физика. Но для утешения нашему электронщику выпал нечаянный интерес и пиковая дама.

Экзамен по электротехнике и электронике был через день. Я вошла, вытянула билет, хотела уже сесть и готовиться, но электронщик сказал:

— А схему? Вы не взяли схему, выбирайте любую! — На столе рядом с билетами лежали лицом вверх несколько электронных схем. — Выбирайте, какую хотите, вот вам и все карты в руки!

Но выбрать было бессмысленно.

— Мне все равно, — сказала я и взяла одну из схем.

Принимал он быстро. Вот уже и мой черед. Я кое-что ответила на вопросы в билете.

— Слабо, очень даже слабо. А теперь давайте поговорим по схеме. Рассказывайте.

— Что рассказывать, всё же видно... Вот, значит, сюда поступает ток, — начала я бодро.

— Так, — кивнул он.

— Идет дальше сюда — продолжала я, показывая на схеме путь электрического тока.

— Стоп. Как сюда? Здесь же емкость, ток-то переменный, — радостно остановил он меня.

— Ну откуда он знает, что здесь емкость? Он пришел, видит — емкость, он назад, — уступила я, глядя преданно в глаза электронщика и прогнозируя: поставит уд или не поставит.

— Это вам, голубушка, не на картах гадать, здесь знания нужны, а не ваша безграничная фантазия. Идите, придете еще раз, а может, и не раз. — Он подал мне зачетку.

Ходила я к нему еще два раза. На четвертый раз получила удовлетворительно, но знания в этой области для меня до сих пор — тайна за семью печатями. Я и сейчас не понимаю, почему ток бежит по проводам, почему я говорю в телефонную трубку и меня слышат за тридевять земель. Не понимаю, почему я набираю несколько цифр и после этого слышу голос сына, где бы он в этот момент ни находился...

Была еще одна сложная для меня дисциплина по теории сварных конструкций. Профессор Никонов Игорь Петрович был моим любимым преподавателем, он прекрасно танцевал чарльстон, которым мы тогда все увлекались. Утром у раздевалки выстраивались две очереди: в общую — для студентов, и — в преподавательскую. Игорь Петрович, стоя в очереди напротив, подмигивал нам и пританцовывал

чарльстон, да так здорово. У него всегда было классное на-
строение. Он всегда был на подъеме. Из его курса я на всю
жизнь запомнила достоинства и недостатки жестких и гиб-
ких конструкций, но так и не научилась применять эти зна-
ния в жизни.

Летом после третьего курса мы с Лёней поженились, а уже
летнюю сессию на четвертом курсе я сдавала досрочно, в мае,
так как была беременна и должна была в конце мая родить.
Этот период мне запомнился тем, что я всё время хотела спать.
На лекции я, как правило, опаздывала. Тот же Игорь Петро-
вич, лекции которого были первой парой, не начинал сразу
лекцию, а, улыбаясь, говорил: «Подождем Таю». Когда я од-
новременно со смущением и нахальством открывала дверь:
«Можно, Игорь Петрович?» Он говорил: «А как же, как же,
не только можно, но и нужно. Вам необходимо знать всё о
сварных конструкциях». Или что-нибудь вроде: «Ждем-с,
ждем-с, давайте располагайтесь, и начнем».

Столы в аудиториях были такой конструкции, что я со сво-
им животом с трудом влезала между сиденьем и столом. Все
ждали, пока я усядусь, и тогда начиналась лекция. К моему
стыду, меня часто одолевал сон, это было так сильно, как
никогда позже я этого не испытывала. Сон забирал меня в
небытие, я с ним боролась изо всех сил, но моя авторучка,
порой бессовестно выпадала из рук и я, с трудом возвра-
щаясь в реальность, вновь заставляла себя писать. Лекции И.П.
по теории сварных конструкций я не могла пропускать, ибо
боялась не сдать экзамен. Эти муки, борьба с поглощающим
мое сознание сном, казалось, будут длиться бесконечно.
Помню, как однажды ручка вновь предательски выскольз-
нула и упала со звуком на пол. Я от неожиданности вздро-
гнула, встрепенулась. И.П. быстро подлетел, поднял ручку,
положил мне на стол, не отвлекаясь от лекции и не замечая
моей жуткой борьбы со сном.

С каким глубоким чувством благодарности я вспоминаю
свою группу! В ней было 23 человека, и из них — только две
девушки. И как бережно ребята относились к нам! Из нас
двоих не получились инженеры-сварщики. Но на всю жизнь
в нас остался... дух солидарности и поддержки рядом идуще-
го... До сих пор для меня человек, принадлежащий к клану
сварщиков, особо родственный мне по духу человек.

После родов я целых четыре месяца жила дома, а мой Лёня,
сдав сессию, уехал на военные сборы.

Но наступил сентябрь, надо было или ехать в институт,
или брать академический отпуск на год. Посоветавшись,
было решено академический отпуск не брать, т.к. уже оста-

вался последний пятый курс. Лёня уехал, а я появилась в институте позже, чтобы сдать зимнюю сессию, когда сынишке Саньке было уже восемь месяцев....

Диплом я защитила на «отлично» в середине июня, а через неделю защитился и Лёня. И так, мы — молодые специалисты, и всё у нас впереди...

Это время запомнилось как время надежд. Мы предвкушали свободу и материальный достаток. Мы — молодые специалисты! Распределили нас с Лёней в город Курган на завод, который относился к Минсредмашу. В Кургане жили мои старшие братья и сестра, а рядом в деревне жила мама. Всё складывалось хорошо. Только Лёню распределили на закрытое секретное производство, а меня в обычный механосборочный цех.

В отделе, куда я попала, было человек десять, в основном женщины. Начальника техотдела звали Рэм Дмитриевич. Меня как технолога закрепили за участком, где сваривали ящики для подстанций систем энергоснабжения. В цехе было просторно, сварщиками работали исключительно мужчины, были среди них люди в возрасте и молодые, но все относились ко мне с подчеркнутым уважением. До поры до времени.

Ознакомившись с технологией, я быстро поняла, что весь процесс ручной сварки надо переводить на автоматический и полуавтоматический. Описала новую технологию, согласовала с Рэмом, попросилась в командировку в Киев в институт Патона, чтобы заказать нужное для цеха сварочное оборудование. С некоторым сомнением, но командировку мне подписали.

В институте Патона меня приняли как свою, всё показали, всё подписали, и через неделю я уже докладывала Рэму Дмитриевичу о проделанной работе. И всё бы было хорошо, но месяца через два пришло из Киева заказанное оборудование, и у меня начались проблемы. Оказалось, что хотя все знали о моих новациях, но никто не верил, что надо будет конкретно всё менять. Рабочие сварщики в цехе, узнав, что по новой технологии нормы времени на сварку их изделий значительно снижаются и что за те же деньги им надо выдавать другие объемы готовой продукции, устроили мне бойкот. Рэм посмеивался и говорил: «Я вас предупреждал...» В цех я уже не летела на крыльях, а шла как на каторгу.. Выручил, как всегда, Лёня:

- Ты молоток! Автоматы пробила!
- Что толку? Никто не хочет их ставить!
- Это же твоя инициатива, почему кто-то должен...

-
- Лёнь, ну ты что, не понимаешь?
— Я понимаю, что «отшумело, отгремело бабье лето».
— При чем здесь это?
— Говорят, уже из газеты областной приходили, новаторов у вас искали?
— При чем здесь это?
— Да при том, что «Скажи мне, товарищ, ты вспомнишь или нет, когда получил ты партийный билет?»
— Не получила и не собираюсь, — огрызнулась я.

Вот всегда так, и пойми его. Но главное, я поняла, что полуавтоматы в цехе надо ставить, даже если все мои дорогие сварщики будут материть меня с утра до ночи. Вначале на полуавтомат я перевела два рабочих места. Приходили, смотрели, сомневались... Но, глядя на сварочный шов, который выходил из полуавтомата, не скрывали восхищения. Так что через полгода везде, где было возможно, уже работали на полуавтоматах. Действительно, пришел журналист и появилась стайка о молодых специалистах и их новаторских делах.

А Лёню распределили в секретный экспериментальный отдел отладки нового оборудования для атомной энергетики. От этого института мы получили первую свою двухкомнатную «хрущевку». Это были наши счастливые дни: ошеломление от возможности уединения, от создаваемого своими руками уюта. Нас убаюкивало, укачивало... Через полгода я вновь ушла в декрет. На что друг Лёни Вадим Бушмакин сказал: «И правильно, надо успевать рожать, пока еще могём...» О ребятах с физфака ходили слухи, что часто они не могут иметь детей.

Я ревновала Лёню к его работе, искренне сердилась, что он пропадал по 10—15 часов. Хотя я видела, каким уставшим он приходит домой и старалась изо всех сил облегчить его жизнь... Но когда в июле у нас родился Митя и я оказалась один на один со всеми проблемами ведения домашнего хозяйства, я всё чаще срывалась... А Лёня всё чаще уезжал в командировки на какие-то режимные объекты. Иногда эти командировки длились до трех месяцев.

Однако время летело быстро, детки росли, были здоровы и веселы. Ближе к лету мы засобирались в отпуск под Смоленск, на родину Лёни, где, по его рассказам, оставалось много родственников. Он страстно желал увидеть место, где родился и откуда его увезли во время войны в детский дом.

Но за неделю до намеченного нами отъезда случилось ЧП. Я хорошо помню тот день, вернее утро. Часов в восемь утра позвонили в дверь. Я с детьми еще валялась в постели — благо был выходной.

— Мама, наверное, папа приехал!

Дети побежали вместе со мной в прихожую. На пороге стоял Вадим Бушмакин, непосредственный начальник и друг Лёни. Он как-то растерянно посмотрел на детей, поздоровался и тихо сказал:

— Надо поговорить.

Мы пошли на кухню, я поставила чайник, спросила:

— Что-то случилось?

— Случилось...

У меня задервенело сердце, я вышла, закрыла дверь в детскую комнату.. Вернулась, села напротив. Я боялась его слов. Он молчал. Потом встал, заварил чай, разлил по чашкам и сказал:

— Алексея увезли в психиатрическую...

— Зачем? — удивилась я.

— Это так всё страшно и неожиданно... Три дня и три ночи на одном из объектов под Челябинском был блэкаут, ну, аварийная ситуация в энергосистеме. Произошло аварийное отключение оборудования. Постоянное ощущение страха, опасность неконтролируемых взрывов, выбросов опасных веществ... понимаешь? Напряжение жуткое. Вечером третьего дня Мишка Кувалдин в обморок прямо у стенда грохнулся! Представляешь, Мишка — и в обморок... А Лёшка, Лёшка все трое суток держался молодцом, как всегда, уверенный и спокойный. И вот когда кризис миновал, нас отпустили отоспаться... В гостиницу вернулись уже ночью... Пожрать нечего. Выпили по стопарику, спать легли... Я заснул моментально... Проснулся от того, что Лёшка окно выбивал и орал: «Спасайся, сейчас бабахнет, спасайся!» Я подбежал к нему. Он рвал ручку окна на себя, окно было закрыто на шпингалеты и не давалось, он ногой разбил стекло. Я держал его... Его глаза были полны ужаса и отчаяния... Он панически чего-то боялся. Я его начал уговаривать, что всё хорошо, что он просто устал и надо отдохнуть... Но его было не унять... Вызвали врача, те сразу определили нервное и физическое истощение, потерю контроля... Ну и отвезли в психиатрическое отделение... Он уже неделю отлежал в Челябинске.

— Почему мне сразу не сообщили?

— Думали, обойдется. Но он уже неделю совсем не принимает пищу. Доктор сказал, что надо вызывать родных или отвезти к близким ему людям, уровень страха и тревоги зашкаливает... Он ни от кого не принимает пищу, уже неделю. Врач сказал, что нужен рядом близкий человек... Его уже перевезли, сейчас он в нашей областной, в психиатрическом отделении.

Вадим замолчал. На кухню зашел Саня с самолетом под мышкой.

— Дядя Вадим, а папа скоро придет?

— Да, Сань, еще немного поработает и придет. Иди играй. Саня ушел в детскую.

— Оставь координаты, куда его положили... и иди, — как можно спокойнее сказала я.

— Тая, всё, что я тебе рассказал, не надо больше никому говорить... Прошу тебя.

— Я всё понимаю, иди.

Вадим молча пошел к выходу, я осталась на кухне. Прибежали дети.

— Мама, дядя Вадик сказал, когда папа придет?

— Да, он сказал, что папа еще должен поработать, а потом придет.

Лёня тогда пролежал в больнице два месяца, потом его выписали. Его лечащий врач Тамара Махмудовна сказала, что хотя обошлось без всяких последствий, однако стрессы противопоказаны:

— Восстановление нервной системы проходит у всех по-разному. Возможно, надо подумать о смене работы... При первых признаках бессоницы, тревоги — обращайтесь к врачу. Дома должны быть всегда успокаивающие средства... Вот, возьмите рецепты.

После небольшой паузы, глядя мне в глаза, Тамара Махмудовна спросила:

— Вы знаете, что когда он служил в армии, то получил приличную дозу радиационного облучения?

Я растерянно молчала, я ничего этого не знала, Лёня никогда мне об этом не говорил. Затем неуверенно спросила:

— Это очень страшно?

— Пока не знаю, посмотрим. У него ухудшение показателей крови, кроме значительного снижения лейкоцитов и тромбоцитов, плохая динамика эритроцитов. Берегите его.

Началась другая жизнь, жизнь под дамокловым мечом — ожидания беды, страх за детей. Но прошло больше двух лет. Лёня был, как всегда, внимательным и заботливым и отцом, и мужем. И мы как-то совсем забыли, память вычеркнула всё, что было связано с тем страхом. Лёню больше года не отправляли в командировки, он оказался незаменим и в своем экспериментальном секретном производстве. Мы были счастливы.

Шел 1977 год. Год, когда я окончательно поняла, что означает любимая папина пословица: «Меньше знаешь — креп-

че спишь». Дело в том, что после декретного отпуска я решила снова выйти на работу в свой механосборочный цех, но мне предложили перейти на другую работу. Со мной долго говорил начальник первого отдела о том, что такие молодые специалисты, как я и мой муж, должны расти, что страна в нас нуждается, что-то еще, я уже точно и не помню. Одним словом, мне предложили перейти на работу в то самое секретное подразделение, где работал Лёня, в отдел реабилитации радиоактивно загрязненных территорий. Я согласилась, и мне оформили третью форму допуска для работы с секретными материалами. Тогда, соглашаясь на новую работу, я и не представляла, как изменится моя жизнь.

Мне постепенно открывалась картина страшного суда над людьми, когда-то доверчиво поселившимися на берегу тихой и спокойной речки. Часами разглядывая карты и изолинии, показывающие степень радиационного загрязнения территорий, я переосмысливала всю свою жизнь и судьбу моих родителей. Я увидела бывшие поселения на реке Теча, которые были выселены после аварии 1957 года... Увидела территорию села Метлино, откуда были мои родители и где я родилась. Они уехали оттуда сразу после войны. Я тогда долго не могла понять, зачем они поменяли наш, хоть и маленький, домик на реке на этот железнодорожный барак. Уже намного позже папа сказал, что он еще в 1946-м знал, что рядом с нашей деревней будет построен завод по созданию атомной бомбы. Но информация эта была секретная. И он просто, забрав жену и детей, уехал из Челябинской области в соседнюю — Курганскую, нашел там работу и всю свою жизнь трудился мастером на небольшой станции с прекрасным названием Зарянка, что в сорока километрах от Кургана. Там я и окончила семилетнюю школу и именно оттуда ушла пешком в Петровское педучилище.

Папа не любил вспоминать войну, особенно ее конец, который для него закончился в Маньчжурии. После победы над Германией их часть отправили в распоряжение Забайкальского фронта. Он вспоминал, как они пересекали пустыню Гоби и горные Хинганские хребты... Я жалею, что мало расспрашивала его об этом. Он так и не понял, зачем, когда исход войны был всем ясен еще весной 1945-го, были Хиросима и Нагасаки. На всю оставшуюся жизнь он получил прививку страхом перед безумием сильных мира сего. До конца своей жизни папа прожил в железнодорожном бараке и был всем доволен, чем вызывал искреннее возмущение мамы: «Леш, ну какой ты партийный, да еще участник войны, да еще с орденами и медалями?! Вон Ивану Евдокимову опять к

Дню Победы ковер выделили, а в тот раз — швейную машинку! А тебе почему никогда ничего не дают?» — «Так, Марусь, я и не просил. А что, надо? Ну давай, я напишу... в следующий раз». Но никогда он ничего не попросил.

Про Маньчжурию я помнила, потому что папа очень любил вальс «На сопках Маньчжурии». Мама с папой спорили по поводу слов. Если начинала мама, то это было: «Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой. Вот из-за туч блеснула луна. Могилы хранят покой». Папа первый куплет пел так: «Страшно вокруг. И ветер на сопках рыдает. Порой из-за туч выплывает луна. Могилы солдат освещает». Еще в папином варианте был куплет, который он пел с особой душевностью: Плачет отец. Плачет жена молодая. Плачет вся Русь, как один человек, Злой рок судьбы проклиная». Совсем недавно я в Интернете нашла слова этого вальса. Оказалось, что папа пел самый первый его вариант, а текст принадлежал автору музыки Илье Алексеевичу Шатрову, капельмейстеру духового оркестра полка. Да... плачет вся Русь...

Итак, я получила допуск к информации о радиационном загрязнении территорий, связанных с деятельностью и авариями на «Маяке», и передо мной открылась картина, осмыслить которую я так и не смогла ни тогда, ни сейчас. Я узнала, что в 1945—1949 гг. по постановлению правительства в Челябинской области, в районе городов Кыштым и Касли для производства делящихся материалов был построен промышленный комплекс, на базе которого и было создано производственное объединение «Маяк». Здесь в 1948 г. был пущен первый в стране промышленный атомный реактор, а в 1949 г. — первый радиохимический завод, изготовлены первые образцы атомного оружия. Я смотрю на карту, нахожу Кыштым и Касли и десятки озер вокруг... Почему именно здесь? Опять перед глазами мое босоное детство, заливные луга, запах лесной клубники. Больше я никогда и нигде не ощутила этот запах ягодного лета. И это всё на землях колхоза им. Ворошилова, это всё рядом с деревней, где я родилась...

Читаю дальше: «В результате сброса отходов радиохимического производства непосредственно в открытую гидрографическую систему Обского бассейна через р. Течу (1949—1951 гг.), а также в результате аварий 1957 и 1967 гг. в окружающую среду было выброшено 23 млн. кюри. Начиная с 1949 г. в зоне радиоактивного загрязнения оказались десятки сёл и деревень, расположенных вдоль рек Теча и Исеть. Территория, которая подверглась радиоактивному загрязнению в результате взрыва на химкомбинате, получила название «Восточно-Уральский радиоактивный след» (ВУРС). Его

общая длина составляла примерно 300 км при ширине 5—10 км. На этой площади проживало около 270 тысяч человек. На территории загрязнились поля, пастбища, водоёмы, леса, которые оказались непригодными для дальнейшего использования. Из хозяйственного оборота были выведены земли общей площадью порядка 1000 км². Всего на реке Теча, попавшей под интенсивные сбросы радиоактивных отходов, было размещено 39 сельских населенных пунктов, в том числе 25 в Челябинской области и 14 — в Курганской области. Река использовалась населением и хозяйствами в качестве преимущественного источника питьевого и хозяйственного водоснабжения, для орошения приусадебных участков, овощных участков сельскохозяйственных предприятий, а территория поймы реки — для выпаса и содержания скота и птицы, заготовки кормов, производства овощей».

Я часами рассматривала эти карты и схемы ВУРСа с бывшими деревнями и селами. Вот наш Каслинский район, где когда-то мы и жили в деревне Метлино. В ВУРС вошли: Алабуга, Бердяниш, Боевка (Боевское), Брюханово, Гусево, Игиш, Кажаккуль, Кривошеино, Малое Трошково, Малое Шабурово, Мельниково, Метлино вместе с территорией своего Ворошиловского совхоза, Салтыково, Скориново, Трошково, Юго-Конево... Боже мой, ради чего все это?! А вот Кунашакский район и снова знакомые с детства названия деревень — Кирпичики, Русская Карболка...

В Русской Карболке жили наши родственники по папе. Во время войны (видимо, уже в конце войны — мне было лет шесть) мы с мамой ездили к ним в гости. Папину двоюродную сестру звали Дарьей, и я на всю жизнь запомнила ее пироги с рыбой. Запомнила, потому что страшно хотелось есть, но надо было из каждой рыбки вытаскивать косточки...

Вот она, краткая и трагическая история моей малой родины. Южный Урал и Зауралье — это моя родина. Что я с детства знала о своей земле? Что живем мы за Уральскими горами, которые есть — срединный хребет России, что край этот называли «голубое ожерелье России» из-за множества озер и более трех тысяч водоемов. Увидела на карте между хребтами Маскаль и Зюрат прекрасное озеро Зюраткуль, и снова вспомнилось детство. В детстве, уже после войны, папа возил меня на это озеро. Помню, было начало лета, но там было очень холодно, и я простыла. Ночевали мы в каком-то бараке или доме. Помню рабочих, которые в основном были пленные немцы. Они строили в то время там плотину.

Заканчивается 1977 год. Прошло 20 лет со дня аварии, но никакой информации в открытой печати не было. Почему?

Почему об этом не написал ни один журнал и ни одна газета? Как будто ничего и не произошло с моей землей! Это меня больше всего поражало. Как будто то, что я читала в закрытых материалах, было просто фантомом — как будто всех этих сел и деревень вовсе и не было, а ныне они просто «деревни-призраки», образы из прошлого, некое сочетание сна и реальности. Не может же такого быть, чтобы о той страшной трагедии простым людям никто не сказал ни слова! Не должно такого быть!

Мне попали в руки первые статьи в журналах с грифом «для служебного пользования». Зав. отделом предложил мне эту тему диссертации, и я согласилась. Но чем больше я погружалась в эту страшную информацию, тем хуже становились мои отношения с Лёней. Он изначально не хотел, чтобы я переходила в этот отдел, так как это было связано с получением допуска к секретным материалам, что чревато многими ограничениями.

Да, именно тогда произошла та первая серьезная размолвка между нами, я обиделась, я не поняла. Уже тогда надо было почувствовать — что-то мучает его, не дает покоя... Да, с того самого дня, когда мой друг и товарищ, мой любимый муж, который всегда очень серьезно относился к моим делам, на мои волнения и страхи перед новой работой с раздражением и досадой сказал: «Лучше бы ты крестиком вышивала да детей воспитывала...»

Сейчас-то я понимаю, что он просто боялся за меня. Он хотел уберечь меня? Он раньше меня понял, что нам предначертана участь аутсайдеров, и не хотел этой участи для меня. Он боялся за меня всегда, с того самого незабвенного его появления в Максимовке, на берегу Исети, где я только начинала работать учительницей...

Однажды, во время позднего нашего ужина, накануне ноябрьских праздников, когда дети уже спали, мы открыли бутылку красного вина, и Лёня, пожалуй, впервые за все его годы работы в своей засекреченной организации начал разговор о той аварии 1957 года.

— Представляешь, в английском журнале «Ньюсаинтист» один наш ученый-биолог дал какую-то краткую информацию об аварии на «Маяке». Наши все сильно заволновались... Прошло двадцать лет! Двадцать лет ни единой публикации ни в нашей, ни в зарубежной прессе!

— Ты думаешь, никто не знал? — недоверчиво спросила я.

— Думаю, что американцы наверняка знали. Знали, но молчали, у них у самих рыльце в пуху. Они сами много лет

радиоактивные отходы сбрасывали в реку Колорадо, и им невыгодно поднимать шум.

— Но Колорадо горная река. Во-первых, скорость течения, во-вторых, она впадает в Тихий океан, который всё разбавляет, и концы в воду.. — сказала я.

— Да, а наша Теча потому и Теча, что никуда не торопится, течет медленно, спокойно по равнине... А ты знаешь, почти одновременно с нашей аварией была авария в Англии. Там 10 октября 57-го произошел пожар на атомной станции в Виндскейле. И тоже никакой информации.

Тогда, в тот вечер, меня насторожило, что Лёня всё чаще заводит разговор на чисто профессиональные темы, и я спросила:

— Что происходит, Лёня? Что-то изменилось в вашем секретном ведомстве, или ты мне что-то хочешь сказать?

— Да, произошло. Во-первых, ты теперь тоже в нашем ведомстве, а во-вторых, в нашем ведомстве ищут специалистов, желающих поехать на «Маяк», предлагают карьерный рост, хорошую зарплату, хорошую квартиру в закрытом городе.

Лёня, говоря всё это, внимательно смотрел на меня, ожидая моей реакции.

— Ты же там был в том самом 57-м. И сейчас... эти твои командировки, они ведь тоже туда, на «Маяк»?

— Да, тогда я там был, через три дня после аварии. Нас, новичков-призывников, поставили на санитарную обработку зданий, которые находились на территории предприятия. Всё это тогда на меня произвело тягостное впечатление.

— Ты мне никогда не рассказывал.

— Все мы тогда дали подписку о неразглашении... Да, тогда я получил много впечатлений... А рассказы тех, кто видел тот взрыв, до сих пор отпечатаны яркими красками в моей памяти. Витька Рябов, помню, рассказывал: «Представляешь, после взрыва поднялся столб дыма и пыли высотой больше километра. Все это мерцало оранжево-красным светом и оседало на зданиях, на земле, на людях». А солдаты-старички из нашей воинской части, которая тогда находилась рядом с «Маяком», рассказывали, что в первые часы после взрыва пошел странный снег, хотя был теплый солнечный сентябрьский день. С неба сыпались белые хлопья, падали на землю, прилипали к стенам здания. Говорят, что этот радиоактивный снегопад продолжался почти сутки. К ночи появились дозиметристы, сосредоточенные, уставшие. На другое утро объявили срочную эвакуацию части персонала и солдат-строителей. Рассказывали, что никто толком не знал,

как проводить санитарную обработку, в бане все терли себя до боли мочалками, смывали невидимую грязь. Потом всех переодели в чистую одежду, вывозили кого куда...

Ни одна газета ничего не сообщила. Только в местной областной газете появилась заметка о северном сиянии. Типа, в воскресенье вечером... многие горожане наблюдали особое свечение неба, похожее на полярное сияние. Красное свечение неба временами переходило в слабо-розовое и светло-голубое свечение... Даже на Ломоносова сослались, что он был прав, говоря о том, что в верхних слоях атмосферы скапливается огромное количество электрических разрядов — вот и возникает сияние. Заметка заканчивалась тем, что полярные сияния... можно будет наблюдать и в дальнейшем на наших широтах.

— Возможно, это была специально организованная дезинформация, чтобы не задавал народ лишних вопросов, — неуверенно сказала я.

— Возможно... А специалисты с «Маяка» саркастически посмеивались. Они рассказывали, что страшно боялись, что это «северное сияние», это облако радиоактивной пыли начнет опускаться на ближайший город с населением в 700 тыс. человек. Но подул юго-западный ветер и понес его в сторону небольшого городка Каменск-Уральский и накрыл его. Я служил вместе с Витей Рябовым из этого самого городка. Он после армии вернулся туда к родителям, там же учился в институте. Два года назад его не стало...

Лёня замолчал, а я ждала продолжения.

— Представляешь, на другой день после аварии весь персонал завода должен был выйти на работу. Производство нельзя было остановить ни на минуту. И все вышли и приступили к своим обязанностям! Они ведь всё понимали... Я всю свою жизнь восхищаюсь этими людьми. Они же всё знали! Тот же Витя Рябов рассказывал, что 30 сентября их взвод поставили на очистку территории: «Пошел слух, что мощность облучения от «фонящего» мусора превышает все допустимые нормы в тысячи раз. Взвод стоял в пятидесяти метрах от этой страшной кучи мусора, никто не хотел туда идти. Да и сам взводный тоже боялся и не отдавал приказов. Вдруг, видим, идут два инженера-дозиметриста и с ними еще двое, о чем-то спокойно говорят. Они подошли к той куче, спокойно закурили. Тогда наш взводный тихо сказал: «Пошли, ребята». Уже перед самой демобилизацией мы узнали, что оба эти инженеры-дозиметристы получили огромные дозы и отправлены на инвалидность. Ценой человеческих жизней мы продались к этой бомбе... Мне повезло, что меня тогда отправили с бригадой, которая делала ограждение...»

Помнишь, когда я к тебе приезжал в начале октября 57-го? Так вот, мы тогда делали ограждение всей этой территории. Площадь огромная, до сих пор помню деревни, которые попали под это. Но эвакуация деревень началась только через неделю после аварии. Многие успели получить приличные дозы. Тогда никто ничего толком не объяснял, народ был растерян и напуган. Информация вся была сокрыта. Просто приезжали в село эвакуаторы на грузовиках, оценивали дома, людей увозили немедленно, нельзя было с собой ничего брать. Скот, птицу и всю живность расстреливали... Автоматчикам тем тоже не позавидуешь, многие же родом из деревень...

— Лёня, а есть какие-то данные о числе пострадавших?

— Скупые данные в закрытых источниках... Помню из закрытого сообщения о солдатах, участвовавших в зачистке территории... По официальным данным, в результате аварии пострадали более тысячи военнослужащих, около ста солдат получили облучение от 10 до 50 рентген. Среди этих ста и я.

— Нашли виновных?

— Виноватыми признали весь персонал комбината за ненадлежащую эксплуатацию хранилища отходов. Главными виновниками этого происшествия были названы начальник радиохимического завода и главный инженер этого завода, допустившие грубое нарушение технологического регламента. Фактически, наказали директора, но как наказали? Его перевели в Сибирь на аналогичное предприятие главным инженером.

— Почему ты мне сегодня так много рассказал, у тебя же подписка?..

— Во-первых, ты и сама уже имеешь допуск ко многим материалам, а во-вторых, я принял решение принять предложение...

— Какое?

— Мне предлагают стать директором одного из радиохимических заводов на «Маяке».

— Зачем, Лёня, ну зачем нам это?

— Партия сказала, комсомол ответил — есть! — Он улыбнулся и продолжал: — Перед глазами ребята, с которыми тогда служил. Они все тогда попали на зачистку, и их уже нет. Мне тогда повезло...

— Лёня, я много узнала о состоянии тех мест, там опасно, Лёня...

— Но это же родина твоих предков. Ты сама рассказывала о той деревне, в которой вы жили, рассказывала, как там было тебе хорошо и привольно...

— Но когда это было? Ты же знаешь, что давно уже нет там ничего, ты же знаешь, деревня там затоплена еще до аварии. Неужели нельзя отказаться?

— Можно.

— Откажись... — Я подошла, заглянула в глаза, в эти сияющие лучистые глаза и всё поняла...

И стали мы жить в этом прекрасном, очень чистом городке — закрытом административно-территориальном образовании, ЗАТО, Челябинск-65. Ранее, до 1966 года назывался он Челябинск-40, сороковка. А еще ранее, 1954 году, в самом начале его становления, назывался он Озёрск. Город со всех сторон окружён озёрами — Иртяш, Кызылташ, Малая и Большая Наного, благодаря которым Озёрск и получил своё название. Жители гордятся своим городом, его считают первенцем атомной промышленности, ведь именно здесь создавался плутониевый заряд для атомной бомбы. С 1994 года город вновь обрел свое первоначальное название.

Я работала научным сотрудником в филиале политехнического института. На «Маяк» у меня допуска не было. Лёня все мои попытки что-либо узнать о его конкретной работе пресекал на корню. Например, вечером после ужина Лёня уже расположился с газеткой на диване, а я пристаю: «Лёнь, а у вас там не опасно, дозиметристы постоянно замеряют обстановку, все под контролем, да?» Он, глядя мне в глаза, с улыбкой начинает напевать утёсовскую песню о минёре: «Сомневается дивчина: Страшно с вами там идти. От любви или от мины не взорваться бы в пути». — «Лёнь, ну я же серьезно!» Но Лёня продолжает напевать: «Ваши страхи мне смешны. Мины нам, специалистам, абсолютно не страшны!» — «Лёня, ты почему никогда не говоришь со мной по-серьёзному?» — «Правда, кой-кого взрывает, Ну да нам не привыкать. Двух смертей ведь не бывает, А одной не миновать».

Но меня всю жизнь мучил вопрос: что тогда произошло в той его командировке на этот самый «Маяк», после которой он попал в психиатрическую больницу, и почему мне никто никогда не хотел об этом рассказывать? Что там такое было, что стало несовместимо с его здоровьем, с его жизнью, с его психикой?.. Но ведь эта несовместимость не сразу обнаружилась: он работал более десяти лет в этой засекреченной конторе?..

Хотя что-то тревожило его и в первые годы работы там... Однажды он вернулся особенно угрюмый, неразговорчивый и даже... злой. Долго молчал и только на третий день, переби-

рая какие-то бумаги в своем письменном столе, видя, что я жду каких-то разъяснений, подошел, взял сзади за плечи и мягко сказал:

— Прости, всякий раз, оказываясь в тех местах, мне хочется кричать: «Простите нас, люди! Простите нас! Простите нас всех, кто причастен к этому! Грех наш велик, ибо ВЕДАЕМ, что творим! Ведаем и все-таки творим».

— Ты о чем?

— Я не могу рассказать тебе всего, что мучает меня, я дал подписку о неразглашении... Завидую я твоей наивной вере в твои прекрасные природолюбивые методики... Соизмерения природных и производственных потенциалов... Так это у тебя по-научному называется?

— Приблизительно так, — отвечала я.

— К сожалёнию, твоя вера в возможности баланса между человеком и природой остается просто мечтой, верой. Одни верят в Бога, другие в баланс...

Я, хоть и обиделась, но чувствуя, что его что-то мучает, не даю ему покоя, мягко сказала:

— Ты пессимист, а я верю, что человек, действительно, в конце концов научится жить в согласии с природой, другого пути нет.

И опять долгая пауза.

— Возможно, только где оно, это разумное человечество? Я вижу совсем другое...

— Что, всё так страшно? — недоверчиво спросила я.

Лёня долго молчал, а потом твердо сказал:

— Тебе лучше этого не знать. — Он нахмурился и неожиданно закончил: — А ты поезжай в Карабаш! Туда, где бываю я. Хотя... нужен специальный допуск... Там всё очень наглядно... И производство — не засекреченное, посмотришь, как твои методики соизмерения экономики природы и экономики человека действуют в нашей практике. Да, да, обязательно поезжай, убеди своего шефа, что тебе необходима командировка в экологически проблемный район...

Да-да, именно тогда он отправлял меня в Карабаш. Это же рядом. Надо было съездить, обязательно съездить.

И еще помнится мне один разговор. Лёня лежал в нашей ведомственной больнице. А я прибежала к нему, такая вся занятая работой, детьми... Я в ту пору много занималась общественной работой, мы боролись за открытие экологической информации. Тогда я принесла ему «Экологический вестник», в котором была большая статья на эту тему.

— Экологическую информацию скоро откроют! — с порога воскликнула я.

— Да, я уже читал. Неужели я доживу до этого времени? — как всегда, иронично сказал он. — И можно спокойно уходить в более светлый мир. Просвещенное человечество на одной шестой части Земли прекратит дальнейшее уничтожение родных ландшафтов...

Прошло еще два года, мы никуда из нашего ЗАТО не выезжали. Жизнь текла спокойно и однообразно. И тут я решила съездить на кладбище, где похоронены мои бабушка и дедушка, в Метлино. Лёня сказал, что туда нельзя, туда никого не пускают: «Ты же знаешь, оно частично затоплено...» Но я упёрлась и начала нудить каждый день.

— Почему чьи-то помраченные мозги диктуют нам, как жить, ну скажи, почему? Почему я не могу съездить на могилы своих предков?

— Это ты мне?

— Да-да, тебе. Почему мы все как телки на поводке... Ну скажи мне, где мой отчий дом? Что есть мое начало? Ничего же не осталось. Я всегда завидовала тем, у кого этот отчий дом есть, и они могли поехать к своим родителям, к бабушкам и дедушкам... У меня это отняли в силу каких-то высоких целей, и не только у меня. И не хотят ничего объяснять! Зачем, кто мы такие, чтобы нам объяснять?

— У тебя хотя бы Зарянка есть, — неуверенно сказал Лёня.

— Да нет же, нет, я не хочу в железнодорожный барак, а хочу в тот наш дом. Мне было восемь лет, когда меня, увезли из него. Но я помню... У нас был дом, было мое родное гнездышко. У меня самые светлые воспоминания об этом доме. Мама, затопив печку, говорила: «Посумерничаем». И мы, притихшие, замороженные огнем, рассаживались в нашей тесной кухне... Иногда мама читала папины письма с фронта. Он присылал слова песен, которые мы уже слышали в репродукторе, и мы их пели. Да, именно в моем военном детстве мы много пели. Сейчас я тоже не понимаю, почему мы так много пели. Никакой цивилизации, вода — в колодце, уборная во дворе, вечно голодные, но пели. А сейчас, когда мы и дети наши сыты, и мы живем со всеми удобствами, у меня острое ощущение сиротства. Ну зачем, зачем надо было столько всего уничтожить, ради чего?

— Ты же всё знаешь! Не мы же начали! — с раздражением сказал Лёня.

— Они небось тоже думали, что защищают свою родину, — зло сказала я.

— А на США в 45-м никто не нападал. Захотели всем показать, кто в доме хозяин.

— Только не учли, что дом у нас общий — матушка-Земля, — встала я.

— Да, именно с них всё началось. Именно США развязали гонку ядерных вооружений... А мы... мы были вынуждены включиться в эту страшную гонку, — продолжал Лёня.

— Но почему такой ценой?

— А цену еще никто не знает, — задумчиво сказал Лёня.

* * *

...И вот я решила поехать в тот самый Карабаш, куда за чем-то отсылал меня Лёня. Я так долго туда собиралась...

Перед тем как поехать, долго сидела в Интернете, нашла многое о Карабаше, о единственном заводе, увидела десятки ужасающих своей яркостью фотографий и не поверила. Такого быть не может, не должно: там же живут люди, там рядом уникальные озера, известный санаторий на озере Увильды...

И вот, наконец, я еду в Карабаш. Не знаю, что там меня ждет и что я хочу понять задним числом. Я так до конца и не осознала, что может разъяснить мне это путешествие.

Компанию мне составил молодой сотрудник нашей кафедры, отличный фотограф Александр Саврасов. Выехали на наших старых «Жигулях».

Наконец мы в поселке Увильды. Нам не терпелось увидеть Карабаш, до него всего тридцать километров. Меня не оставляло сомнение: не верила я, что знаменитый южно-уральский курорт Увильды, который известен далеко за пределами Челябинской области, может находиться всего-то в тридцати километрах от тех безобразий, что увидела я на многочисленных фотографиях о Карабаше в Интернете. Как может это совмещаться?

И вот мы въезжаем в центр Карабаша, останавливаемся у сквера. Нас встречает весь в белом Владимир Ильич. Видно, что за монументом хорошо ухаживают. Особенно это впечатляет на фоне нежилых заброшенных домов с пустыми глазами окон. В сквере на скамейке сидят подростки, лет по четырнадцать-пятнадцать.

— Вы здесь живете?

— Да.

— Школа есть?

— Конечно.

— Вы в каком классе?

— В 9-м, — ответил который постарше.

— Как вам дышится в вашем городе, мы слышали, что...

Но мне не дали закончить. Один из подростков весело произнес:

— Так сегодня у нас в гостях губернатор, вечером в телике в новостях покажут. Сегодня завод не работает, видимо, временно прикрыли. Но зато ночью... они своё возьмут.

— Ваши родители... они работают на этом самом заводе?

— А здесь больше и негде, разве только вот в этой конторе, — мальчик кивнул на двухэтажное добротное новое здание слева.

— А это что?

— Ритуальные услуги, — весело сказала его подружка. У нас два прибыльных предприятия — завод и эта фирма.

Прощавшись, мы двинулись дальше по бывшей центральной улице. Она называлась Освобождение Урала. Интересно, от кого освобождали Урал? Надо посмотреть в Инете. Все трехэтажные и двухэтажные дома были заброшены. Вот совсем хорошо сохранившееся здание кинотеатра «Победа», архитектура советского модерна. Напротив два деревянных хорошо сохранившихся дома: похоже, в них еще живут... Видимо, самые упрямые, не желающие переезжать в новый микрорайон.

Мы подъезжаем к мосту через реку. Издалека виден столбик-указатель и название реки: Сак-Элга. Проехав мост, остановились. В русле так называемой реки текли разноцветные потоки какой-то жидкости. Поражали цвета — оранжевый, зеленый, желтый с проблесками бирюзы и яшмы...

Яркое солнце опускалось за горизонт, высвечивая последними лучами беспощадную «красоту» переливающихся красок. Фотограф снимал и снимал в каком-то исступлении, приговаривая: «Вот это краски!.. Природа и химия в сочетании создают такой сюр...»

С фотографом у нас сразу не очень заладилось: ему было наплевать на проблемы экологии, охраны природы, здоровья людей... А я, как говорит молодежь, выпала в осадок. Мне казалось, это не может быть реальностью, я вновь почувствовала полную оторванность от этого мира, я его не понимала. В моем воображении здесь должна была течь совсем другая река, которая впадает в Аргазинское водохранилище, из которого производится водозабор для многих населенных пунктов, в том числе и для Челябинска. Но перед моими глазами была мёртвая безжизненная река Сак-Элга — на закате она переливалась всеми цветами радуги, и что-то зловещее было в этой «красоте». Но именно эта река и впадала в Аргазинское водохранилище!

На следующий день из гостиницы мы выехали в четыре утра: знакомые фотографии из Челябинска сказали, что Карабаш надо увидеть на рассвете, когда встаёт солнце. Имен-

но утренние ранние лучи высвечивают всю беспощадность рук человеческих. Да, именно так и сказал один из фотографов, коренной житель Челябинска.

Решили начать с района старого Карабаша, где когда-то жили семьи рабочих-золотодобытчиков. Называлось это место Сольмановская слобода, и когда-то оно считалось престижным. Жили здесь в хороших добротных домах мастеровые люди. В слободе всего две улицы, к которым вплотную примыкают шлакоотвалы — огромного размера насыпные горы из шлака. Одна улица практически была уже засыпана шлаком, на другой еще сохранилась часть домов, в которых живут.

Машины остановили на первой улице и пошли в сторону высвечиваемых лучами шлаковых гор. Горы, охваченные первыми лучами солнца, казались таинственно загадочными, переливались от коричнево-черного цвета до желтого. Они подступили к огородам. Я остановилась посреди улицы. Вот было чье-то гнездышко, дом покинут, у ворот старый сундук, обитый железом, здесь же старая швейная машинка, рассыпанная кадка, карманный фонарик... Утварь, много лет служившая семье, которая иссякла.

И вдруг что-то до боли знакомое! Я замерла. Это был тот самый дом с фотографии. На фото рядом с Лёней на скамейке сидели улыбающиеся, очень симпатичные и счастливые мужчина и женщина. На сохранившихся воротах дома была вырезана ветка, и на ветке сидели птицы. Это тот самый дом, с теми птицами. Он уже наполовину был погребён под отвалами шлака. На оставшейся, еще не засыпанной части крыши весело щебетали живые птенчики. Так значит, это фото было сделано в Карабаше?..

Ко мне подошли ребята-фотографы. Один из них поинтересовался:

— Увлекаетесь домовой резьбой? — Он посмотрел на ворота, на ветку с птицами и сказал: — На Урале расписные окна, ставни, ворота — это традиция. Пойдемте на следующую улицу, я покажу вам удивительный дом.

Выйдя по переулку на следующую улицу, которая от шлаковой горы была защищена первой улицей, я увидела этот дом. Его осветило утреннее солнце. На его фасаде были изображены олени, они неслись в будущее, оставляя позади веселые кустики, на листьях которых блестел снег. На крыше — самый настоящий сказочный петушок! Дом был ухожен: крепкий забор, расписная скамейка рядом. Бог мой, их не сегодня-завтра засыплют шлаком, а они украшают дом... Мне так хотелось поговорить с теми, кто живет в этом доме!.. Но было всего пять утра.

Оставив своих приятелей-фотографов, я вернулась на первую улицу — к воротам с птицами, на улицу, которая уже почти была погребена под отвалами. И снова — всё то же непонимание реальности. Изуродованное пространство... Невыносимое состояние... Медная пыль набивается в легкие, першит в горле...

И я всё вспомнила... Эта фотография появилась в день рождения Лёни. Да-да, к нему пришел этот самый человек с фотографии. Он был в нашем городе в командировке. Это он на фото. Я помню, он читал стихи Дмитрия Кедрина и подарил нам сборник его стихов. Был август 1975-го. И он читал стихи из этого сборника: «Рябиной горчит и брусникой. Тридцатая осень в крови...»

Где они сейчас, эти люди с фотографии?.. Я пошла по улице. Тихо, ни лая собак, ни крика петухов... Вот у одного дома припаркован старый «жигулёнок». Я постучала в калитку. Вышел мужчина, заспанный, хмурый.

— Простите, я бы хотела у вас спросить о людях, которые жили в вон в том доме, который третий от вас, — показала я.

— Так там уж давно никто не живет.

— Да, я поняла. А где они сейчас?

— Петька с Ильмирой, что ли?

— Да, — кивнула я.

Мужчина посмотрел на меня с подозрением.

— А ты им кто?

— Мой муж дружил с Петром.

— Когда же это было? Петьки-то уж нет лет восемь, помер Петька, царствие небесное, хороший был парень, хороший.

— Болел?

— Так все, кто тогда попал под аварию в 57-м, почти все уж померли.

— Он в армии служил в 57-м? — спросила я.

— Да, только забрали, а тут и громыхнуло. Всех новобранцев на зачистку!

— Мой муж тоже там же служил, а потом они вместе работали на «Луче».

Мужчина внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Жив муж-то?

— Нет, умер.

— Сочувствую. Пойдем в дом, чаю попьем.

Мы вошли в дом. На тесной кухоньке стоял стол и две табуретки.

— Извини, гостей-то не ждали. Да если б и ждали, так лучше не будет. — Он усмехнулся. — Ничего уж много лет не делаем. Всё говорят — переселят. Видела — засыпало нас совсем.

— Да, я видела. А как же так получилось, что шлак прямо на дома... Почему?

А кто их знает. Что хотят, то и воротят.

— Ну а вы, жители, отчего не сопротивляетесь?

— Милая моя, сопротивлялка закончилась. Сил нет ни у кого. День проживём и хорошо. Ты сама-то откуда?

— Да здешняя я, из Озёрска.

— Да ты что? — ахнул мужик. — Муж-то твой тоже, что ль, там работал?

— Да, работал. Я вот приехала... Хотела разыскать друзей мужа. Скажите, а Ильмира жива?

— Да жива еще была в прошлом году. Она в новом поселке живет, в Карабаше.

— Не подскажите ее фамилию или адрес?

— А вот на той улице, дом такой, с оленями, видела?

— Да, очень красивый дом.

— Так это младший брат Петра, он знает. Ты иди к ним, а то на работу уйдут.

— Зовут его как?

— Никита его зовут, а жену Ниной.

— А вас как звать-величать?

— Меня Георгий Кузьмич.

— Да вы что! Моего деда по отцу тоже Георгий Кузьмич звали! Спасибо вам.

— И тебе, девонька, всего доброго. Ты в калитку-то громче стучи.

На улице меня заждались ребята-фотографы.

— Что, знакомого встретили? — улыбнулись они.

— Да, здесь, вот в том доме, жил друг моего мужа, а на той улице живет его брат. Мне надо туда сходить.

Я снова вернулась к дому с оленями. Постучала. Тихо. Дернула за веревочку, которая торчала из калитки. Калитка была закрыта изнутри. Я присела на скамейку, решила подождать.

Минут через пять я увидела, как Георгий Кузьмич, быстрым шагом пересекая улицу, опираясь на трость, направляется ко мне:

— Что, девонька, сидишь?

Он подошел к воротам и громко застучал.

— Никита, спишь, что ли? Тут к тебе гости приехали. Давай просыпайся!

Посмотрел на меня:

— Сейчас выйдет. Куда денется.

И действительно, минут через пять заскрипели двери, открылась калитка, и передо мной встал высокий, я бы сказала, очень красивый мужчина, лет пятидесяти.

— Чего тебе, дядя Гоша?
— Так вот, гости к тебе, принимай, а я пошел.
— Никита, я хотела вас спросить об Ильмире. Ее муж, Петр, был другом моего мужа.

— Алексея, что ли?

— Да, — удивлённо сказала я. — А вы его помните?

— Как его не помнить, Лёху-то. Они же с Петром еще с армии дружили. В увольнительные вместе в нашем доме бывали, мама их то блинами, то пирогами угощала. Заходи в дом.

В доме был большой коридор, на стенах которого висело много разных инструментов. Прошли на просторную кухню.

— Присаживайтесь. Нина, ты где? Поставь чайник.

Вышла молодая женщина, черноволосая, полная. Поздоровалась.

— Меня звать Таисья. Тая, — представилась я.

— Это жена Алексея Гавриловича, ну, Алексея. Помнишь?

Нина радостно кивнула и начала хлопотать по поводу чая.

Никита, внимательно рассматривая меня, спросил:

— А зачем вам Ильмира?

— Я не знаю... Хочу поговорить с теми, кто вместе с Лёней работал... Петр приезжал к нам, когда Лёне было тридцать.

— Да, я знаю. Петя рассказывал, что Лёша тогда в больнице лежал.

— Его тогда на выходные домой отпустили...

— Ильмира тоже совсем больная.

— Я хочу ее увидеть.

— Хорошо. Я сегодня забегу к ней, всё узнаю. Ты когда уезжаешь?

— Еще не определилась.

Мы договорились встретиться вечером после работы в кафе на центральной улице нового поселка.

Весь оставшийся день мы колесили по Карабашу и окрестностям. Земля, по которой мы ходили, имела все основания называться адом. Остановились у моста, чтобы еще раз снять разноцветные от химикатов воды Сак-Элги. Саня, мой коллега и фотограф, тихо сказал:

— Смотрите, детей ведут с прогулки в детский сад, зрелище не для слабонервных.

Воспитательниц было две. Дети шли по парам, держась за руки. В начале группы и в конце групп их сопровождали воспитатели. Я обратила внимание на ту, которая замыкала отряд. Она была высокого роста, с пучком черных как смоль волос, на ней было простое светлое платье. Ее рост, худоба, осанка и то, как она держала голову, делало ее похожей на

современные модели. Она постоянно прикрывала рот и нос платком и, видимо, ее мучил кашель. Саня торопливо снимал детей, а я вопрошала:

— Но почему в этом аду должны жить дети? И какая несправедливость в том, что одни рождаются где-нибудь в прекрасном месте, у моря, у чистой реки, а другие — здесь, в изуродованном пространстве, где нечем дышать! Ну почему?

Саня, задумавшись, сказал:

— Представляете, какая пытка для родителей, когда дети на твоих глазах дышат этим воздухом, видят эту воду серобуромалинового цвета... И нет от этого спасения...

— Люди оказались в ловушке у одного предприятия, работы больше нет никакой... Обкорнали, изуродовали землю, лишили реки. Если к этому ко всему добавить еще личные горести каждого человека, обиды, болезни — то и в самом деле это ад. Но почему не уезжают? — вслух удивлялась я.

— А вы? Вы почему никуда не уезжаете? На вашем «Маяке» чем лучше? Ваша проблема еще страшнее, только что без цвета и запаха, — отвечал Саня.

Как и договаривались, к шести вечера я была уже в кафе. Минут через пятнадцать пришел Никита, но один, без Ильмиры. Извинился за опоздание и сказал, что Ильмира приглашает к себе на чай. Ильмира жила недалеко, и уже минут через десять мы были в ее маленькой однокомнатной квартире. В ней я узнала ту самую воспитательницу, которая прикрывала рот и нос платком. Вблизи она показалась старше. Оказалось, что в ее чёрных волосах, чуть правее от пробора, была широкая седая прядь, которая, на мой взгляд, даже украшала ее лицо, делала его светлее. Она мне сразу понравилась. Бывает так: идешь в толпе, смотришь на встречных, и все чужие, чужие глаза, чужие лица, чужой взгляд, и вдруг — чьи-то теплые, добрые глаза... И как воды свежей наполнился. Взгляд ее необыкновенно красивых глаз был настолько теплым и родным, что я с первой минуты поняла, что это близкий и родной мне человек.

О чем только мы не говорили. Она показывала альбом, а я представляла их, когда они были счастливы... Разговор зашел о детях; оказалось, что Петр не мог иметь детей всё по той же причине облучения, которое получил, когда еще служил в армии.

Никита, посидев с нами с полчаса, ушел, а мы еще долго смотрели фотографии и говорили, говорили о том времени, когда были счастливы. Ильмира с такой любовью рассказывала о Петре и Лёне, об их дружбе, вспоминала какие-то смешные случаи...

— Ты счастливая, у тебя остались дети, — сказала она напоследок.

Я призналась ей, что приняла решение уехать из страны, рассказала о приглашении в Германию. Я думала, она, как и многие из моего окружения, не одобрит моего решения. Но она, не задумываясь, искренне и убедительно сказала:

— Да, да, обязательно увези отсюда детей.

И начала рассказывать о детях, которые ходят в детский сад, где она работает. У них постоянные ОРВИ, несколько раз в году, летом аллергия... Зданию детсада скоро исполнится пятьдесят лет. Ни разу не было капитального ремонта, даже окна заменить не могут, которые от ветхости и помыть уже нельзя — развалятся. А когда выбросы, смог, через все щели пробивается в здание этот едкий смертельный воздух. И ты ничего не можешь, ничего. А на все жалобы говорят, что в городском бюджете на это средств не предусмотрено.

— Почему ты не уезжаешь? Что тебя здесь держит? — спросила я.

— Все родственники здесь, могилы все здесь... Да и на что, на какие шиши я уеду? Моя собственность — вот эта квартира, а кто ее купит? Соседи вон с тремя детьми хотят давно уехать... Квартиру хотели продать, а кому она нужна в таком месте, где дышать нечем?..

— Возможно, надо как-то противостоять всему этому, — не очень уверенно говорила я. По нашей Конституции каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью.

— Где Конституция и где мы? — улыбнулась Ильмира. Вот дня три назад прошел очередной кислотный дождь. В приемную местной газеты «Карабашский рабочий» пришли десятки людей, возник стихийный митинг. Люди приносили, показывали свой погибший урожай на огородах, плакали, требовали компенсации. А что может газета? Опубликовали фотографии, написали о возмущении людей, а дальше что?

Ильмира, видя, что я уже собираюсь прощаться, взяла меня за плечи и мягко проговорила:

— Пойдем, я тебя провожу. Хлебнем газку, как у нас говорят.

Внизу меня уже ждала машина и уставший от ожидания Саша. На прощание Ильмира, крепко меня обняв, сказала:

— Помни отчий дом, но не рвься обратно. Береги детей, Тая, тебе есть ради чего жить...

Справка от автора

Карабаш — город в Челябинской области. Население составляет около 12 000 человек. Распоряжением правительства РФ от 29 июля 2014 года (№1398-р) «Об утверждении

перечня моногородов» Карабашский городской округ включён в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением». Основным градообразующим предприятием города является ЗАО «Карабашмедь», которое относится к предприятиям 1-го класса опасности.

Приказом российского Минприроды от 25 июня 1996 года № 299 город Карабаш и прилегающие к нему территории были охарактеризованы как зона экологического бедствия. Никаких мер в связи с этим указом не последовало, а вскоре в структуре МПР не стало и подразделения, занимающегося зонами экологического бедствия, и все забыли об этом приказе. Правда, в 1997 г. медеплавильное производство останавливается, но уже в январе 1998 года начинается восстановление старой технологии производства черновой меди.

В 2004 году предприятие «Карабашмедь» перешло под управление Русской медной компании, и для завода началась новая эпоха: руководство РМК инициировало и претворило в жизнь масштабные мероприятия по модернизации производства. Однако нагрузка предприятия на окружающую среду остается крайне высокой, к тому же велик экологический ущерб от прошлых лет.

В Год экологии подписано Соглашение о взаимодействии между Минприродой России, Росприроднадзором, правительством Челябинской области и ЗАО «Карабашмедь» о выполнении природоохранных мероприятий. В соответствии с соглашением, ЗАО «Карабашмедь» инвестирует в природоохранные мероприятия 2 млрд. 332 млн. рублей. Ожидаемое снижение составит около 70 тыс. т. загрязняющих веществ в год. Будем ждать перемен к лучшему.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

«РОКОВОЙ ЧЕЛОВЕК» ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одной из самых теневых и малоизученных персоналий Февральской революции по праву должен считаться Николай Дмитриевич Соколов. О знаменитом «Приказе № 1», изданном Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, знают все, кто хоть немного интересовался историей революции 1917 года, а вот о его «главном» авторе биографических сведений не так и много, хотя фигура эта вполне заслуживает быть включенной в «пантеон» творцов революционной смуты.

Николай Дмитриевич Соколов родился в 1870 году в Петергофе в священнической семье. Его отец — придворный протоиерей Димитрий Павлович Соколов — был видным церковным деятелем, служил в церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге и пользовался заслуженной славой как известный законоучитель и автор ряда богословских сочинений. Однако сыну своему привить религиозные и монархические чувства не сумел — Николай с молодости увлекся радикальными идеями.

Получив юридическое образование, Н.Д. Соколов начал службу присяжным поверенным.

УРОКИ ИСТОРИИ

Помимо адвокатской практики, Соколов писал статьи по вопросам права и политэкономии, которые в 1885—1896 годах публиковались в журналах «Мир Божий», «Образование», «Жизнь» и в других изданиях. Увлеченный революционными идеями, Соколов в 1894 году был привлечен к дознанию по делу народовольцев, а два года спустя — арестован по обвинению в участии в социал-демократическом «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Впрочем, серьезных политических проступков за Соколовым не числилось, и он отделался лишь административной высылкой в Прибалтийский край.

В дни Первой российской революции, 26 ноября 1905 года, петербургскую квартиру Соколова посетил лидер большевиков В.И. Ленин. Связано это было с тем, что на квартире революционно настроенного адвоката проходило заседание Исполнительного комитета Петербургского совета рабочих депутатов, в ходе которого обсуждался вопрос о тактике борьбы с царским правительством.

Как адвокат Соколов выступал защитником в ряде политических процессов в Митаве и Риге, пока в сентябре 1906 года не был выслан временным генерал-губернатором Прибалтийского края В.У. Соллогубом. Впрочем, это не помешало Соколову продолжить адвокатскую деятельность, защищая в судах революционеров. Он выступал по делам Г.С. Хрусталева-Носаря, И.И. Фондаминского-Бунакова, военной организации РСДРП, редакторов «Начала», «Северного голоса», «Вестника жизни» и др.

А.Ф. Керенский вспоминал: *«В конце октября [1905 года] мне позвонил известный адвокат Н.Д. Соколов: «Вам выпал случай принять участие в политическом процессе». Я радостно вскричал: «Когда, где?» — «Наша группа защитников отправляется в Кронштадт на крупный процесс по делу о бунте на крейсере «Память Азова». В нём замешан один из руководителей социалистов-революционеров Фондаминский-Бунаков, и мы взялись защищать его и матросов. К сожалению, в тот же день, 30 октября, начинается еще один политический процесс — в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. Вам следует отправиться в Ревель и взять это дело на себя».*

В скором времени и Керенский и Соколов окажутся членами одной масонской организации — Великого Востока народов России. Известно, что Соколов был членом Верховного совета Великого востока народов России, членом лож «Гальперна» и «Гегечкори», через которые поддерживал связи с левыми и либеральными политиками, включая депутатов

Государственной Думы. В 1912 году Соколов сам выдвигался на выборах в IV Думу от Санкт-Петербурга, но депутатом избран не был.

Отметился Н.Д. Соколов и в нашумевшем «деле Бейлиса», предложив на общем собрании присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате принять заявление, касающееся этого громкого процесса. В заявлении выражался протест *«против извращения основ правосудия, проявившегося в создании процесса Бейлиса, против возведения в судебном порядке на еврейский народ клеветы, отвергнутой всем культурным человечеством, и против возложения на суд не свойственной ему задачи пропаганды идей расовой и национальной вражды. Это надругательство над основами человеческого общежития унижает и позорит Россию перед лицом всего мира, и мы поднимаем свой голос в защиту чести и достоинства России»*.

Опубликованное в ведущих газетах, это заявление вызвало реакцию власти, выразившуюся в уголовном преследовании подписантов, число которых составило 25 человек (так называемое «Дело 25 адвокатов»). Помимо Соколова, среди тех, кто поставил свои подписи, также значился и Керенский. Суд, состоявшийся в июне 1914 года, приговорил Соколова и Керенского как инициаторов к тюремному заключению на 8 месяцев, а остальных подписантов обращения — на шесть месяцев.

«Реакция широких кругов общественности вызвала ярость тех, кто инспирировал дело Бейлиса, и 25 видных адвокатов, подписавших резолюцию, были отданы под суд. Среди них был и я, — вспоминал Керенский. — Наш процесс открылся в окружном суде Санкт-Петербурга 3 июня и продолжался до 6 июня 1914 года — до начала войны оставалось менее восьми недель. Нас горячо поддержала пресса и общественные деятели, независимо от их политических взглядов. Несколько ранее дело Бейлиса подверг уничтожающей критике в консервативном органе печати «Киевлянин» лидер правых в Думе В. Шульгин. (...) Поскольку в новом Уголовном кодексе 1903 года не было статей, относящихся к нашему «преступлению», нам вынесли обвинительный приговор согласно статье 279 закона времен Екатерины II за распространение «клеветнических» анонимных писем. (...) Н.Д. Соколов как один из основных авторов и я как инициатор принятия резолюции были приговорены к восьми месяцам тюремного заключения и лишению прав быть куда-либо избранными». Впрочем, наказание тут же было смягчено, и тюремный срок заменили запретом заниматься адвокатской практикой на соответствующий срок.

Продолжая общение с левыми думцами, Соколов в октябре—ноябре 1916 года участвовал вместе с Керенским в конспиративных собраниях, проходивших на частных квартирах. Большевик А.Г. Шляпников вспоминал, как в начале 1917 года хорошо осведомленный Соколов сообщал ему, что «кто-то» из либеральной и военной оппозиции готовит дворцовый переворот. А когда началась Февральская революция, Соколов сразу же стал ее активным сторонником и участником. И хотя Соколову не суждено было войти в плеяду самых известных политических деятелей Февральской революции, вклад он в нее внес немалый.

Меньшевик Н.Н. Суханов вспоминал, как в первые дни только начинавшейся революции он, желая сориентироваться в происходящем, обратился к Соколову: *«Надо было первым делом собрать информацию по этой «высокой политике». Надо было направиться в такие центры обоих лагерей, где можно получить достоверные сведения. В пятницу вечером я позвонил в такой центр, который мог совмещать в себе (хотя и довольно несовершенно) настроения и освещать планы как буржуазных, так и демократических руководящих групп. Я позвонил к знаменитому петербургскому политическому адвокату, числящемуся по традиции даже большевиком, но более связанному с петербургскими радикальными кругами, везде бывающему и всё знающему Н.Д. Соколову, одному из главных работников первого периода революции. Мы условились созвать представителей различных групп и собраться на другой день, в субботу, у него на квартире, на Сергиевской, часа в три дня, для обсуждения положения дел и для обмена мнений». «От Н.Д. Соколова я не раз впоследствии слышал, что это он повел первые восставшие полки именно к Государственной Думе», — сообщает Суханов.* Керенский также отмечал это обстоятельство в воспоминаниях. *«Уже не припомню, — писал он, — то ли своей жене поручил позвонить одному из моих друзей, Соколову, живущему рядом с казармами, то ли кому-то другому, встреченному по дороге, но я сделал всё возможное, чтобы связаться с Волыньским полком, восставшим явно без всякой определенной цели».* Вместе с Керенским, Некрасовым и другими, Соколов активно устанавливал связь с солдатскими массами и направлял их движение к Государственной Думе. С.П. Мельгунов, ссылаясь на слова лидера эсеров В.М. Чернова, утверждал, что первые три восставших полка, волыньский, литовский и измайловский, были приведены к Думе именно штатским присяжным поверенным Н.Д. Соколовым.

Как отмечает известный историк Февральской революции А.Б. Николаев, Н.Д. Соколов *«27 февраля 1917 г. стал*

одним из организаторов «повстанческого штаба». 1 марта 1917 года он вошел в состав Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы (ВК ВКГД) как представитель Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов, а после 1 марта был командирован в ВК ВКГД в качестве представителя Исполкома Совета для более постоянного участия в ее работах. Избранный секретарем исполкома Петросовета, «сугубо штатский человек», как называет его в своих воспоминаниях большевик А.Г. Шляпников, Н.Д. Соколов стал одним из создателей, изданного 1 марта 1917 года «Приказа №1». Приказ провозглашал гражданские права солдат, вводил выборные начала в войсках, узаконивал существование выборных солдатских комитетов в армии, установил политическое подчинение армии Советам и вверил в распоряжение солдатских комитетов распоряжение всем оружием, отменял титулование офицеров и отдавание чести.

Н.Н. Суханов так описывает обстоятельства появления этого документа: *«Вернувшись за портьеру комнаты 13, где недавно заседал Исполнительный Комитет, я застал там следующую картину: за письменным столом сидел Н.Д. Соколов и писал. Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и навалившиеся на стол солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал. У меня в голове промелькнуло описание Толстого, как он в яснополянской школе вместе с ребятами сочинял рассказы. Оказалось, что это работает комиссия, избранная Советом для составления солдатского «Приказа». Никакого порядка и никакого обсуждения не было, говорили все — все, совершенно поглощенные работой, формируя свое коллективное мнение безо всяких голосований... Я стоял и слушал, заинтересованный чрезвычайно... Окончив работу, поставили над листом заголовок: «Приказ №1». (...) Такова история этого документа, завоевавшего себе такую громкую славу. (...) Приказ этот был в полном смысле продуктом народного творчества, а ни в каком случае не злонамеренным измышлением отдельного лица или даже руководящей группы... Буржуазная пресса, вскоре сделавшая этот приказ поводом для бешеной травли Совета, почему-то приписывала авторство его Стеклову, который неоднократно отрекся от него, не виноватый ни сном, ни духом... Но и Соколова никак нельзя считать автором этого документа. Этот «Ра-аковой человек», как любил говорить Чхеидзе, явился лишь техническим исполнителем предначертаний самих масс».*

Практически сразу же сказались первые плоды «первого приказа». Русская императорская армия стала стремительно разлагаться. *«Значение этого приказа было огромно, — пи-*

сал большевик Шляпников. — Действие его на буржуазные круги было убийственное. Комитет Государственной Думы и все буржуазные организации отнеслись к нему с ожесточением и негодованием. (...) В этом приказе солдаты получили все необходимые им указания, как организовываться в политическую силу (...) Этот же приказ резко оттенил недоверие к офицерскому составу петроградского гарнизона. Вся его деятельность стала под общественный контроль ротных, батальонных и других комитетов, избранных самими солдатами. (...) Солдаты, самые широкие армейские низы, приняли приказ как манифест об освобождении от гнуснейших сторон милитаристического ига».

Но это писал большевик, сочувствовавший приказу. Представители же иных политических сил увидели в этом приказе совсем другое. «Я только что прочитал «Приказ №1», отданный Советом, суть которого сводится к благословению неподчинения солдат приказам своих командиров. Какой псих сочинил и опубликовал это?» — задавался вопросом Питирим Сорокин. «Таков был преступный приказ номер первый, которым наносился могучий предательский удар с тылу по Русской армии, — отмечал в воспоминаниях жандармский генерал А.И. Спиридович. — Ответственными за него пред родиной являются: его главные составители и вдохновители присяжный поверенный Соколов, циммервальдовец-пораженец Суханов-Гиммер, считавшийся большевиком Стеклов-Нахамкес и как главные, начальнические персонажи Совета и Исполкома председатель соц. демократ Чхеидзе и товарищ председателя Керенский». Гвардии полковник Ф.В. Винберг, называл Соколова «трижды проклятым», поскольку он «не мог не понимать, что в роковом этом приказе таилась смертный приговор Русской Армии, конец ее стародавних славы, могущества, чести и доблести». «Несомненно приказ этот — штамп социалистической мысли, не поднявшейся до понимания законов бытия армии или, вернее, наоборот — сознательно ниспровергавшей их, — отмечал генерал А.И. Деникин. — Редактирование приказа приписывают присяжному поверенному Н.Д. Соколову, который извлёк, якобы, образец его из своего архива как бывший защитник по делу Совета 1905 года. (...) Результаты приказа №1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное военными властями расследование «не обнаружилось» автором его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергали учас-

тие свое личное и членов комитета в редактировании приказа. Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертание своего же символа веры». И таких откликов на пресловутый «Приказ №1» можно привести превеликое множество.

Но вскоре насадитель демократии в армии почувствовал последствия «Приказа №1» на своей шкуре. Как сообщает военный историк А.А. Керсновский, «30 июня взбунтовавшимися солдатами 2-й Кавказской гренадерской дивизии был избит член совдепа, «оборонец», присяжный поверенный Соколов — один из составителей «приказа номер первый». Временное правительство, равнодушно взиравшее на избиение и убийства десятков и сотен заслуженных боевых офицеров, бывших для него «чужими», теперь, когда пострадал «свой», потребовало примерного наказания виновных и смещения командовавшего армией. Генерал Брусилов счел нужным исполнить это требование». Досталось Соколову крепко, он попал в больницу, не приходя в сознание несколько дней. «Долго, долго, месяца три после этого, он носил белую повязку — «чалму» — на голове, — вспоминал Суханов. — Так, с обликом правоверного, прибывшего из Мекки, помнят его в революции десятки и сотни тысяч людей».

Революционная активность Соколова была высока. По словам Суханова, Соколов порхал по всем уголкам революционного Петрограда, присутствовал «во всех закоулках одновременно» и приносил в Исполнительный Комитет «сенсацию за сенсацией». Ему же, судя по всему, принадлежала безумная идея похоронить жертв революции на... Дворцовой площади, «где пали жертвы 9 января 1905 года как символ крушения того места, где сидела гидра Романовых...». «Узнав вечером об этом решении, — вспоминал Суханов, — я сильно забеспокоился. А на другой день, прочитав об этом в газетах, забеспокоился и «весь Петербург», имевший хоть самомалейший интерес к художественным свойствам чудесного города... На Дворцовой площади!.. (...) ...Разве можно изуродовать один из лучших алмазов в венце нашей северной столицы? Дворцовая площадь — это замечательнейший монолит, который, кажется, не допускает ни прибавки, ни изъятия, ни перемещения хотя бы одного камня... Да и, спрашивается, где же именно они выроют на Дворцовой площади братскую могилу и возведут мавзолей?.. Надо было немедленно принять меры против этого недоразумения и перерешить вопрос в пользу Марсова поля. Но к кому обратиться для предварительной агитации? Конечно, делу прежде всего поможет старый петербуржец Соколов, не раз с увлечением описывавший мне художественные красоты Петербурга, а в частности, хорошо знакомые ему

дворцы. С ним, с Соколовым, мы произведем дружную атаку на Исполнительный Комитет. Встретив его вечером, я бросился к нему: «Знаете ли вы, что случилось, что решил сегодня Совет?.. Он постановил похоронить жертвы революции на Дворцовой площади!..» — «Да, — ответил Соколов, характерно откидывая назад голову и разглаживая свою черную бороду на обе стороны... — Да, это было под моим председательством!..» Об этом обстоятельстве я совсем забыл... «Ра-аковой человек!» — вспомнил я слова Чхеидзе. Я слишком кипятился, а самый предмет представлялся мне самоочевидным. Речь моя поэтому не страдала избытком логики и убедительности. Соколова же... положение главного участника преступления обязывало несколько упираться... Не помню, что именно говорил он мне в ответ. Потом он, конечно, вполне капитулировал и энергично содействовал перерешению вопроса».

После проведенной А.Ф. Керенским «реформы» Сената социал-демократ Н.Д. Соколов получил назначение в этот высший государственный орган, что вызвало возмущение правых кругов. Выступая в июле 1917 года на частном совещании членов Государственной Думы, В.М. Пуришкевич возмущено констатировал: «Где Соколов, автор приказа №1? Он — сенатор! Он сенатор, тот человек, который сделал невозможной работу в армии и который свел в могилу массу кронштадтских офицеров и массу славных доблестных офицеров всех родов оружия на фронте! Он избит был там, в Рионском и Суражском полках и говорят, когда он бежал оттуда, он кричал: «Смертью карать их, изменников, только так и можно с ними справиться», — но это было поздно. На нём лежит вся ответственность за всё то, что произошло потом. А чем же он стал? Он получил благодарственную сочувственную телеграмму министра-президента Керенского, сочувствовавшего его горю, его несчастью, и он сейчас сенатор».

Впрочем, как утверждал Суханов, это было не поощрение, а почетная ссылка, которую Керенский уготовил своему старому приятелю вместо того, чтобы назначить его на пост министра или заместителя министра в коалиционном правительстве. Да и сенатором, судя по всему, Соколов пробыл недолго. «...Когда Соколов явился в заседание Сената в чёрном сюртуке, то «первоприсутствующий» попросил его удалиться, ибо на его рукавах не красовалось старых сенаторских эмблем. Соколов отказался нацепить на себя царские знаки, и на том его сенаторская карьера закончилась», — писал Н.Н. Суханов. Работал Соколов и в

Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, куда он был направлен как делегат от Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

После прихода к власти большевиков беспартийный социал-демократ Н.Д. Соколов остался в России, устроившись юрисконсультom Советского правительства; работал в разных советских учреждениях. Подробности его биографии в этот период, увы, пока не изучены. Известно лишь, что скончался этот «роковой человек революции» в 1928 году в Ялте.

В ТУМАНЕ ЛЖИ И ПОДТАСОВОК

Столетие начала Великой Русской Смуты XX века, названной в советских учебниках истории «Февральской буржуазной революцией», разнообразно освещалось в СМИ. Однако, несмотря на столь почтенный возраст, событие это, как и многое другое, связанное с трагичным 1917 годом, остаётся скрытым в тумане лжи, кривотолков, откровенных фальшивок и подтасовок. Потому что так было выгодно и либералам, захватившим тогда власть, и узурпировавшим её, в свою очередь, большевикам. Да и нынешним идейным наследникам тех «февралистов», взявшим в августе 1991-го реванш у нокаутированной партократии, нет никакого резона «ворочить прошлое», всматриваться в канву события, потрясшего до основания тысячелетнюю Россию. Поэтому есть все основания не доверять прежним официальным точкам зрения на «Февраль 17-го» и попытаться самостоятельно разобраться со смыслами, поводом, причинами, движущими силами революции. Или, говоря точнее, переворота или заговора. А там, где есть заговор, можно смело говорить о предательстве и измене.

УРОКИ ИСТОРИИ

Главной целью заговорщиков, среди которых находились люди из ближайшего окружения царя, лидеры левых думских фракций, некоторые генералы, представители крупного старообрядческого и еврейского капитала, было лишение власти законного монарха — Николая Александровича Романова. Дальнейшее казалось им уже делом второстепенным. Свой интерес к смене власти по разным причинам имелся как у противников России, так и у её союзников по Антанте, так что недостатка в деструктивных силах и финансировании антимонархического заговора не было.

Отсюда основной упор антигосударственной пропаганды делался на дискредитацию царя, его семьи, самой идеи монархии; якобы ужасающее бедственное положение народов России, изнывающих под ярмом самодержавия; отсутствие всевозможных свобод (это в условиях войны!) и других необходимых для полного «народного счастья» атрибутов. И результат, при отсутствии активного контрпропагандистского противодействия со стороны правительства, не замедлил сказаться...

Кинохроника, фоторепортёры сохранили для потомков ликующие лица современников той поры. Все, кажется, захвачены общим порывом свалившегося на их головы счастья! Ещё бы: случилось грандиозное событие, участниками которого им довелось стать: не стало царя, можно во всё горло кричать: «Свобода!», «Да здравствует революция!», «Долой самодержавие!», и тебе за это ничего не будет. Теперь автоматически на народ, словно из рога изобилия, посыпаются все блага!

Казалось бы, потрясающая наивность! Но вот что вспоминал о тех днях В.Д. Набоков — один из лидеров партии кадетов, член Временного правительства, отец известного писателя и мason: «На улицах масса народу. Везде видны были взволнованные, возбужденные лица, уже висели красные флаги. В то время, как мы проходили мимо Аничкова дворца, какой-то старик, интеллигентного вида и прилично одетый, увидя меня (я шёл с края), сошёл с тротуара, подбежал ко мне, схватил меня за руку и, потрясая её, благодарил меня «за всё, что вы сделали»... На Потёмкинской мы встретили довольно большую толпу городских, которых вели под конвоем... В эти 40—50 минут, пока мы шли к Государственной Думе, я пережил не повторившийся больше никогда подъём душевный. Мне казалось, что в самом деле произошло нечто великое и священное, что народ сбросил цепи, что рухнул деспотизм...»

Чтобы понять описываемый восторг толпы той поры, давайте вспомним август 1991-го! Вспомните в лица участников революционных событий 26-летней давности, запе-

чатлённых на плёнке, или напрягите память. Разве тогда в столице была не та же эйфория? Не те же радостные лица? Разве не читалось на них, что вот теперь точно наконец-то получена чаемая свобода и с завтрашнего дня всё пойдет по-новому — по-лучшему?! Везде — «триколоры» и призывы: «Долой КПСС и ГКЧП!»! Ещё вчера острожные, вполне лояльные властям газеты выходят под едкими, антикоммунистическими заголовками. Помню, например, такой: «Кошмар! На улице Язов!..»

Эти параллели вполне уместные, ведь народ обманулся в обоих случаях, купившись на посулы настоящей свободы, получив взамен катастрофу, крах государства! Хотя есть, конечно, и отличия. Если, например, в 1991-м, на 75-м году советской власти народ, простаивая в очередях, отоваривался по талонам и карточкам, то в феврале 1917-го, на третьем году тяжёлой войны, в России — единственной из воюющих стран, продовольственные карточки не вводились. Хотя трудности, естественно, были. Например, накануне начала событий в Петрограде из продажи пропал чёрный хлеб. И хотя белый, но подороже, лежал на прилавках свободно, появились недовольные. У булочных образовались очереди. И кому-то очень захотелось сделать этот никчемный факт фитилём для потрясшего страну до основания революционного взрыва.

Что ж, попытаемся копнуть глубже и на примерах и фактах разобраться: так ли уж невоготу было русским людям жить при «проклятом царизме»? Воспользуемся для этого статистическими и фактологическими данными, взятыми из справочной, документальной литературы, возьмем, в частности, справочник «Россия. 1913 год», переизданном РАН в 1995 году. Надо признаться, жилось при Николае Втором тогда вполне сносно. Как раз при нём рубль обрёл вес и стал активно теснить марку и франк, обгонять доллар и быстро приближаться к британскому фунту стерлингов — эквиваленту тогдашней мировой валюты. Тогда же, **впервые за всю историю России доходная часть бюджета превысила расходную**. За 10 предвоенных лет превышение обыкновенных доходов над расходами составило свыше двух миллиардов рублей. Бюджет страны вырос с 1,2 миллиарда в начале его царствования (1894 г.) до 3,5 миллиарда рублей к началу войны. Золотой запас страны за тот же период увеличился с 648 миллионов до 1604 миллионов рублей. При этом, налоги оставались самыми низкими среди развитых стран. Например, в 8,5 раз ниже, чем в Британии.

Это привело к **бурному расцвету русской промышленности** и способствовало притоку капиталов из-за рубежа. В период

правления Николая молодая национальная промышленность увеличила свою производительность **в четыре раза!** С началом войны рост производства железных дорог, ежегодно увеличиваясь на 1574 километра — абсолютный рекорд скорости. Это давало мощный толчок для развития тяжёлой промышленности, металлургии и машиностроения, а значит, создавало и рабочие места. Так, за этот период выплавка чугуна в стране увеличилась **почти вчетверо**, добыча угля — **более чем в четыре раза**, добыча марганцевой руды и выплавка меди — **впятеро**, выплавка стали за пять предвоенных лет выросла на 60%. Лидирующие позиции в мире Россия занимала в нефтедобыче и нефтеперерабатывающей промышленности. Причём ещё с 1896 года указом царя экспорт сырой нефти был ограничен, и 94% всей добычи чёрного золота перерабатывалось внутри страны. Российские горюче-смазочные материалы ценились за границей и теснили с рынков лучшие американские образцы. Россия вышла на первое место по гражданскому судостроению. Вопреки советской пропаганде уже тогда в России имелись **электростанции**, строились автомобили, создавались самолёты.

Ни один народ не может похвастаться подобными результатами. Росли доходы и сбережения населения страны, а вслед за ними увеличивалось потребление товаров первой необходимости, что стимулировало лёгкую и пищевую промышленность. Так, в предвоенный период **удвоилось производство х/б тканей**, текстиля, обуви, росла покупательская способность подданных. Огромных успехов Россия добилась в производстве сельскохозяйственной продукции. В период царствования Николая Александровича, несмотря на несколько неурожайных лет, **сбор урожая хлебов удвоился**. Россия являлась главным поставщиком на мировом рынке хлеба, масла, яиц. В предвоенном 1913 году на долю России пришлось **2/5 всего мирового экспорта сельхозпродукции**. Свободный, не отягощённый указаниями сверху, где, когда и что сеять, крестьянский труд давал свои результаты.

Сегодня трудно в это поверить, но в 1912—1917 гг. русские рабочие (по крайней мере, на крупных предприятиях) зарабатывали не меньше европейских, а цены на основные продукты питания в России были гораздо ниже! Так, в 1913 году в Петербурге даже чернорабочий в день зарабатывал рубль с полтиной, а слесарь уже 2 рубля 63 копейки. При этом килограмм мяса в столице стоил 50 копеек, десяток яиц — 30 копеек, буханка ржаного хлеба 3 копейки. На фабриках, имеющих более 100 работников, ещё в 1898 году законодательно

было введено оказание бесплатной медицинской помощи рабочим. С июня 1903 года предпринимателей обязали выплачивать пособия и пенсию пострадавшему работнику или членам его семьи в размере 50—66% его денежного содержания. В 1906 году создаются профсоюзы. А с 1912 года законодательно вводилось обязательное медицинское страхование для рабочих всех предприятий. Социальное законодательство в царской России во время правления Николая Александровича Романова стало одним из лучших в мире, что публично признал президент США Уильям Тафт.

Вполне приемлемыми были и жилищные условия рабочих и служащих: к 1913 году более половины семей рабочих предпочитали жить не в специально построенных для этих целей общежитиях, называемых тогда казармами, а снимать отдельные квартиры. Причём на квартплату уходило не более 20% семейного бюджета (меньше, чем у рабочих Европы и США), а трудился на производстве тогда один глава семьи. Строительный бум начался в России ещё в 80-х годах XIX века и не прекращался вплоть до начала войны, опережая прирост населения, хотя по этому показателю Россия занимала лидирующие позиции в мире (более 2 миллионов в год). Накануне войны наша страна уверенно входила в пятёрку самых развитых и благополучных стран. А по доходам на душу населения находилась на 4-м месте в мире. Хозяйственная самостоятельность широких народных масс выразилась в беспримерно быстром и, что крайне важно, — добровольном развитии кооперации. Росло число ссудно-сберегательных товариществ, потребительских сообществ, активно велось кредитование населения. А его вклады в государственные сберегательные кассы и банки возросли с трех миллионов в 1895 году до двух миллиардов рублей в 1913 году.

При Николае Александровиче бурными темпами развивалось и народное просвещение, на что выделялись громадные суммы из бюджета. Так, финансирование имперского министерства народного просвещения лишь за один год (с 1912-го на 1913-й) увеличилось на 25,5 миллиона рублей или на 21,4%. А с 1901 г. по 1911 г. оно выросло на 120%! В стране вводится бесплатное начальное образование, а с 1908 года оно становится обязательным. На 1918 год было запланировано введение обязательного среднего образования. Но уже среди призывников 1916 года выявляется 70% грамотных. Повсеместно открываются новые школы, средние и высшие учебные заведения. Плата за учёбу в высших учебных заведениях России была самая низкая в мире! Среди студентов технических вузов страны в 1914 году почти 72% — дети куп-

цов, мешан, квалифицированных рабочих, зажиточных крестьян. Да, война затормозила планы царя по полной ликвидации безграмотности среди своих подданных, которую завершили уже большевики, приписав себе все заслуги старого режима...

Парадокс состоит в том, что все эти достижения царизма были на Западе известны едва ли не лучше, чем в самой России, и вызывали там отнюдь не восторг. Накануне войны по поручению своего правительства французский экономист Эдмон Тъери глубоко исследовал русскую систему хозяйствования и признал её высокую эффективность, сделав неутешительный для Запада вывод: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». Завершая свой научный труд, он отметил: «Нет нужды добавлять, что ни один народ в Европе не может похвастаться подобными результатами». Не стали ли эти выводы поводом для скорейшего развязывания Мировой войны с целью ослабления России?

Что же касается мотивации внутренней оппозиции, то наиболее откровенно высказался, пожалуй, по этому поводу лидер кадетской партии Павел Миллюков, уже находясь в эмиграции: «...твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны... ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования». И нам предстоит разгадать ещё много загадок, связанных с событиями вековой давности.

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ

Российское общество несколько расслабилось в связи с избранием Дональда Трампа президентом США. Благодушные ожидания, наполнившие наше инфопространство, способны сыграть с нами злую шутку. Инерционность ожиданий наносит России тем больший вред, чем дольше граждане будут пребывать в ожидании отмены ранее принятых агрессивных планов в отношении России и перехода российско-американских отношений в равноправное взаимовыгодное партнерское русло.

Нам прежде всего следует понять одну простую истину — долгосрочные западные планы относительно распада России никуда не делись. На то они и долгосрочные. Они прекрасно финансируются, под них создана необходимая инфраструктура, обучены десятки тысяч человек, сформированы целые пулы в СМИ, социальных сетях и медиа-холдингах, внедрены тысячи людей в необходимые государственные структуры, которые последовательно выполняют все принятые ранее программы. Эта огромная машина никуда не денется по одной простой причине — она уже достигла такого уровня

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

самоорганизации, что может действовать автономно, вне влияния сиюминутных политических изменений в западной власти.

В 2014 году в США был принят «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014», в рамках которого на гибридную войну с Россией было выделено 117 млрд. дол., причем для работы непосредственно в России — 30 млрд. Закон предусматривает 3-летнее финансирование, которое действует в данный момент и заканчивается только в 2018 году. Финансовые потоки внутри России описаны в пункте 206 Закона под названием «Поддержка российской демократии и организаций гражданского общества», куда входят:

- улучшение демократического правления, прозрачности, ответственности, верховенства закона и антикоррупционные меры;

- усиление роли демократических институтов, а также политических организаций и организаций гражданского общества;

- расширение технических возможностей для нецензурируемого Интернета;

- создание свободных условий для работы независимых СМИ в России, увеличение их поддержки со стороны правительства США, а также помощь в защите журналистов и гражданского общества.

Это — основные направления работы Запада внутри России в рамках только этого Закона. Помимо него существуют десятки других, более долговременных программ, охватывающих все сферы российского общества. К сожалению, российские власти реагируют на появляющиеся угрозы только постфактум, не производя видимых обществу мер противодействия агрессии. Хотя направления экспансии широко известны, и спрогнозировать большинство шагов в рамках западных программ против России специалистам не составляет особого труда.

В настоящее время существует два основных направления ведения против России гибридной войны — внешнее и внутреннее. Внешнее включает в себя огромный спектр противодействия и создания общественного мнения против России. Он включает в себя как военное противодействие на внешних театрах военных действий, так и гражданское — информационное, дипломатическое, спортивное, экономическое, историческое, гуманитарное, культурное, правовое и многие другие.

Из последних инициатив можно выделить доклад «Атлантического совета» под названием «Троянские кони Кремля».

Сам «Атлантический совет» был создан еще в 1961 году для сотрудничества между США и Европой. Как сообщает информационное агентство SMNew в статье «Вашингтон объявит «охоту на ведьм» в Европе», сотрудники американского аналитического центра обвинили многочисленные европейские организации в деятельности в интересах Москвы. Любое проявление свободомыслия со стороны политических, гражданских, общественных организаций и отдельных граждан Европы теперь объявляется «рукой Москвы», а также составляются списки неблагонадежных с целью их дальнейшей компрометации и принятия мер юридического и правового характера.

Для предотвращения «российского влияния» предлагается целый комплекс мер, не отличающийся новизной и много раз опробованный ранее в странах победившей «цветной революции». Правда, в случае осуществления всех этих мер, нынешняя демократия на Западе просто умрет, а западное общество превратится в худший вариант тоталитаризма.

Внутри России планы тоже не отличаются новизной. Из наиболее публичных, которые могут увидеть простые граждане — это, прежде всего, «акции протеста», марши, демонстрации, перфомансы, пикеты. Причем поводы для подобных акций могут быть совершенно различными. 26 февраля в Москве состоялся марш памяти Немцова, который собрал, по некоторым оценкам, от 7 до 15 тысяч человек. И хотя никто из протестующих так и не пришел на могилу Бориса Немцова, чтобы там почтить его память, среди демонстрантов было очень много политических плакатов вплоть до откровенно бандеровских. Правда, у нашего народа давно уже выработался иммунитет против подобных провокаций, а относительно гибели Немцова на фоне череды трагических смертей Моторолы, Гиви, военнослужащих в Сирии и наших дипломатов, в народе стихийно сложился мем: «Герои гибнут на посту, а гниды на мосту». Однако ни одна такая акция не застрахована от хорошо спланированных провокаций, основной из которых является появление «неизвестных» снайперов, которые проливают «первую кровь революции».

В марше памяти Немцова приняли участие и откровенно экстремистские силы, не только открыто призывающие к новой революции, майдану, насильственному свержению существующей власти, но даже анонсирующие эти события. Так, бывший саратовский депутат областной Думы Вячеслав Мальцев со своими сторонниками пришел на марш с плакатом: «05.11.2017. Не ждем, а готовимся!», анонсирующим на 5 ноября очередную октябрьскую революцию.

Помимо явных и открытых демоэкстремистов, есть огромное количество скрытых и латентных, работающих в социальных сетях. Они выдают каждый день тысячи негативных постов про положение в России, против русской истории, исторических деятелей и правителей, русской литературы, культуры, тысячелетнего русского государства и Православия, пока только «загадочно» намекая на готовящийся 5 ноября 2017 года государственный переворот. Уже существуют достаточно серьезные исследования формирования, идеологической накачки, координации действий, а также социального состава подобных групп в социальных сетях на примере Украины.

Создание кампаний по дезинформированию общественного мнения в России уже поставлено на широкую ногу существующими т.н. «либеральными» СМИ, журналистами, публицистами и блогерами. Американские спецслужбы для проведения подрывных акций в России планируют использовать не только социальные сети, но и ресурсы информационных агентств и СМИ. Одним из «кандидатов» для реализации так называемого «Плана Даллеса 2.0» в России является медиахолдинг «Херст Шкулев Медиа». Это достаточно крупный российский холдинг, включающий в себя 42 региональных новостных сайта с десятками миллионов посетителей ежемесячно. То, что медиахолдинг является дочерней компанией американского издательского треста Херста со штаб-квартирой в Нью-Йорке, показал два года назад Евгений Юшук, профессор УрГЭУ и эксперт по конкурентной разведке, в статье «Под Россию заложена медийная бомба. Документы и подробности».

Не прекращаются и тренинг-подготовки «либеральных» журналистов России западными кураторами. Законы Российской Федерации прямо запрещают нерезидентам владеть российскими СМИ, однако они ничего не говорят о журналистах. С 25 по 29 января в английском г. Оксфорде состоялся один из подобных тренингов. Семинар прошел при поддержке посольства Великобритании в Москве, Института по изучению журналистики при Оксфордском университете, Стокгольмского института переходной экономики, Норвежского института международных отношений и российской некоммерческой организации «Московская школа гражданского просвещения» (МШГП). В Оксфорд слетелись более 60 сотрудников федеральных и региональных российских СМИ — ГТРК «Брянск», чувашской «Национальной телерадиокомпания», телеканала «Кубань 24», радиостанции «Вести ФМ», «Стерлитамакского рабочего» из Башкортос-

тана, «Озерского вестника» из Челябинской области, «Молодежной смены» и «Грозный-Информ» из Чечни. Не обошлось и без «монстров» отечественных СМИ — «Новой газеты», «Эха Москвы» и телеканала «Дождь». Активное участие приняла и «Открытая Россия» Михаила Ходорковского. Анализ подобных мероприятий должен подвинуть Государственную Думу на распространение статуса «иностранный агент» не только на некоммерческие организации, но и на журналистов, формирующих информационную политику российских СМИ, с их ответственностью перед Законом.

Не прекращается экспансия в Россию различных западных неправительственных организаций. Помимо того, что многие западные НКО, уже завершившие свои миссии в России, не спешат сворачивать свою деятельность и покидать ее территорию, как это происходит с МО «Международный Красный Крест» в Чечне, российский рынок культуры, образования и истории осваивают и «традиционные» международные НКО. Как считает генеральный директор Центра политической информации политолог Алексей Мухин, российский рынок образовательных услуг должен составить конкуренцию западным проектам по подготовке специалистов в сфере культуры и образования.

В последнее время Россия испытывает нашествие одной из старейшей международной организации «Британский совет» на города России. Самара, Калининград, Саранск, Екатеринбург, Нижний Новгород и еще пять крупных российских городов приняли эмиссаров «Британского совета», которые официально проводили семинары для работников сферы культуры. На очереди Волгоград, Екатеринбург, Казань, Калининград, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург и Саранск. Причем эти семинары проводились в обход официального запрета министерства иностранных дел РФ. Специалисты из Британского совета объясняли необходимость проведения этих семинаров подготовкой к чемпионату мира по футболу 2018.

Западная гуманитарная интервенция в Россию охватывает и сферу образовательных услуг. Причем западные ценности, западная трактовка нашей истории и культуры агрессивно навязываются в государственных образовательных учреждениях — на кафедре эстетики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в Институте экономики, управления и права РГГУ, в Московской высшей школе социальных и экономических наук, в НИУ ВШЭ, в Санкт-Петербургском РГПУ имени Герцена, в Государственной худо-

жественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица. Никуда не исчез и контроль над ведущими российскими министерствами, ведомствами и компаниями со стороны западных консалтинговых и аудиторских компаний. Так, компания «ПрайсВотерхаусКуперс» (PWC) входит в финансовую империю церкви Иисуса Христа святых последних дней (мормонов), еще одного крайне активного игрока на рынке западных неправительственных организаций в России. Ее деятельность охватывает сотрудничество со всеми региональными торгово-промышленными палатами России. В интервью кандидата исторических наук Ольги Четвериковой доказано, что за лоббируемой международными организациями проводившейся до недавнего времени реформой образования в России стоят американские спецслужбы. Поражаешься объему работы по исправлению ситуации, которая предстоит новому министру образования России Ольге Васильевой.

Существует несколько основных сфер деятельности мормонов в России и в постсоветских государствах:

- создание структур, жестко подконтрольных правительству США и центральному руководству церкви;

- ведение разведывательной, вербовочной деятельности в отношении военных объектов и военнослужащих на территории России;

- работа в архивах и музеях РФ, микрофильмирование анкетных данных умерших граждан, баз данных с целью дальнейшего предоставления этой информации разведслужбам США;

- постройка своих культовых и коммерческих сооружений в исторических центрах российских городов с обязательным доминированием их над культовыми сооружениями традиционных конфессий;

- подкуп и коррупция, вовлечение в свои ряды ведущих бизнесменов, чиновников, криминальных лидеров для осуществления своей деятельности;

- серые финансовые схемы в своей экономической деятельности и при взимании десятины с членов церкви;

- политическая деятельность, заключающаяся в прямых выборах в органы власти, членство в оппозиционных партиях, создании «правозащитных» структур, финансируемых из-за рубежа, создание и участие различных молодежных организаций, от религиозных до военно-охотничьих.

Наибольшего результата на постсоветском пространстве мормоны добились на Украине и в Армении. На Украине они построили свой храм, который, как и во всем мире, пользуется

ся правом экстерриториальности и традиционно выше любого православного храма в Киеве.

После обращений к президенту Кучме со стороны иерархов Украинской православной церкви последний ограничил деятельность мормонов на Украине. Однако Украину тут же внесли в «черный список» ФАТФ, что очень больно ударило по промышленности юго-востока. Ющенко снял ограничения, и мормоны смогли построить в Киеве свой храм и начать работу в архивах Запорожья и Днепропетровска по копированию личных данных всех умерших и ныне живущих людей. Подкупая должностных лиц и насаждая коррупцию, мормоны получали архивные анкетные данные по 10 центов за душу.

Помимо скупки политических лидеров, мормоны привлекли целый ряд чиновников, бизнесменов и даже уголовных авторитетов. На юго-востоке Украины интересы мормонов обеспечивал «смотрящий» криминальный «авторитет» Евгений Анисимов по речке Анисим. Помогая Вашингтону через своих людей решать политические задачи на Украине, мормоны имели как меркантильный интерес в размере десятины от всех поступлений в воровской общак юго-востока, так и сакральный интерес в виде архивных данных на всех умерших жителей. Анисимов же взамен отданных 10% получал возможность беспрепятственного вывоза криминальных капиталов на Запад, их легализации и инвестирования в различные активы.

Чтобы иметь представление, какими методами действуют мормоны, достаточно ознакомиться с взломанной хакерами переписки Анисима с высшими представителями ЦИХСПД:

«Дорогой брат Евгений. Очень рад, что мы снова вместе и можем быть друг другу полезны. Что касается Вашей просьбы. Я говорил по этому поводу со старейшиной Швайцером. Он передал вашу просьбу членам Кворума Двенадцати Апостолов. Старейшина Оукс в самое ближайшее время будет иметь разговор с братом Ромни. Он уверен, что ваш вопрос будет разрешен самым благополучным образом. Со своей стороны, мы надеемся на возобновление наших исследовательских работ в Государственном архиве Запорожской области, а также на содействие в поиске разумного диалога с архивистами Донецкой области. Рад Вам сообщить, что материал в Л.А.Т. о господине «И» уже отредактирован и готов к публикации.

С братским приветом Ларри Р. Лоуренс».

Для непосвященных сообщу: Брат Евгений — это известный криминальный авторитет, «смотрящий» за Запорожьем Евгений Анисимов, крестившийся в мормоны. Старейшина

Лари Р. Лоуренс — один из высших чинов в мормонской иерархии, член второго кворума Семидесяти, первый советник в президентстве восточноевропейской территории. Брат Ромни — Митт Ромни, сенатор, бывший кандидат на пост президента США от Республиканской партии. Господин «И» — криминальный авторитет Юрий Иванющенко, который в то время враждовал с Анисимовым. Л.А.Т. — это газета Los Angeles Times, жемчужина в медиа-империи мормонов.

Мормоны отметились и в кровавом перевороте в 2014 году. Предшествующими майдану беспорядками летом 2013 года во Врэдиевке руководил мормон, гражданин США Василий Любарец. Он же был одним из самых ярких ораторов уже на киевском майдане, организатором «самообороны майдана» и создателем националистических вооруженных формирований.

Непосредственно на Донбассе мормоны действовали через неправительственную американскую организацию «Международная Помощь и Развитие». Под видом оказания гуманитарной помощи мормоны смогли открыть на Донбассе (еще до военных событий) свои религиозные организации и получить доступ к архивам Донецка и Луганска. Сейчас в дополнение к уже проникшим в Новороссию западным неправительственным фондам и организациям под крышей ООН в Донецк и Луганск направляются и мормоны с проектом оказания гуманитарной помощи в размере 1,2 млн. дол. Как тут не вспомнить данайцев, дары приносящих...

В России они тоже всерьез принялись за образование, переписывание нашей истории, насаждение в обществе различных исторических мифов. Как сообщается в статье «Историю России переписывают иностранные агенты влияния», представители американской тоталитарной секты проводят скрытую работу по формированию различных проектов и программ в учебных и научных заведениях, реализуют свои планы в масштабах от муниципальных образований до федеральных округов России. Многолетнюю работу по искажению русской истории и внедрению новых образовательных стандартов проводит мормонский фонд Фридриха Наманна, партнер Юлии Тимошенко и ее партии «Батьківщина» на Украине.

Как мы видим, работа Запада по развалу России не зависит от того, демократическая или республиканская администрация сидит в Белом доме. Нам необходимо трезво оценивать эти угрозы и жестко следовать своим национальным интересам. Ну и конечно, — избавляться от агентов влияния во властных государственных структурах.

РАСПАД УКРАИНЫ НЕИЗБЕЖЕН

Шаткость позиций президента Украины Петра Порошенко является настолько очевидной, что этот факт признают и активно обсуждают уже даже киевские эксперты. Проблема его замены, а также оформления и сроков данного процесса стала главным пунктом внутривнутриполитической повестки дня.

Сам Петр Алексеевич президентство отдавать не склонен не только потому, что власть является единственным гарантированным прибыльным бизнесом, но, в первую очередь, в связи с тем, что только сохранение должности обеспечивает ему свободу и даже жизнь. Добровольный уход, не говоря уже о насильственном смещении, переводит его из разряда хищника в разряд жертв, перемещая на самую нижнюю ступень пищевой цепочки.

При этом и Порошенко, и любой из его потенциальных сменщиков прекрасно понимают, что мало захватить кабинет в здании президентской администрации на Банковой, 11 в Киеве. Для того чтобы удержать контроль над страной, любому главе режима необходимо обеспечить себе массивную политическую, дипломатическую, финансово-экономическую и даже военную поддержку из-за рубежа.

Административные, политические, экономические и силовые структуры Украины не просто полностью разложились — они превратились в отрицательные величины. То есть они уничтожают то, что должны создавать, охранять и обеспечивать. Формально сохраняя внешние формы государственности, Украина, по сути, превратилась в скопище разноформатных группировок, борьба между которыми разворачивается уже не столько за центральную власть, сколько за контроль над конкретными базовыми регионами.

В этих условиях только наличие полномасштабной внешней поддержки может позволить центральной киевской власти обеспечить полноценный контроль над страной, по факту уже превращающейся в европейское Сомали.

Первоначальный оптимизм оппонентов Порошенко, начавших ползучий переворот (в форме разного рода блокад), был

связан с неверной оценкой общей внешнеполитической ситуации. Киевские политики четко определили, что с конца 2016-го — начала 2017 года Порошенко лишился поддержки западных покровителей. Из этого наблюдения украинские политики сделали неправильный вывод, решив, что Запад не устраивает лично Порошенко. При другом же президенте полномасштабная поддержка Украины как антироссийского проекта возобновится. Результатом стали многочисленные вояжи оппонентов Порошенко на Запад, где от разных групп влияния предлагались разные претенденты на президентство и разные варианты составов правительственной коалиции в Верховной раде.

Однако в течение последних двух месяцев все претенденты на поддержку Западом своих политических амбиций были разочарованы — надежды не оправдались. В США и Европе не имели ничего против замены Порошенко кем угодно. Но помогать в установлении и стабилизации новой власти отказывались. Киевским визитерам прозрачно намекали на то, что Запад будет работать с любым человеком, который сумеет установить контроль над страной, но самостоятельно. При этом сразу же давали понять, что поддержка если и будет увеличена, то незначительно и когда-нибудь потом. Для начала же можно рассчитывать лишь на то, что дают и Порошенко.

Как уже было сказано, для сохранения государственного единства Украины этого критически мало. Любой киевской власти понадобится не в разы, а на пару порядков больше тех ресурсов, которые выделяются Западом сегодня. В результате в Киеве ситуация зависла.

Порошенко получил временную передышку и даже пытается слепить новую коалицию в Раде, утвердить новый состав правительства и пробует отыграть ситуацию в свою пользу. Создание новой коалиции и нового правительства технически осуществимо, но политическую ситуацию это в лучшем случае не изменит. Скорее ухудшит. Потому что любые изменения в киевских верхах, не обеспеченные масштабной внешней поддержкой, приведут к дополнительному сокращению ресурсной базы режима. А именно критическая нехватка ресурсов является основной причиной нынешнего политического кризиса в Киеве.

Это значит, что формализация распада Украины неизбежна. В этом направлении уже начал играть наиболее penetrantный из украинских олигархов Игорь Коломойский, возобновивший попытки создать собственное «удельное княжество» на базе Днепропетровской, Запорожской и некоторых территорий соседних областей. Остальные игроки всё еще делают ставку на захват и удержание центральной власти.

Единственное, чего им удалось добиться от Запада, — так это рекомендаций восстановить экономические и политические отношения с Россией на уровне 2013 года. В Брюсселе и Вашингтоне, Париже и Берлине открытым текстом рекомендуют Киеву добиться от Москвы крупной финансовой поддержки, восстановления кооперационных связей, реставрации разрушенного производства и возвращения украинских производителей на российские рынки. При этом власть на Украине должна сохраниться в руках «умеренного» крыла представителей нынешнего режима, а прозападная ориентация Киева не должна ставиться под сомнение. Запад готов пообещать только отказ от приема Украины в НАТО и ЕС. Но это уже свершившийся факт — в приеме в эти структуры Киеву и так отказано.

Вряд ли сами западные политики верят, что Москва может согласиться на подобный «компромисс». Просто в ЕС и США не желают больше тратить на Украину дефицитные ресурсы и в то же время понимают, что окончательное оформление развала создаст дополнительные проблемы всем — и России, и Западу. В лучших своих традициях Запад пытается предложить России за свой счет решить общие проблемы, возникшие по вине ЕС и США.

Москве торопиться некуда. Она может ждать, когда в Брюсселе и Вашингтоне созреют более разумные предложения. Не может ждать только Украина. Поэтому готовящийся работать в условиях фрагментации государственности Игорь Коломойский скорее всего опять окажется самым предусмотрительным из украинских олигархов и займет лучшую позицию из возможных в начале нового, последнего этапа украинской трагедии.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2017 год
(Январь — апрель)

В последние дни 2016-го и в посленовогодние дни 2017-го на Первом канале — сплошной, безвылазный Галкин. Сугубо «либеральное» руководство Первого канала, похоже, решило сделать из этого хамоватого пересмешника с лошадиным оскалом главного фигуранта эстрады и ТВ.

СМИ резко прекратили давать какую-либо информацию по Ту-154. Ни о расследовании причин катастрофы, ни о фрагментах самолета и тел вообще больше не заикаются. Видимо, потому, что настоящим специалистам слишком явно было видно вранье, которым нас дурили СМИ. Но те, кто близко связан с авиацией и кто не желает подыгрывать вранью, всё прекрасно понимают.

Почему-то никто ни в СМИ, ни в Интернете не обращает внимания на такой факт: прошло уже десять дней с гибели под Сочи Ту-154, но о похоронах погибших — нигде ни звука. А ведь погибли очень из-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

вестные и очень уважаемые люди — Доктор Лиза, военные журналисты центральных телеканалов, опытные пилоты, не говоря уже об артистах ансамбля им. Александрова вместе с его руководителем.

Видимо, пока некого хоронить. А те фрагменты тел, которые обнаружены, похоже, пока не удалось опознать. То есть тела — разорваны на части. И это при падении самолета на воду при взлете со скоростью 330 км/ч...

Сейчас СМИ как-то дружно примолкли насчет «ошибки пилотов» и вообще стараются не вспоминать про погибший самолет. Даже на 9-й день по ящику никто про погибших не вспомнил. А зачем, когда столько весёлых концертов и хохмачей по всем центральным каналам? Но время заставляет задавать главным властям неудобные вопросы. И чем дольше затягиваются честные ответы, и чем дольше отсутствует профессиональная, серьезная аналитика, тем этих вопросов накапливается всё больше и больше.

Вот и ответ на вопрос, отчего СМИ прекратили долдонить об «ошибке пилотов»: родственники погибших крайне возмущены сразу навязанной нам официальной версией. Они ей не верят.

* * *

Тот, кто вверг русский народ в братоубийственную войну, в кровавый красный террор и в жесточайшую идеологическую диктатуру, уже почти сто лет лежит в мавзолее на Красной площади. Разве это не абсурд? Но даже если абстрагироваться от всего того ужаса, который обрушился на наш народ после октября 1917 года, и более того, даже если признать неизбежность в тех обстоятельствах захвата власти большевиками, всё равно сам собой возникает естественный вопрос: а зачем, для чего нам теперь, в XXI веке, труп на Красной площади?..

* * *

В конце 70-х годов прошлого века руководителем литературной студии «Красная Пресня», которую я регулярно посещал, стал Вадим Валерьянович Кожинов. Он сразу обратил внимание на мои стихи и приблизил меня к себе. «Показывайте мне всё, что напишете», — сказал он. Я неоднократно бывал у него дома, и мы подолгу беседовали о жизни и о литературе. Он, конечно, был непревзойденный рассказчик и собеседник, ну а знания его были поистине энциклопедическими.

Но однажды он привел меня в полную растерянность. Когда в очередной раз я оказался у него в гостях, Вадим Валерья-

нович взял с письменного стола несколько машинописных страниц. «Вы знаете, Валерий, я тут поработал над вашими стихами, кое-что подправил... — с загадочной улыбкой произнес он. — Вот, посмотрите. Мне кажется, в таком виде они будут гораздо интереснее...» Честно скажу, это был удар ниже пояса. Сейчас уже и не помню, лучше они стали или хуже. Дело было не в этом. А в том, что это были не мои стихи. Я не стал его разочаровывать, что-то пробубнил невнятное в ответ, уже не помню что. Но по моей реакции он, видимо, понял, что больше этого делать с моими стихами не надо. Кстати, точно так же пытался мои стихи переделывать на свой лад Юрий Кузнецов, когда я был в его семинаре на ВЛК и когда предлагал стихи ему в журнал. Однако я не поддержал и этих потуг.

Но вот что интересно. Татьяна Глушкова и Вадим Кожин были резкими идеологическими противниками друг друга, несмотря на их яркий исследовательский талант и открытую русскую позицию в литературе. Татьяна не раз слишком негативно высказывалась в печати по поводу кожиновских работ, а в беседах слишком пренебрежительно оценивала его заслуги в русском движении. Кожин это знал, но отвечал ей снисходительным молчанием. И всё же, когда в начале 80-х ему стало известно о наших с Татьяной близких отношениях, он стал ко мне откровенно холоден. В гостях у него я больше не бывал. Да и студию «Красная Пресня» я перестал посещать.

Почему-то за В.В. Кожинным абсолютно безосновательно увязался ярлык антисемита. Видимо, по той причине, что он поднимал на щит именно русскую, а не русскоязычную поэзию. Но даже не принимая во внимание тот факт, что обе его жены были еврейками, приведу здесь другое свидетельство. Из литературной студии «Красная Пресня» он помог пробиться в литературу только двум молодым стихотворцам еврейской национальности, которым тогда, в 80-е годы, по его протекции удалось издать книжки стихов в «Советском писателе».

* * *

Прежде я уже писал в «Протуберанцах» о мало кому известной страсти Вадима Валерьяновича Кожина к гитаре. Играл он на семиструнке великолепно! И пел прекрасно и задушевно. В основном классические романсы. Но мог спеть и блатную песенку. Например, «Кирпичики» у него звучали так, что выбивали слезу. Много пел он на стихи Рубцова. Особенно мне запомнилось его проникновенное исполнение романса на музыку А.Лобзова «В этой деревне огни не погашены».

Вадим Валерьянович умел быть душой компании. В 80-е годы я не раз бывал в застольях, где Кожинов пел под гитару. Однажды у кого-то дома мы просидели за столом всю ночь до утра. И Кожинов всю эту ночь нам что-то рассказывал и между рассказами брал в руки гитару, подстраивал ее, пробовал несколько аккордов и начинал петь. Никто из нашей компании не пошел спать, и ночь пролетела как одно мгновение.

Поэзию он понимал и чувствовал профессионально. Как и музыку. Фальшь, искусственность, подделку — замечал моментально. Да, он обладал этим душевным камертоном. Поэтому и строгим был в оценке. Евтушенко и Вознесенского он не воспринимал как русских поэтов в принципе. Оба они были для него искусственными, вышедшими не из русской культурной традиции, не из русской почвы, не из русских корней. И он открыто писал об этом. Причем нельзя сказать, что он их не любил, презирал или ненавидел, нет, он их просто не воспринимал. Но вот они его, в ответ, именно ненавидели.

Как-то раз в верхнем буфете ЦДЛ, в цветном зале, я оказался за одним столом с А. Вознесенским и ныне полузабытым стихоплетом, эпигоном Вознесенского — Петром Вегинным, позже эмигрировавшим в Израиль. Я сидел с графинем водки. Свободные места оказались только за моим столом, и они подсели ко мне с чашечками кофе. Я не был им знаком. Слово за слово мы разговорились. Я предложим им водки, но они отказались. Разговор, естественно, перешел на тему поэзии, и Вознесенский неожиданно стал последними словами поносить Кожинова, который, по его словам, ни бельмеса не смыслит в поэзии, отстал от современного ее развития, но при этом берётся о ней рассуждать. Причем говорил он со страстным, искренним возмущением и закончил своё словоизвержение такой фразой: «Кожинов — это критик с тухлым взглядом». Уже не помню, как мы в тот вечер расстались, но через несколько месяцев мне попала в руки книга Вознесенского «Прорабы духа». И в этой книге присутствовала та самая, уже знакомая мне фраза, правда, без указания фамилии: «критик с тухлым взглядом». Назвать фамилию он постеснялся. Мол, догадывайтесь сами... Подловатость и трусоватость всегда были присущи «либеральному» стану псевдотворческой «элиты».

* * *

Новый стиль Кремля. Убили нашего посла в Турции. В ответ — никакой реакции. Взорвали наш самолет с артистами и Доктором Лизой, направлявшийся в Сирию. В ответ — ни-

какой реакции. Выкинули, как котят, 35 наших дипломатов из США. В ответ — никакой реакции. Теперь это называется новым стилем Кремля.

* * *

Все ждут воцарения Трампа. Одни с надеждой, другие со страхом. Даже в России каждый день в новостях напоминают, сколько дней осталось до его инаугурации, как будто он 20 января должен воцариться в Кремле. И дикторы по ящику, и политологи всех мастей в центральных СМИ упорно внушают обывателям, что с приходом к власти Трампа мы освободимся от санкций, будет решён украинский вопрос, а вместе с ним и сирийский, а также будет покончено с проблемой международного терроризма. Ну а Европа ждёт этого дня с нескрываемым трепетом, думая, что Трамп и вправду исполнит свою предвыборную угрозу о роспуске НАТО...

Конечно же, ничего этого не случится, как не случилось ничего ожидаемого, когда в ту или иную деревню приехал «благодетель-барин» 200 лет назад. Но сладостное ожидание его приезда вселяло в людей надежду на лучшую долю и придавало сил на то, чтобы терпеть самодурство и несправедливость местных приказчиков. «Вот приедет барин...» — надеялся каждый.

* * *

31 декабря 2015 года перед боем курантов президент сказал: «Уверен, что будущий год будет успешным и радостным, лучше предыдущего». Прозвенели куранты и все закричали «Ура!».

31 декабря 2016 года перед боем курантов президент произнёс: «Уверен, что будущий год принесёт нам новые успехи и новые радости. И он будет лучше предыдущего». Пробили куранты и все закричали «Ура!»

31 декабря 2017 года перед боем курантов...

Так, глядишь, с новыми успехами и новыми радостями и до коммунизма скоро доживём...

* * *

Американские ублюдки в 1991 году с помощью своих агентов влияния уничтожили нашу страну, разорвали ее на части. А теперь они о русских хакерах что-то вякают...

* * *

На 22-й день после катастрофы с Ту-154 в закрытых гробах захоронили фрагменты 47 тел, обнаруженных в Чёрном

море под Сочи. Видимо, это те тела, которые удалось идентифицировать. А где остальные тела из 92-х погибших? Вполне возможно, их просто уже не существует. Никакой информации по этому поводу нет. И каково родственникам этих людей?

* * *

Америка вдруг оказалась в каком-то подвешенном состоянии. Американская масонская элита бьется в истерике: впервые выборы президента США прошли не по ее сценарию. И ведь действительно, в этот давным-давно отработанный процесс вмешались какие-то **необъяснимые**, по мнению главных масонских воротил, **непредвиденные** силы. Можно даже подозревать, что силы эти — не от мира сего.

До сих пор штатовская избирательная машина не давала сбоев, наверх всегда выдвигались и поднимались «нужные» люди, и выборщики всегда выдавали нужный этим воротилам результат. Точнее говоря, нужный результат планировался заранее, утверждался на высшем масонском совете и чисто технически, безотказно проводился через подконтрольную им избирательную систему. Согласно их решению очередным президентом США должна была стать старая извращенка Клинтонша.

И вдруг в этот раз что-то пошло не так. Причем с самого начала. Некий непредсказуемый и, естественно, «беззаконный» бизнесмен по фамилии Трамп сразу начал путать их карты. Он стал говорить о них правду и в том числе — про ту большую и беспомощную дуру, которую они тащили на высшую должность в стране. И большинству простых американцев эта правда понравилась. А также Трамп сказал, что будет руководить страной ради простых американцев.

И всё-таки без влияния высших сил, думаю, внедрить брешь в американский отлаженный избирательный механизм было практически невозможно. И потому, когда Трамп непредсказуемо победил, их «демократическая элита» оказалась в полной растерянности. Вскоре эта растерянность переварилась в абсолютно непотребную истерику всей т.н. «демократической общественности», уподобившейся обманутой истеричной женщине, на которой обещали жениться и которую жестоко кинули. И начались дешевые, высосанные из пальца козни, положенные в подобных ситуациях по закону жанра.

Действие высших сверхъестественных сил, приведших «беззаконного» Трампа в Белый дом, американская «демократическая элита» должна была чем-то объяснить. Кроме как «русскими хакерами» объяснить это она ничем не могла. Ну и, конечно же, подобно обманутой истеричной женщине, она не

могла не «припомнить» ему «русских проституток», естественно, завербовавших его «по указке Кремля». А ведь действительно, чем еще, если рассуждать с колокольни американской (как, впрочем, и европейской) масонской элиты, возможно объяснить абсолютно недопустимую победу непредсказуемого миллиардера Трампа на президентских «выборах» в США? Никакого влияния высших сил принимать в расчет она не имела права по определению. Потому что в этом случае в их мозгах начала бы трещать по швам вся их многовековая отлаженная масонско-дьявольская система власти. А допустить этого и тем более примириться с этим они никак не могли. И потому ради самоуспокоения и ради самооправдания в ход были пущены «русские хакеры» и «русские проститутки».

Но самое для них печальное заключается не в том, что президентом США стал Трамп, а не полоумная Клинтонша. Самое для них неожиданное и страшное заключается в том, что под влиянием высших сил они утрачивают власть над миром и что человеческий мир с этого момента становится иным.

* * *

Либералы и демократы по всему миру терпят поражение — в России, в Америке, в Европе. Давно известно, что либералы и демократы — такие же левые, как и коммунисты, да и как всё интернациональное еврейство. И чаще всего — такие же безбожники и ненавистники Православия. Вместе возмущались судом над «Пусси райт», вместе протестуют против передачи Церкви музейных храмов. И вместе терпят поражение. А правые по всему миру — побеждают. Потому что Бог — на стороне правых. Это чисто **православный** лозунг: «Наше дело правое, победа будет за нами!»

По словам Чубайса, сказанным им 17 января в интервью Радио Business FM по окончании Всемирного экономического форума в Давосе, он «испытывает ощущение ужаса от глобальной политической катастрофы». Этот хлыщ нутром чувствует, откуда исходит опасность для него лично и для всего мирового демо-либерализма. И ведь не случайно вся пиндосская «демократическая элита» на ушах стоит после победы Трампа.

Такая весьма символичная деталь: два последних президента-демократа, Клинтон и Обама, — левши. А оба последних президента-республиканца, Буш и Трамп — правши.

* * *

Счастье очень опасно. Нужно остерегаться его и всегда помнить о том, что оно слишком хрупкое и не бывает долго-

вечным. Отнимая счастье, Бог напоминает нам, что нельзя слишком погружаться в него, что земная жизнь дана человеку не для счастья. А мы и впрямь в своем хрупком счастье то и дело забываем про вечную душу. Но это значит, что душа, лишенная счастья, нужна Богу.

* * *

19 января был праздник Богоявления — Крещения Господня. Ящик целый день показывал нам, как по всей России люди окунаются в ледяную воду. Абсолютно бессмысленный и, кстати сказать, опасный для здоровья ритуал. Однако СМИ скрывают, не освещают широко факт того чуда, которое каждый год происходит в месте крещения Христа. О нисхождении Благодатного огня на Пасху центральные СМИ сообщают, даже показывают его на всю страну, а вот о чуде на Крещение — помалкивают. Видимо, их еврейские боссы считают, что хватит с нас и одного явного проявления Божественной воли на земле. Но хоть бы раз показали, как на реке Иордан в день Крещения в какой-то момент вдруг начинается бурление воды, и она течёт вспять. Постепенно вода успокаивается и приходит в свое обычное движение. Сколько ни пытались объяснить это явление атеистические эксперты, ни к какому внятному объяснению так и не пришли. Как и в случае с Благодатным огнём.

А по ящику нам каждый год в этот день показывают купания в проруби... Как будто это имеет какое-то отношение к таинству Крещения...

* * *

Ушастая обезьяна села в голубой вертолёт и улетела. Навсегда.

Но прилетела некая Мадонна (60-летняя девушка «с пониженной социальной ответственностью») и послала всю Америку (как сказали по Первому каналу ТВ) в женские гениталии...

* * *

После первой президентской речи Д.Трампа на Капитолийском холме мир изменился: Обама почернел, Клинтонша побледнела, Б.Клинтон — постарел и стал похож на побитую дворняжку, Мадонна — охренела, Меркель — опухла, Параша — еще больше освинел мордой лица, а российские демолибералы судорожно жуют свои хвосты.

* * *

Знаменательный и о многом говорящий факт. В 2017 году, ровно через сто лет после коммунистической революции, Русской Православной Церкви передан величественный Исаакиевский собор. Этот факт является последней, окончательной точкой в победе Церкви над безбожной коммунистической идеей. И не случайно ком. атеисты вместе с этнолибералами по этому случаю подняли такой гвалт. Они сами почувствовали знаменательность данного события. И надо бы спросить у атеистических ком. говорунов: почему возвращение Крыма России — это хорошо, а возвращение храма Церкви — это плохо?..

* * *

29 января. Первый канал ТВ. Программа «Время новостей». Премьер Д. Медведев: «У нас сложная страна. Поэтому антисемитизм у нас недопустим. Ни в каком виде».

О русофобии в нашей сложной стране он не сказал ничего.

* * *

Всякая правда для евреев звучит антисемитски. Потому-то они слова Петра Толстого о вышедших сто лет назад «с наганами из-за черты оседлости» восприняли именно так. И подняли свой обычный гвалт. А что, разве не вышли? Один Мишка Япончик (Беня Крик из Одессы) чего стоил...

Давно известно: если евреи поднимают мировой гвалт, значит, кто-то где-то сказал про них правду.

* * *

В Донбассе нет «братоубийственной» войны. Фашистские мрази не могут быть братьями русским. Фашистская Украина — это чуждая нам страна. И народ, желающий войны с русскими, — это другой, чуждый нам народ. Донбасс противостоит фашистским карателям и озверевшим террористам — таким же, как игиловцы, таким же, каких выбили из сирийского Алеппо. Что, разве в Сирии идет братоубийственная война? Что-то мы такого не слышали.

Тяжелая артиллерия фашистской Украины и ее реактивные установки вновь, как и два года назад, бьют по жилым кварталам донбасских городов и поселков. Дети проводят ночи в подвалах. А российские СМИ и соловьевские балаболы, как дрессированные попугаи, продолжают долдонить о «братоубийственной» войне. Это кто же там «братья»? — нужно у них спросить. Может быть, подонки, озверевшие мрази и безмозглые украинские «киборги» кому-то могут быть братьями?

Защитники Донбасса встали стеной перед украинским фашизмом, вскормленным, поощряемым и вооружаемым европейскими ревашистами. В конце января, перед началом нового наступления украинских дуболомов, фашистский ублюдок Парашенко побывал в Германии, пообщался со старой русофобкой Меркель и получил от нее «добро» на уничтожение русских. А под войну с русскими можно и денег дать. И на донбасской земле вновь предстал перед нами европейский фашизм, но уже под личиной украинского фашизма.

Два года назад кремлевские «партнеры» не дали его додавить, в срочном порядке прикрыв «минскими соглашениями». Теперь он снова пошел в наступление. Замирить его ничем не удастся, сколько бы наши высокопоставленные менеджеры ни играли с ним в кошки-мышки. Фашизм замирить нельзя. Его можно только уничтожить. Других способов избавления от него в мире не существует. Но сколько нужно растерзанных трупов жителей Донбасса, чтобы эта простая аксиома дошла до мозгов кремлевских «партнеров» и думских прикормленных сидельцев? Неужели благоволение Трампа для них гораздо важнее?

* * *

Что такое театр? Это представления, поставленные на основе литературных произведений. Авторами этих представлений в большинстве своем являются писатели — драматурги, прозаики или даже поэты. В кино — та же картина, но там к авторам еще добавляются сценаристы. Режиссер тоже не самостоятелен, он также зависит от содержания литературного произведения или сценария.

А кто такие артисты? Это те, кто воплощает на сцене или на экране литературные замыслы авторов и идеи режиссеров. Но если сказать проще и грубее, они — дрессированные театрално-киношные обезьянки, которые самостоятельно не могут шагу ступить, не говоря уже о произнесении текстов. И вот эти, опять же грубо говоря, клоуны пользуются всенародной известностью и любовью, награждаются всевозможными званиями, бесконечными премиями и облачиваются властью. В то время как писатель в нашей стране, чьи тексты произносят эти петрушки и попугаи, не имеет элементарного узаконенного профессионального статуса.

Неопределенное, а точнее говоря, униженное положение писателя в нынешней России, о котором не раз напоминалось главным властям, остается по сей день неизменным — неопределенным и униженным.

Всячески опекаемые президентом спортсмены имеют узаконенное звание заслуженного мастера спорта. Артисты точно так же имеют давно узаконенные звания заслуженных и народных. Кинематографисты, композиторы, художники, певцы, танцоры, учителя, ученые — все имеют свой законный статус, который, соответственно, оплачивается государством. И только писатель, являющийся членом профессионального союза, не имеет в России ничего — ни звания, ни статуса, ни соответствующей оплаты, получаемой спортсменами, артистами, художниками и т.д. за свои звания. Даже больничный лист писателю никем не оплачивается.

Кстати сказать, в наших национальных республиках писатели эти звания имеют и получают за них от местных властей соответствующую оплату. И только русский писатель оказался обделённым центральной властью и брошенным на произвол судьбы. За что же так не любит *эта* власть русских писателей? Отчего она в упор не желает их видеть, игнорируя все обращения к ней по этому поводу?

И ведь мы свыклись с таким своим положением, смирились со своей судьбой и уже перестали задавать самим себе эти вопросы. Но это те вопросы, которые должны в первую очередь звучать на съезде Союза писателей и которые наконец обязана услышать *эта* власть.

* * *

230 млрд. рублей — на всю российскую науку в течение последних 7 лет. 640 млрд. — на чемпионат мира по футболу в 2018 году. Этих цифр достаточно, чтобы понять приоритеты и дурость этой власти.

И при этом мы собираем с миру по нитке на лечение детей с тяжёлыми заболеваниями. И никому там, наверху, не стыдно.

* * *

Вот что такое агрессивный сепаратизм т.н. «национальных республик». Когда мы предоставили независимость прибалтийским «государствам», они лишили гражданства русских жителей. Когда мы дали независимость Азербайджану, он развязал войну в Карабахе. Когда дали независимость Молдавии, она развязала войну в Приднестровье. Когда дали независимость Грузии, она начала войну в Абхазии и в Южной Осетии. Когда отпустили в «незалежное» плавание Украину, она развязала войну в Донбассе. В Средней Азии прошла череда клановых переворотов с неизменными погромами и вырезанием «чужих». Вот чем обернулось ленинское «са-

моопределение национальных республик вплоть до отделения». И ведь его, вождя всех угнетённых, об этом предупредили. Но он не внял, стоял на своём. Он что, разве не понимал таких последствий? Но, похоже, именно эти внутренние войны и эта резня и были целью его законодательного «самоопределения республик». Мы их в конце концов и получили. Скажем большое спасибо дедушке Ленину и пойдем благодарно поглазем на его «живую» мумию. Он и впрямь живее всех живых. Дело его живет и побеждает.

Между прочим, календарь 1917 года полностью совпадает с календарём 2017-го...

* * *

Бог попускает дойти украинскому маразму до своего предела. Изжит он будет только лишь дойдя до своей расстрельной стенки или до края пропасти, куда он рухнет, как библейские свиньи, в которых вошли бесы. Бессмысленно его вразумлять или пытаться остановить уговорами — никакие слова на него не действуют, а только еще сильнее разжигают его самодурство и маразматическую истеричность. Он должен выгореть изнутри, спалиться сам собой или в самом себе захлебнуться. Мы даже уничтожить его не сможем, потому что подрастут новые украинские маразматика и начнется всё сначала. Нет, не *украинство* как таковое, а именно зародившийся в нём *украинский маразм* губит весь малоросский народ. И пока он полностью не исчерпает себя, как сумасшествие, как страшная зараза, как эпидемия чумы и холеры, перевоспитывать, совестить украинцев нет никакого смысла. И нам придётся наблюдать за омерзительным движением украинского маразма к своему пределу.

* * *

У нелюдей очередная радость. Убит еще один легендарный лидер донбасского ополчения, героический командир батальона «Сомали» — Гиви (Михаил Толстых). Рано утром 8 февраля взорван в Донецке украинскими диверсантами.

Призрак (А.Мозговой), Бетмен (А.Беднов), Батя (П.Дрёмов), Моторола (А.Павлов), Болотов, Гиви... Все они — жертвы трусливой, «партнёрской» политики Кремля. А точнее говоря — известно кого.

Сколько бы мне ни рассказывали про «мудрость» ВВП, гибель этих героев и каждодневные жертвы мирных жителей Донбасса невозможно оправдать ничьей трусоватой «мудростью».

Одно из самых отвратительных явлений нашей действительности — звучащая реклама. Она изнасиловала наш народ. И она стала, наверное, самой изощрённой формой морального геноцида, производимого над населением торгашеской кастой. Насилие рекламы страшнее физического насилия — ей невозможно сопротивляться, она преследует нас на каждом шагу.

Что, разве власти этого не понимают? Или им на это плевать? Но доход, идущий в бюджет от налога на рекламу, застит им глаза и надёжно перекрывает всякие моральные поползновения в головах властей. Власть и деньги, слившись в одно целое, стали неразрывны и взаимозаменяемы: власть — это деньги и деньги — это власть. А реклама — это подпитка и звуковое оформление тесного альянса власти и денег. Убейте рекламу — и основы этой власти начнут рассыпаться.

То ли они живут в другом мире, никак не соприкасающемся с тем миром, в котором живём мы... То ли сознательно, глядя нам в глаза, цинично издеваются над нами...

Сегодня, 17 февраля, ВВП на совещании с экономическим блоком правительства с довольным выражением лица объявил на всю матушку-Россию (этот фрагмент показали в вечерних новостях), что в стране за прошедший год снизилась инфляция и в этом году она продолжает снижаться. Но как это ни смешно, именно **сегодня** в московских магазинах подскочила цена практически на все продукты — на хлеб, на масло и другие молочные изделия, на крупы, мясо, курятину и т.д.

Впрочем, понятно: кого волнует какая-то цена на хлеб и масло в том мире, в котором живут они? Ведь в силуановских отчетах инфляция и впрямь каждый день снижается... В их мире, глядишь, скоро уже коммунизм наступит...

Как в старом советском анекдоте:

— ...Леонид Ильич, это Тэтчер, а не Ганди.

— Да я и сам вижу, что Тэтчер. Но у меня-то в бумажке написано: «Ганди»...

Ни в каких новостях — ни по радио, ни по ТВ не сообщили о смерти И.Р. Шафаревича.

Вот оно, засилье сионской мафии в СМИ и во власти.

Учёный с мировым именем, член-корреспондент РАН, лауреат Ленинской премии по математике... для *этой* власти —

пустой звук. Вот если бы какой-нибудь пересмешник кости откинул — вой стоял бы на всю планету.

А всё почему? Потому что Игорь Шафаревич открыто говорил и писал о проблемах русского народа. Не российско-го, а русского. Потому что он первым ввёл в общественный и политический оборот термин «руссофобия». Такое *они* не прощают. И каким бы учёным или писателем такой человек ни был, никаких сожалений о его смерти мы никогда от *них* не услышим.

* * *

Ни секунды не сомневаюсь в том, что главу нашей делегации в ООН Виталия Чуркина ликвидировали. По всей видимости, отравили. За день до его юбилея. Обамовская банда отомстила за то, что уж слишком часто и слишком хлётко он опускал американскую делегацию в её собственные помои. А крыса Пауэр аж нервными пятнами покрывалась после каждого его выступления. Такие вещи эти твари не прощают.

Как стало известно, утром 20 февраля В.И. Чуркин вошел в свой рабочий кабинет, сел за стол и мгновенно умер. Это отработанные способы ликвидации опасных людей спецслужбами США.

Орден за мужество, — это боевой орден, его посмертно дают только погибшим, то есть убитым, но никак не умершим. Значит, Путин знает, что Чуркина убили. Знает и молчит.

* * *

Во время т.н. украинского «АТО» Россия являлась главным инвестором этого террористического псевдогосударства. Только в 2016 году российский бизнес вложил в экономику Украины около двух миллиардов долларов, что составляет 38% всех инвестиций в «нэзалэжную». Об этом сказано в отчете Государственной службы статистики Украины. И сколько бы официальный Киев ни орал о «русской оккупации», никогда он не будет объявлять войну своей дойной корове.

2 марта нам сообщили, что Параша пообщался по телефону с Путиным. Подробности их разговора для всех остались в секрете. Но если и после этого продолжаются обстрелы Донбасса из тяжелых орудий, это означает, что разговор у них шел на какую-то другую тему..

* * *

Фейковые СМИ США, названные Трампом «врагами народа», лихорадочно ищут в новой президентской админист-

рации госчиновников, общавшихся с российскими госслужащими, на предмет разглашения первыми государственных секретов и нарушения ими американских интересов.

А между прочим, с Путиным встречался Обама... И не однажды... Не является ли это нарушением американских интересов?.. Не пора ли ЦРУ, ФБР, Госдепу и американской прокуратуре заняться расследованием этих переговоров... Кто бы намекнул Трампу...

А уж сколько раз с Путиным встречалась Меркель!.. Разве это не компромат на нее?.. Разве это не повод для недопущения ее до новых выборов?..

* * *

Укропские радикалы делают то, что, по сути, должны были делать российские власти. Сначала они перекрыли снабжение Укропии донбасским углём, а теперь перекрывают поставку угля в «нэзалэжную» из России. «Партнёрский» Кремль все годы т.н. «АТО» втихара снабжал самостийников российским углём, несмотря на все вопли о «москальских оккупантах». Но Бог не играет в кости. И руками бандеровских укродебиллов Он делает то, что должны были делать мы, потому что иначе придавить украинский фашизм никак не получится, т.к. «партнёры» из Кремля будут нянчить, холить и кормить его до скончания века. Вот и толкает Бог самих укропрыгунов задушить в блокаде потерявшее разум тупое нацистское образование под нелепым названием Окраина. Окраина разума, памяти и человечности.

* * *

В скором времени мы узнаем, что Улюкаев, как и Сердюков, «ни в чём не виноват».

Легендарный «Генерал Фикс», то есть Олег Феокистов, уволен 7 марта с поста главы безопасности «Роснефти» и из рядов ФСБ. Феокистов слыл самым авторитетным генералом спецслужбы.

Феокистов в «Роснефти» был прикомандированным сотрудником, которые входят в специальный аппарат (АПС) и приказом главы ФСБ назначаются в экономически особо важные компании для контроля. До «Роснефти» Феокистов пять лет возглавлял подразделения собственной безопасности, созданные в 2004 году по инициативе тогдашнего вице-премьера Игоря Сечина (ныне — глава «Роснефти»). Последняя громкая операция под руководством Феокистова — разработка и задержание экс-министра экономического развития Алексея Улюкаева.

Некоторые наши публицисты-атеисты, даже члены Союза писателей, в очередной раз набросились на Наталью Поклонскую. Ну не даёт им покоя «депутатша от Крыма»! Сначала им очень не понравился портрет Николая Второго в ее руках во время прохождения на День Победы в Бессмертном полку. Теперь же они попытались раздуть из мухи слона после ее появления в передаче «Прожекторперисхилтон».

Сначала трудно было понять: почему именно она вызывает такую злобу у вроде бы патриотических и вроде бы русских поборников некой обезбоженной «духовности»?.. При чем, как оказалось, Поклонская их раздражает гораздо больше, чем все гозманы, урганты, амнуэли, ковтуны и парасюки, вместе взятые...

Хотя, конечно, можно догадаться, что дело тут не в ней, не в Наталье Поклонской. А в клопочущей внутри них атеистической закваске и так называемой «совковости» в худшем смысле этого слова. И любое проявление православной веры в поступках известного человека их начинает бесить и колдобить. Атеистическую прививку пересилить им невозможно, несмотря на их конъюнктурную потребность разглагольствований о русской культуре и русской духовности...

Так вот, набросились они на Поклонскую за то, что, мол, она спела блатную «Мурку» в этой идиотской передаче «Прожекторперисхилтон»... Я специально посмотрел в Инете эту передачу. Длилась она долго, более часа. Наталья там появилась минут за десять до окончания — пригласили по поводу 8 Марта. Четыре непрестанно ржущих оболтуса пытались острить, несли какую-то чушь, заговорили о фильме «Матильда», против которого выступает Поклонская, и в самом конце передачи, минуты за две до финала, подарили цветы и попросили ее сыграть для них на рояле. Она села и заиграла красивую мелодию... И тут в качестве подготовленной провокации эти четыре смехача выскакивают на сцену, хватают гитары и начинают орать «Мурку». Видно, что Поклонская — явно в растерянности, она прекращает играть и сидит молча, не подпевая им и лишь грустно улыбаясь. Она, не сомневаюсь, поняла эту провокацию и уже наверняка знала в ту минуту, какие реплики посыплются в ее сторону после этой хохмаческой выходки...

На следующий же день в Интернете появились фотографии с Поклонской за роялем в окружении четырех мордатых идиотов с подписью: «Поклонская играет «Мурку»... Так они создают провокации. Это хорошо известно. И как же нашим дуболомным атеистам и «совкам»-публицистам тут не подыг-

рать и лишний раз не постебаться над «православной прокуроршей»?! Мало сказать, что всё это выглядело лицемерно. Всё это выглядело и дёшево и омерзительно.

По Первому каналу который день идёт очередной одеско-дерибасовский сериал «Мурка» (после сериала про Мишку-Япончика), и вся страна смотрит эту дешёвку, пускающая слюни от удовольствия. И что-то никаких возражений, язвительных реплик и уж тем более издевательств данный киношный факт не вызывает ни у публицистов-атеистов, ни у «культурных писателей»... Их почему-то только одна Поклонская волнует и вводит в раж... Впрочем, выше уже сказано, почему.

У меня лишь одна претензия к Наталье. Зачем она пришла в эфир к этим давно засвеченным провокаторам? Вот что значит — не москвичка. Но пора бы уже знать мерзкое нутро этих смешливых мальчиков...

* * *

В 2014 году Кремль не решился ввести войска в восставший Донбасс, пообещав защитить его, и не защитил. Три года на Донбассе шла война, унесшая жизни нескольких тысяч русских людей. Но даже и теперь, когда Донбасс оказался в экономической и транспортной блокаде, Кремль по-прежнему трусит признать независимость двух донбасских республик, не говоря уже о присоединении их к России. Путина пугают новые санкции, да и ЧМ по футболу, как дамочков меч, висит над его головой... Лишение России этого престижного чемпионата станет большим моральным поражением Путина. И Донбасс вновь приносится в жертву. А ведь присоединять его к России всё равно придется. Через новые жертвы, через новые человеческие трагедии, через новые санкции, но придется. Логика событий и логику истории переломить уже не удастся никому, они **заставят** трусоватую кремлевскую «элитку» вынужденно принять в Россию Донбасс и более того — забрать оккупированные фашистской хунтой территории Донецкой и Луганской областей. Упорство, жертвенность и героизм донбассцев победят кремлёвско-партийскую нерешительность и нацистско-укропскую озлобленную тупость.

* * *

В Крыму — победный салют. Люди празднуют трехлетие освобождения от укронацизма. А Донбасс содрогается от разрывов снарядов тяжелой артиллерии. Почему? Потому что Крым — это Чёрное море. А Донбасс — это чёрные шахты...

* * *

Оказывается, в Крыму нет отделений Сбербанка России. Ни одного. Так как руководство Сбербанка боится международных санкций по отношению к нему.

То есть для Грефа решения Госдепа США являются более важными, нежели интересы России и ее граждан.

* * *

Стопроцентная закономерность в работе российских СМИ. Любой взрыв и пожар за рубежом объявляется терактом или диверсией. Аналогичные происшествия на нашей территории мгновенно объясняются коротким замыканием или непотушенным окурком. В крайнем случае — случайным взрывом бытового газа.

Новые примеры — взлетевший на воздух склад боеприпасов под Харьковом («диверсия») и взорванный цех готовой продукции на пороховом заводе в Казани («короткое замыкание»). Как и положено российским СМИ, закономерность их работы соответствовала предписанной инструкции.

* * *

Они больше не скачут. Три года скакали, крича: «Хто нэ скаче, той москаль!» Теперь, видать, все стали «москалями»... Теперь у них скачут мозги и глаза от скачущих коммунальных тарифов.

Укродуроломы всё сделали самостоятельно: блокировали сами себя от энергопоставок и денег из России. Останавливаются градообразующие заводы в Днепропетровске, Харькове, Мелитополе и Мариуполе. «Хероям слава!» Из-за отсутствия поставок «москальского» ядерного топлива нарушается работа Запорожской АЭС, что чревато новой аварией... «Ще не вмэрла...»

И поражает трусость населения. Отчего же рабочие этих заводов не возьмут власть в своих городах и не разгонят малочисленную кофду бандеровцев, блокирующих не только железнодорожные пути и автодороги, идущие из России, но и саму жизнь этих рабочих и всего населения огромных мегаполисов?

Безмозглая инерция укросознания пережила века. Она всегда одна и та же: какие бы проблемы ни возникали в «нэзалэжной», во всём виноваты москали и Россия. И эта инерция блокирует всякую естественную мысль украинца о собственной вине и собственной дурости. Вскочит прыщ на лбу укронациста — значит, надо идти громить российские банки.

Уже давно рабочие умирающих заводов и городов юго-востока могли выдвинуть ультиматум мерзавцу Параше, переловить своих доморощенных бандерлогов и лишить их передних зубов. Нет, сидят, смотрят телевизор, ждут, когда их придут освободить ополченцы Донбасса...

Инерция укросознания поистине неистребима.

* * *

Ушел последний из знаменитой четвёрки — Е. Евтушенко. Кто из поэтов моего поколения в 70-е годы не был подкуплен его стихами?... Да, как не признать, это было явление — странное и в таком масштабе уже неповторимое. Прожил 84 года, оброс легендами и анекдотами, исписал море макулатуры, две трети которой — откровенная халтура в угоду моменту. Жил на широкую ногу, объездил весь мир, общался с главами государств, имел пять законных жён... И при этом, как ни удивительно, сумел создать вокруг себя ореол борца за свободу, притесняемого и гонимого... Лауреат Госпремии СССР и России. Самому Андропову по ночам звонил...

Вся жизнь Е. Евтушенко — пародия на самого себя. То прославлял Сталина, то поносил его. То писал «Братскую ГЭС», воспевая коммунизм и коммунистов, то под влиянием перестроечного ветра клеймил советскую власть, репрессии и Гулаг. То русские у него не хотят войны, то они же — фашисты, черносотенцы, погромщики и антисемиты. И ведь был весьма одарённым от природы, но без русского стержня, без духовных скреп, вертелся как белка в колесе, разворачиваясь на 180 градусов в зависимости от конъюнктуры и веяний времени. Флюгер, хамелеон, а по свидетельству И. Бродского — «сексот». То у него «идут белые снега», то он гуляет по улицам Тель-Авива в форме израильского офицера...

Нет никаких оснований называть его большим русским поэтом. Слушая его высказывания, невольно приходишь к выводу, что он так и не понял, не осознал назначения русского поэта. Он прожил жизнь приспособленца и искусного имитатора поэтического лидерства, играющего роль властителя дум околотитературной публики. И действительно, Евтушенко был талантливым версификатором, порой изящно, до 40 лет, **играл в стихи**. Но с изменением событийной реальности и морального климата вокруг него — легко изменил самому себе, своим заявленным «убеждениям» и растиражированным стихотворным декларациям, что является явным признаком полукровного, то есть флюгерного сознания. Это для русского поэта — самоубийственно. Что, собственно, с ним и произошло задолго до его физической смерти.

По всей видимости, духовная пустота, ощущение хаоса в душе и отсутствие русского стержня толкнули его в конце горбачевской, эйфорийной для либералов «перестройки» к достижению власти. Захотелось встать над всеми и всеми командовать. В 1991 году вместе с Ю.Черниченко и В.Коротичем Евтушенко захватил власть в Союзе писателей СССР, подверг его раздраю и развалил. После чего в сквере возле Дома Ростовых писатели сожгли чучело Евтушенко с его полусумасшедшими выпучено-округлыми глазами. В том же году он потребовал от властей разгона Союза писателей России и изгнания русских писателей из здания на Комсомольском проспекте. Но и тут — проиграл. Писатели забаррикадировались в здании и отстояли свой Дом.

Что ему оставалось, когда всё было проиграно? Только одно — уехать оттуда, где он всю свою жизнь лгал. Лгал себе и другим. И он уехал. Уехал в ту страну, которую долгие годы высокогонорарно клеймил в своих хлестких, лживых стихах.

Да, мы, его современники, надолго запоем помним его долговязую фигуру в неизменно клетчатых штанах и пестрых пиджаках. Неистребимое желание выделиться среди всех и быть любимцем публики не покидало его до конца дней. В последний год своей жизни он решил напомнить о себе в России, проехался с выступлениями по нескольким нашим провинциальным городам, но прежнего восторга не получил. И вновь покинул нас, разочарованный. Умирать уехал в Америку.

Не раз я слышал от писателей его поколения, как они называли его шутком гороховым. Наверное, незаслуженно. Но ведь угораздило же его уйти в мир иной 1 апреля...

* * *

3 апреля в Санкт-Петербурге случился очередной теракт в вагоне метро. 14 погибших и более 50 раненых. В эпицентре взрыва обнаружен смертник, прибывший из Киргизии. Во время этого теракта Путин находился в Питере. Все центральные СМИ, как дрессированные попугаи, начали долдонить, что это совпадение — «случайное»... Президент, оказавшийся здесь «случайно», возложил цветочки к станции метро, где погибли люди.

Я уже не раз писал о том, что во всех терактах в российских городах несет личную ответственность один-единственный человек, с каким-то маниакальным упорством не желающий останавливать нескончаемый и неконтролируемый поток мигрантов из Средней Азии и Закавказья (в частно-

сти, из Азербайджана) в нашу страну. Стоит кому-либо под-
нять этот вопрос на встрече с президентом, он тут же впадает
в многословную демагогию, попусту забалтывая проблему и
доводя ее до кухонного уровня. Так было всегда. Можно не
сомневаться, что ничего не изменится и в этот раз. Как пёр-
ли азиатско-закавказские мигранты в Россию каждоднев-
ным потоком, так и будут переть, несмотря ни на что. Реаль-
ность нам неизменно показывала, что политика для крем-
левских менеджеров гораздо важнее нескольких жизней по-
корного электората.

Но всё же хочется спросить: сколько терактов в наших
городах должно произойти, чтобы в Кремле пошевелили хотя
бы мизинцем ради приостановки террористически-наркоти-
ческого миграционного вала, ежечасно и ежеминутно накрыва-
ющего Россию? 500? 1000? 5000? Впрочем, вопрос этот ри-
торический. Потому что ответ на него в голове одного-един-
ственного известного человека, героя женских фантазий, по
всей видимости, отсутствует.

Общемировая тенденция по растворению белого населе-
ния азиатско-африканским проводится в жизнь неуклонно,
упорно и весьма успешно. А теракты призваны для того, что-
бы мы смирились с этой тенденцией.

* * *

И вот уже по ящику, как и положено, завели старую пес-
ню: «Преступность национальности не имеет...»

А преступники ее имеют? — хотелось бы уточнить у крем-
левских и думских высокоумных голов.

В тот же день, когда случился теракт в Питере, в Аст-
рахани дагестанской бандой были застрелены два поли-
цейских. Причем тот же ящик назвал преступников имен-
но дагестанцами. Как же так? Ведь преступность у нас
национальности не имеет... Явно прокололись телевизи-
онщики, нарушили указ президента. А по инструкции
надо было так сообщить: «Прибывшие из Дагестана тер-
рористы, не имеющие национальности, расстреляли не
имеющих национальности астраханских полицейских».
Пусть учатся, пока жив, чтобы выговор от начальства не
получать.

* * *

Террорист Акбаржон Джалилов, этнический узбек, шесть
лет назад прибыл в Петербург из Киргизии, получил здесь
работу и российское гражданство. А затем подорвал себя в
вагоне питерского метро. Русские, с большим трудом выез-

жающие в Россию из бывших республик СССР, никого здесь не убивающие, не грабящие и ничего не взрывающие, должны пройти не семь, а десять кругов ада, чтобы получить российское гражданство. Многие так и возвращаются ни с чем в эти бывшие республики СССР, где каждодневно проходят через те же самые круги ада. Но акбаржоны джалиловы для толерантных и гостеприимных российских чиновников — самые дорогие, самые приятные и долгожданные гости, которые даже без знания русского языка в мгновение ока становятся российскими гражданами. И после каждого теракта другие высоставленные чиновники нам настойчиво объясняют: «Преступность национальности не имеет». Да мы и не спорим... Впрочем, нас никто об этом и не спрашивает.

* * *

Через два дня после того, как узбек А.Джалилов устроил взрыв в питерском метро, в Москву с официальным визитом прибыл президент Узбекистана. Как мы видели из теле-репортажей, встреча двух президентов сопровождалась их объятиями и широкими улыбками. А путинские заверения в дружбе и тесном сотрудничестве двух государств ясно говорили о том, что никакого пресечения миграционного потока из Средней Азии как не было, так и не будет. И что теракты — это уже обычное явление нашей действительности, не имеющее отношения ни к Узбекистану, ни к Таджикистану, ни к другим территориальным источникам терроризма и наркосбыта.

После случая с взорванным фонариком возле входа в ростовскую гимназию власти навязали нам новый термин: «бытовой терроризм». Мол, успокойтесь, дорогие россияне, не паникуйте, это не исламисты, это всего-навсего обычный рутинный «бытовой терроризм», привыкайте... Телевизорные сцены насилия, привычно воспринимаемые нами с полным безразличием, вышли в реальную жизнь.

Псевдолиберальные русофобствующие «оппозиционеры» выступают против Путина, надеясь с помощью Запада вновь прорваться к власти. Их цели понятны. Но как быть русским людям, у которых от этой власти с каждым годом проблем становится всё больше и больше? И проблема миграции, насильно нам навязанная и, как видим, никак не решаемая, но, наоборот, только усугубляющаяся, становится чуть ли не главной проблемой в жизни русского человека. А президент, Дума и Совет Федерации демонстративно от этой проблемы отвернулись и делают вид, что ее для них не существует.

7 апреля США нанесли удар крылатыми ракетами по сирийской военно-воздушной базе Шайрат в провинции Хомс. Было выпущено 59 «Тамагавков». Уничтожены авиаангары, РЛС и шесть боевых самолетов. Сразу после этого удара игиловские бандформирования пошли в наступление на позиции сирийских войск.

Как я и писал ранее, хваленые путинские С-400, с информационной помпой установленные в Сирии, оказались стопроцентной туфтой. Для чего и против кого они там были установлены? Сбивать американские и израильские самолеты и ракеты у Путина кишка тонка. Никогда он такой приказ не отдаст. Он даже против Украины боится пальцем пошевелить. А Турция вновь стала путинским «партнёром»... Тогда против кого и для чего стоят там эти «грозные» С-400? Для раздувания ноздрей?

Трамп наконец сбросил примирительные маски и показал всему миру и прежде всего пребывающим в наивных надеждах словьевским говорунам свой чугунный ястребиный клюв. Более того, он показал «партнеру» Путину, что вместе с объединённой Европой готов начать войну с Россией.

Вот и случилось то, о чём я предупреждал последние 10 лет: путинское «партнёрство» окончательно провалилось. И теракты игиловцев, с позволения Кремля заполонивших нашу землю, не случайно произошли накануне этого ясно открывшегося провала.

Если Кремль и в этот раз ограничится своими обычными пустыми заявлениями, последуют новые еще более жесткие удары заокеанского ястреба. И чтобы их предупредить, Россия обязана нанести ответный удар — на Украине и в Сирии. Иначе грядущий День Победы нам придется встречать как день поражения.

Интересно, будут ли и дальше российские телевизионщики умиляться платьями Мелании Трамп?..

США создали Игил и бьют по Сирии на стороне Игила. Тут никаких сомнений уже быть не может. И в этой связи интересно другое. Отчего же Игил вообще не заикается об Израиле? Отчего Игил действует практически во всех странах Ближнего Востока, кроме Израиля, и не собирается с ним воевать? Более того, Игил даже палестинцам не думает помогать в их борьбе с израильскими оккупантами. И вот самое главное доказательство подчинения игиловцев своим заокеанским хозяевам: вскормленные Вашингтоном головорезы-

исламысты разрушили три государства, бывших главными врагами Израиля, — Ирак, Ливию и Сирию. И американцы будут нам жестоко мстить за попытку уничтожения Исламского государства. Ведь Керри и Обама в конце прошлого года нам пообещали, что взрывы в нашем метро могут повториться...

Надо знать, что для США никакие договоренности не имеют значения. Любые из них они могут нарушить в одно мгновение без предупреждения. Это аналог гитлеровской Германии. И еще надо знать, что Европа поддержит США в любых действиях, в любых преступлениях, в любом варварстве. Но, похоже, кремлевская верхушка этого еще не понимает. И этот факт ее непонимания и незнания преступной природы дьявольского государства может привести к катастрофическим последствиям для России.

Интересно то, что арестованный в Москве организатор теракта в питерском метро А.Азимов тоже, как и Джалилов, имел российское гражданство. Это означает, что игиловские террористы не только свободно прибывают в нашу страну, но еще и легко и свободно получают наше гражданство. И чиновники, которые предоставили российское гражданство этим игиловцам, совершившим страшный теракт, как мы видим, не несут никакого наказания.

Удар американских «томагавков» по сирийской авиабазе вызвал лишь словесное осуждение Кремля. Никакого адекватного ответа со стороны России, как я и ожидал, не последовало. Ограничились переговорами с американским госсекретарем Тиллерсоном. Причем об Украине, по словам кремлевского пресс-секретаря Д.Пескова, на этих переговорах речь вообще не шла.

Взгляд в будущее. 2050 год. Закончилось очередное заседание Совета безопасности России. Путин обсудил с новыми членами Совбеза ситуацию на Донбассе...